

**Белгородский государственный университет
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина**

**БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ – 2009.
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**Сборник научных трудов международной научной конференции
студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых**

г. Белгород, 10 апреля 2009 г.

Белгород 2009

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2...)
Б 15

Печатается по решению Редакционно-издательского Совета
 Белгородского государственного университета

Сборник научных трудов студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, составленный по итогам работы международной научной конференции «Белгородский диалог – 2009. Проблемы российской и всеобщей истории», прошедшей 10 апреля 2009 г. на историческом факультете Белгородского государственного университета.

Оргкомитет конференции:

декан исторического факультета БелГУ,
 кандидат исторических наук, доцент **И.Т. Шатохин**;
 декан исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина,
 доктор исторических наук, профессор **С.И. Посохов**;
 заведующий кафедрой российской и всеобщей истории БелГУ,
 доктор исторических наук, профессор **Н.Н. Болгов**;
 заведующий кафедрой документоведения БелГУ,
 кандидат исторических наук, доцент **А.И. Папков**.

Рецензенты:

профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета
 доктор исторических наук, доцент В.В. Пенской

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Белгородского
 государственного технологического университета им. В.Г. Шухова О.А. Смоленская.

Редакционная коллегия:

С.Н. Прокопенко (ответственный редактор),
 В.В. Василенко, А.А. Дворецкая, А.И. Дудка, К.В. Козлов, В.С. Кулабухов, В.В. Малай,
 Е.Н. Меньшикова, Е.Ю. Прокофьева, Г.И. Старченко, В.А. Сарапулкин.

Белгородский диалог – 2009. Проблемы российской и всеобщей истории: Сб. науч. тр. Междунар. науч. конф. студ., маг., аспирантов и мол. учен. / Отв. ред. С.Н. Прокопенко (г. Белгород 10 апреля 2009 г.). – Белгород, 2009. - 174 с.

Сборник научных трудов «Белгородский диалог – 2009. Проблемы российской и всеобщей истории» включает в себя работы студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых России и Украины, рассматривающих широкий спектр проблем отечественной и всемирной истории. В основе сборника – материалы конференции, подготовленной историческими факультетами БелГУ и ХНУ.

СОДЕРЖАНИЕ

«Белгородский диалог» открыт	7
Агарков А.Ф. ДИНАМИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМАНДОВАНИЯ РАСКВАРТИРОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX.....	8
Богданов Д.Е. «ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ И ОТКУДА ОРЕЛ РОССИЙСКИЙ СТАЛ ЕСТЬ...»	13
Бостельманн А.А. РЕФОРМАЦИЯ, АБСОЛЮТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ)	18
Вепренцева Т.А. МЕДИЦИНСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРО- ВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	25
Власов А.Н. МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ КАТКОВ И ПОЛЬСКОЕ ВОСТА- НИЕ 1863 ГОДА	29
Воронько А.А. ХАРАКТЕР БОЕВЫХ ТРАВМ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ. САГА О ГРЕТТИРЕ	34
Долженков И.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВ- ЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	36
Дьяконов М.В. КОМПЛЕКТОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	41
Дюкарев В.А. СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ПО ДАННЫМ АТТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ	44
Еремеев П.В. СТАРООБРЯДЧЕСТВО ХАРЬКОВЩИНЫ В 1920-Е ГГ. (ЧИСЛЕННОСТЬ, ВОЗРАСТНОЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ СО- СТАВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ)	51
Котин М.А. САРМАТСКИЕ ЗООМОРФНЫЕ СОСУДЫ НА БОСПОРЕ	58
Кочарян С.Г. ХАРЬКОВСКИЕ АРМЯНЕ: ПОЯВЛЕНИЕ И СТАНОВЛЕ- НИЕ ОБЩИНЫ (ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)	65
Красникова Е.А. ЧЕЛОВЕК АНТИЧНОГО БОСПОРА (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ)	69
Кременев Д.М. ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВА- ЛУЙСКОГО УЕЗДА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ И БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ К «ДЕКЛАРАЦИИ МИТРОПОЛИТА СЕР- ГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)» В 1927 ГОДУ	72
Моргун О.В. «ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР» В МОДЕРНИЗАЦИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ СЕЛИМА III	74
Пастушенко А.А. О СОСТАВЕ КОРАБЕЛЬНЫХ КОМАНД И ПРИЧИНАХ КОРАБЕЛЬНЫХ БУНТОВ В АНГЛИИ XVI В.	80
Петров С.Д. РЕФОРМА СЛОБОДСКИХ ПОЛКОВ 30-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА: ПРОВЕДЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	84
Половнева Л.С., Мишакин Д.А. ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУ- МЕНТООБОРОТА В АДМИНИСТРАЦИИ г. БЕЛГОРОДА	90
Пчелинов-Образумов А.А. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936- 1939 ГГ. НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОГО ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»	92
Родивилов А.А. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНЫХ	

МЕДАЛЕЙ «ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ – ТРЕТЬЕ РАТНОЕ ПОЛЕ РОССИИ»)	97
Ростовцев А.М. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗВОСПИТАНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	101
Сбитнева Ю.Н. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД Н.П. КОНДАКОВА	107
Семенист И.В. США: ПОИСКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX ВЕКА	109
Снежко В.В. КУРСКОЕ ЖЕНСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ КАК ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.	113
Стронина О.Н. РОЛЬ ИМПЕРАТОРА ХУБИЛАЯ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ КИТАЯ (ПО «КНИГЕ РАЗНООБРАЗИЯ МИРА» МАРКО ПОЛО)	120
Терещенко О.А. ДІТОНАРОДЖЕННЯ У СЕЛЯНСЬКІЙ КУЛЬТУРІ XIX СТОЛІТТЯ (ПРАГМАТИЧНИЙ ТА РЕЛІГІЙНИЙ АСПЕКТИ)	123
Фомичев Н.Н. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1937 гг.) В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ TIMES)	131
Чумаченко М.А. А.Ф. КОНИ – ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ	134
Шабанова А.А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	143
Шалыгина Д.Л. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ОБРАЗА ВРАГА И ГЕРОЯ В ПРОПАГАНДИСТСКИХ ПЛАКАТАХ СССР ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	148
Шенцов М.Е. ХТОНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЛИГИИ ОРФИКОВ	153
Шеремет О.М. СТАНОВЛЕННЯ І РОЗВИТОК ХАРКІВСЬКОГО ТЕЛЕБАЧЕННЯ У 50-60-Х РР. XX СТОЛІТТЯ: ОСНОВНІ ЕТАПИ, ОСОБЛИВОСТІ, ПРОБЛЕМИ ТА НЕДОЛІКИ	158
Шишко Е. НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ В СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТАХ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Л.И. БРЕЖНЕВА (1964–1982)	163
Щур А.В. ВИНО КАК ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (ПО АФИНЕЮ ИЗ НАВКРАТИСА)	169
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	172

CONTENTS

«Belgorod Dialog» has been launched	7
Agarkov A.F. DYNAMICS OF LEGISLATIVE REGULATION OF INTERACTION BETWEEN COMMAND OF THE BILLETED TROOPS AND LOCAL AUTHORITIES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY.....	8
Bogdanov D.E. ORIGINS OF TWO-HEADED EAGLE AS HERALDIC EMBLEM OF THE RUSSIAN STATE	13
Bostelmann A.A. REFORMATION, ABSOLUTE MONARCHY AND NATIONAL IDENTITY IN ELIZABETHAN ENGLAND (BASED ON THE LITERATURE OF THE ERA)	18
Veprantseva T.A. MEDICAL ORGANIZATIONS IN RUSSIAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY.....	25
Vlasov A.N. MIKHAIL NIKIPHOROVICH KATKOV AND THE POLISH UPRISING OF 1863.....	29
Voronko A.A. NATURE OF COMBAT INJURIES IN THE ICELANDIC SAGAS. SAGA ABOUT GRETTIR.....	34
Dolzhenkov I.A. ACTIVITIES OF LOCAL (ZEMSKIE) AUTHORITIES IN THE KURSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY.....	36
Dyakonov M.V. RECRUITMENT OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE CRIMEAN WAR (KURSK PROVINCE AS AN EXAMPLE)	41
Dyukarev V.A. FAIRNESS IN PERCEPTION OF ANCIENT GREEKS IN THE CLASSICAL PERIOD ON THE BASIS OF ATTIC TRAGEDY	44
Yeremeev P.V. OLD BELIEF IN THE KHARKIV REGION IN 1920-s (QUANTITY, AGE, ETHNIC AND SOCIAL STRUCTURE, ECONOMIC STATUS, MUTUAL RELATIONS WITH AUTHORITIES)	51
Kotin M.A. SARMATIAN ZOOMORPHIC VESSELS IN THE BOSPORUS	58
Kocharyan S.G. KHARKOV ARMENIANS: FORMATION AND ESTABLISHMENT OF COMMUNITY (SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)	65
Krasnikova E.A. MAN OF THE ANCIENT BOSPORUS (ON THE BASIS OF THE FIGURATIVE SOURCES)	69
Kremenev D.M. ATTITUDE OF THE ORTHODOX CLERGY OF VALUYKI COUNTY OF VORONEZH PROVINCE AND BELGOROD COUNTY OF KURSK PROVINCE TO «DECLARATION OF METROPOLITAN SERGIY (STAROGORODSKY)» IN 1927	72
Morgun O.V. «EUROPEAN FACTOR» IN THE MODERNIZATION OF THE OTTOMAN EMPIRE UNDER SELIM III.	74
Pastushenko A.A. ABOUT MANNING OF SHIPS' CREWS AND ORIGINS OF MUTINIES IN ENGLAND IN THE XVI CENTURY.....	80
Petrov S.D. REFORM OF THE SLOBIDSKY REGIMENTS IN THE 1830-s: REALIZATION, RESULTS AND CONSEQUENTS	84
Polovneva L.S., Mishakin D.A. INTRODUCTION OF ELECTRONIC CIRCULATION OF DOCUMENTS IN THE BELGOROD CITY COUNCIL	90
Pchelinov-Obrazumov A.A. THE SPANISH CIVIL WAR OF 1936-1939 ON THE PAGES OF EMIGRANTS' MAGAZINE "THE SENTRY"	92
Rodivilov A.A. HISTORY OF THE DECORATIONS' SYSTEM FORMATION OF THE BELGOROD REGION (ON THE EXAMPLE OF COLLECTIONS OF THE MEMORABLE MEDALS "PROHOROVKA FIELD – THE THIRD BATTLEFIELD OF RUSSIA"	97
Rostovtsev A.M. PEDAGOGICAL STAFF OF FACULTY OF PHYSICAL EDU-	

CATION ON THE INITIAL STAGE OF PREPARATION OF TEACHERS OF PHYSICAL TRAINING IN THE BELGOROD REGION	101
Sbitneva Ju.N. RESEARCH METHOD OF N.P. KONDAKOV	107
Semenist I.V. UNITED STATES: IN SEARCH OF FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE FIRST HALF OF THE 1990-s.....	109
Snezhko V.V. KURSK EPARCHIAL WOMEN'S COLLEGE AS GENERAL EDUCATIONAL AND TRAINING INSTITUTION OF THE RELIGIOUS OFFICE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY	113
Stronina O.N. ROLE OF THE EMPEROR HUBILAY IN THE CHRISTIANIZATION OF CHINA (ON THE BASIS OF MARCO POLO'S BOOK «THE DESCRIPTION OF THE WORLD»)	120
Tereshenko O.A. CHILDBEARING IN THE RURAL CULTURE OF THE XIX CENTURY (PRAGMATIC AND RELIGIOUS ASPECTS)	123
Fomichev N.N. BEGINING OF THE SPANICH CIVIL WAR (1936-1937) THROUGH THE LENS OF THE BRITISH CONSERVATIVE PRESS (“THE TIMES” AS AN EXAMPLE)	131
Chumachenko M.A. A.F. KONI – ONE OF THE FOUNDERS OF FORENSIC PSYCHOLOGY IN RUSSIA	134
Shabanova A.A. SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF PEOPLE'S DAILY LIFE IN TOWNS OF BELGORODIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.....	143
Shalygina D.L. CONTENT-ANALYSIS OF ENEMY AND HEROIC IMAGES IN THE USSR PROPAGANDA POSTERS IN WWII	148
Shentsov M.E. CHTHONIC ELEMENTS IN THE ORPHIC RELIGION	153
Sheremet H.N. FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF HARKIV'S TELEVISION IN THE 1950-60-s: MAIN STAGES, PECULIARITIES, PROBLEMS AND DEFICIENCIES	158
Shishko C. DISTRUST TO AUTHORITIES IN THE SOVIET POLITICAL ANECDOTES IN THE PERIOD OF LEONID BREZHNEV'S RULE (1964–1982)	163
Shchur A.V. WINE AS A PHENOMENON OF CLASSICAL TRADITION (BY ATENEUS FROM NAVKRATIS).....	169
INFORMATION ABOUT AUTHORS	172

«БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ» ОТКРЫТ

В весенние дни ежегодно многие исторические факультеты российских и украинских университетов проводят форумы молодежной науки. Студенты, магистранты, аспиранты и молодые ученые выступают на различных конференциях и Неделях науки. Многие из этих научных форумов уже давно обрели свое лицо и образ. Достаточно назвать конференцию «Ломоносов» в Московском государственном университете, «Каразинские чтения. Исторические науки» в Харьковском Национальном университете, «Шевченковская весна» в Киевском Национальном университете, «Одесские чтения» в Одесском Национальном университете.

Интенсивно растущий и развивающийся в последние годы Белгородский государственный университет также имеет давние традиции проведения Дней науки. Показателем работы его историков являются также такие успешные проекты, как международные научные конференции «Юг России и Украина в прошлом и настоящем», «Кондаковские чтения», семинар «Классическая и византийская традиция».

В этом контексте вполне закономерным стал старт нового проекта – международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Белгородский диалог» в сотрудничестве с харьковскими коллегами.

Белгород – город на границе России и Украины. Сама природа, географическое и геополитическое положение делает наш город «воротами на юг». Давние и тесные дружественные связи с харьковскими историками стали тем фокусом, который замкнул на себя внимание соседних регионов – Курска, Тулы, Липецка, Чернигова, а также Крыма, с которым у нас давно уже существует тесная дружба.

Еще одной предпосылкой открытия «Белгородского диалога» стали успехи научно-исследовательской работы студентов и аспирантов исторического факультета БелГУ. Ежегодно они делают более 150 докладов в самых разных городах России и Украины – Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Саратове, Туле, Воронеже, Волгограде, Киеве, Харькове, Севастополе, Керчи, Одессе, Херсоне, Донецке, Луганске и других. В 2008 г. нашей «молодой наукой» было опубликовано около 200 наименований статей и тезисов.

Среди лучших аспирантов – лауреаты стипендии Президента и Правительства РФ, авторы 20-25 публикаций. Наши студенты-исследователи – обладатели грантов БелГУ, победители Всероссийских олимпиад по истории. Лучшие из них к окончанию учебы в университете выпускают из печати по 10-15 работ.

Таким образом, выход нашей работы на качественно новый уровень позволит в рамках конференции «Белгородский диалог» еще шире представить результаты своих научных исследований, а молодым ученым даст возможность обменяться идеями, взглядами на спорные проблемы отечественной и всеобщей истории, а также – надеемся – создаст условия для не только научного, но и человеческого общения.

Победители рейтинга НИРС 2008 г.

На пленарном заседании.

ДИНАМИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМАНДОВАНИЯ РАСКВАРТИРОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Ключевые слова: губернатор, армейские власти, городские власти.

The key words: governor, army authorities, city authorities.

Исходное положение при рассмотрении данного вопроса заключается в том, что можно проследить лишь наиболее общие направления этих отношений, регулируемые издаваемыми правомочными органами нормативно-правовыми актами, которые изменяют и отменяют устаревшие, устанавливают новые нормы права. Правовое регулирование этого рода взаимоотношений очерчено в ясной форме в юридических правилах Устава о земских повинностях 1857 года и в Уставе о земских повинностях 1899 года, утвержденных высшестоящими органами власти и управления, на материалы которых мы и будем опираться.

Сфера деятельности законодательного регулирования взаимоотношений между военными и гражданскими властями в лице командования расквартированных частей и местных органов управления охватывает широкий круг вопросов, образующих понятие «повинности, отбываемые для потребностей войск». Основной вид этих повинностей – квартирное довольствие. И основная доля взаимоотношений между названными субъектами складывается именно в данной сфере.

Совершенствование законодательного регулирования взаимоотношений названных сторон нашло конкретное юридическое оформление при назначении мест квартирования. Данная мысль основывается на сравнении содержания статей Устава о земских повинностях 1857 года и Устава о земских повинностях 1899 года. Так, ст. 244 Устава 1857 года говорит: назначение городов и уездов для квартирования полков зависит от «императорского Величества, и без особого высочайшего повеления никакое начальство не может сделать или допустить какую-либо перемену в назначенных единожды непременных (то есть постоянных) квартирах»¹. Ст. 453 Устава 1899 года, вносит следующего рода дополнения: «временное изменение назначенных высочайшей властью мест постоянного квартирования предоставляются командующим войсками в округах, которое производится по предварительному согласованию с губернаторами о том, насколько назначенный пункт соответствует числу размещаемым в нем войск». Это, безусловно, подтверждает значимость губернатора как высшего правительственного чиновника в губернии, осуществляющего административную функцию.

О совершенствовании взаимоотношений законодательного регулирования военной и гражданской властей говорит изменение способа порядка отвода квартир, предусматривающего расширение связей и взаимоотношений командования расквартированных воинских частей с гражданскими властями на местах при передвижении воинских частей к местам квартирования. Так, Устав о земских повинностях 1857 года отражает связь первых только с губернскими властями, уведомляя их о времени прибытия войск, числе людей и числе принадлежащим им лошадей. Высочайше утвержденное императором Александром III 14 марта 1894 г. мнение Государственного совета «Об изменении постановлений Устава о земских повинностях относительно квартирному довольствия войск» принимает ряд дополнений и изменений. В частности, в разделе «О назначении мест квартирования и о порядке требования квартир» внесены следующие существенные изменения. Начальники отдельных частей, ведающие маршрутами, предоставляют маршрутные листы не только губернаторам, как это было ранее (ст. 250 Устава 1857 года), но и высылают сверх того маршруты и требования о приготовлении квартир «в местах остановок непосредственно во все находящиеся на пути следования ча-

сти или команды в Уездные, Земские и Городские управы или заменяющие их учреждения»². Причем требования и маршруты отсылаются заблаговременно с таким расчетом, чтобы они были получены на местах не позже, чем за два дня до прибытия войск. Новым является и то, что для получения квартир офицеры и классные чиновники, следующие без предварительного уведомления, обязаны предъявлять местному воинскому начальству, а где такового нет – местному общественному управлению предписания о командировании, а городскому и сельскому управлению – проходные свидетельства. Эти юридически оформленные правила вошли затем в Устав о земских повинностях 1899 г. (ст. 456, маршрут о требовании квартир; ст. 457, о времени уведомления местных органов власти о прибытии войск).

Как свидетельствует ст. 340 Устава 1857 г., еще в царствование Николая I в городах Волынской губернии было разрешено в виде временной меры нанимать особые казарменные помещения для «порочных чинов губернского гарнизона и инвалидов команд», а издержки относили на счет особого «от обывателя сбора». В некоторых городах, как следует из ст. 345 данного источника, «казармы от земли и от казны устроенные, содержатся и исправляются починкою от городов, но где обывателей мало, за счет казны». В 1875-1876 гг. Особой комиссией, учрежденной по повелению императора Александра II, было выработано Положение для руководства при составлении Проектов казарменных зданий. В 1882 г. уже император Александр III (Приказом № 354) одобрил предложения о принятии особых мер для ускорения постройки казарм. В приказе № 354 об этом говорится так: «для заведования делами по этим постройкам, а также для пересмотра при участии представителей подлежащих ведомств, специального законодательства по возведению казарм городами, земствами и частными предпринимателями и по производству ссуд из особого капитала для устройства казарм учредить особую Временную комиссию при Военном совете». Разработанные комиссией Положения легли в основу казарменных проектов «для устройства постоянных помещений городскими и земским общественными управлениями или частными лицами» (Циркуляр 1882 г. № 239)³.

Итак, вначале - казармы, устроенные «как от земли, так и от казны», содержащиеся за счет городов, затем начинает действовать специальное законодательство по возведению казарм уже не только городами и земствами, но и частными предпринимателями, которые могут для их строительства пользоваться ссудами «из особого капитала, предназначенного именно на эти цели». Такова динамика взаимодействия военной и гражданской администрации, взаимоотношений командования расквартированных частей и местных органов власти, облаченная в законодательную форму. Причем, налицо связка военных и гражданских лиц, совместно участвующих в обсуждении проектов и условий казарменных построек (Губернский распорядительный комитет, Губернские инженерные учреждения и лица, назначаемые военным начальством).

Концепция строительства заведений казарменного типа городами, земствами, частными лицами получила окончательное законодательное оформление в статьях 464, 465 Устава 1899 г. о земских повинностях. Так, ст. 464 говорит: «Земским и городским общественным учреждениям, а равно и частным предпринимателям предоставляется устраивать для войск казарменные помещения. Проекты и условия таких построек при рассмотрении их в Губернских распорядительных комитетах при участии губернских инженеров и лиц, назначаемых военным начальством, обсуждается в Военно-Окружных Управлениях, заключения которых относительно соответствия предполагаемых казарм представляются на утверждение Командующим войсками в округах». В статье 465 записано: «Городам и земским учреждениям на эти цели могут быть выдаваемы ссуды из состоящего в ведении Министерства Финансов особого казарменного капитала»⁴.

Новым в требованиях об условиях, которым должны удовлетворять воинские помещения, и, соответственно, показателем улучшения отношений двух рассматриваемых инстанций, является то, что размеры каждого помещения, установленные ст. 421 в

отдельности могут быть изменены по соглашению военных начальников с Губернским распорядительным комитетом или общественным управлением. В расширение прав губернских распорядительных комитетов предписывается: получив требование о расквартировании войск, губернский распорядительный комитет в случае, если может, имеет право предлагать начальникам воинских частей, Штабов, Управлений, для которых требуются квартирные помещения, принять квартирное довольствие на их попечение. Он имеет право передавать причитающиеся квартирные оклады общественному управлению без вычета, указанного в примечании к ст. 255 Устава о земских повинностях 1899 г.⁵

Вывод, который приходит в процессе рассмотрения статей двух основных источников о земских повинностях, Устава 1857 г. о земельных повинностях и Устава 1899 г., таков: законодательное регулирование взаимоотношений воинских и гражданских властей имеет тенденцию к их совершенствованию – требования, предъявляемые военными к местным органам власти (акцент на которых явно прослеживается в статьях Устава 1857 г.), смещается в сторону более тесного взаимодействия контрагентов в процессе решения задач, связанных с расквартированием воинских частей на территории той или иной административно-территориальной единицы, что, на наш взгляд, обусловлено повышением значимости и роли местных государственных учреждений и органов самоуправления в жизни Российской империи.

Совершенствование законодательного регулирования взаимоотношений командования расквартированных частей и местных органов власти четко просматривается и в нормативных актах, касающихся лиц, которые подлежат квартирной повинности, и лиц, которые имеют право на квартиры от обывателей. Устав о земских повинностях 1857 г. содержит раздел «О лицах, подлежащих квартирным повинностям», первая статья которого (266) говорит: «Удовлетворение воинских чинов квартирами составляет общую повинность обывателей, исправляемую порознь по каждому городу или селению в отношении к войскам, пребывающим в них постоянно или проходящим через них». В ст. 267 законодательство говорит о том, что «воинский постой или квартирная повинность исправляются обывателями в натуре безвозмездно»; в ст. 268 о том, что исправление квартирной повинности подлежат все вообще дома частных лиц и общественные, исключая бедных; в ст. 270 о том, кто (и что) освобождается от постоя как в натуре, так и от платежа квартирных денег. Это вполне объяснимо, поскольку созданная в России многочисленная армия требовала первостепенного внимания в силу тех важных функций, которые она выполняла в государстве⁶. Всеобщий охват населения воинскими повинностями вполне объясним. Поражение России в Крымской войне 1853-1856 годов, поставило перед правительством Александра II сложнейшую задачу модернизации армии, повышение ее технического уровня, соответствующего новой, промышленной эпохе и требованиям изменившейся военной науки, что, естественно, требовало огромных финансовых затрат, бремя которых и несло население Российской империи, выполняя общественную и государственную обязанность.

Устав о Земских повинностях 1899 г. (отделение 2-ое «О способах квартирования») кардинально меняет правила Устава 1857 г. ст. 462 его содержит четкое указание: в местах, назначенных для квартирования, войска размещаются казарменным порядком – в устроенных или нанятых с данной целью зданиях или помещениях, а при отсутствии или недостаточности их – в свободных казарменных и общественных, наемных зданиях. И только при невозможности такого способа размещения – по отводу у обывателей, что, согласно ст. 466, составляет в определенных Уставом 1899 г. случаях «общую повинность обывателей, исправляемую натурой. В ст. 467 пп.1-8 Устава 1899 г., изложены правила, по которым на обывателей возлагается отвод воинских квартир натурой.

Безусловно, правила о способе квартирования («расположением казарменным порядком или расположением по отводу у обывателей») уменьшали объем работы

местных властей по размещению войск по сравнению с объемом работы, предусмотренным правилами Устава 1857 г., поскольку в первую очередь, как на то указывает ст. 462, войска размещаются казарменным порядком и число лиц обывателей, исправляющих эту воинскую повинность, сократилось. Однако получившее законодательную основу устройство земскими и городскими общественными учреждениями казарм не только увеличило объем работ по решению этой задачи на практике, но и расширило среду взаимоотношений гражданских властей с командованием расквартированных частей, так как того требовала необходимость согласования с воинским начальством проектов и условий таких построек, равно, как требовали постоянного согласования вопросы об их содержании, ремонте.

К квартирному довольствию, кроме уже рассмотренного выше (предоставление помещений), относилось: 1) отопление воинских помещений и снабжение войск топливом для варки пищи и хлебопечения; 2) освещение воинских помещений; 3) снабжение воинских помещений квартирными принадлежностями; 4) снабжение нижних чинов постельными принадлежностями; 5) довольствие войск водою; 6) довольствие нижних чинов в некоторых случаях пищей от обывателей⁷.

Согласно ст. 604 Устава 1899 года отопление определяется по климатам, в которых находятся губернии, позже и области, и по времени года. Они разделялись на три полосы – северную, южную, среднюю (в последнюю входила и Курская губерния): в средней полосе зимними месяцами считались октябрь - апрель, прочие – летними, а в соответствии со ст. 606 Устава 1899 г. по времени года отопление разделялось на зимнее (для нагрева покоев) и летнее (для приготовления пищи).

Анализ источников позволяет выявить динамику правового регулирования обеспечения войск топливом, а вместе с этим иметь представление о законодательном регулировании отношений между двумя связанными с данным видом квартирного довольствия сторонами. Устав о земских повинностях 1857 г. в разделе «Об отоплении и освещении квартир и заведений воинских» содержит семь пунктов статьи 371, в которых дается перечень казарм, казарменных домов, которые отапливаются «на счет городских доходов или земского сбора» и которые носят характер требований со стороны военных по отношению к местным властям и обывателям.

Источник «Первое дополнение к систематическому Сборнику приказов по Военному ведомству и циркулярам Главного штаба за время с 1 октября 1882 по 1 января 1884 г. содержит дополнение к главе 6-й «Об отпуске топлива и освещения»; в Приказе № 10 (1883 г.) дается следующее разъяснение: заготовленные городом или сельскими общественными учреждениями и земством материалы отопления могут быть передаваемы в распоряжение войск по взаимному согласию названных учреждений и земств с воинским начальством относительно порядка всех условий такой добровольной передачи⁸. Устав о земских повинностях 1899 г., ст. 551 говорит: отопление казарм, построенных на земские или городские средства «оставляются на обязанности земства или города, которым выдаются все суммы, причитающиеся к помещаемым в казармах войскам на квартирное довольствие, по установленным окладам без вычета». Если квартирных окладов оказывается недостаточно, то недостающие суммы должны быть пополнены общественным управлением из городских и сельских средств, по принадлежности» (ст. 552).

Таким образом, анализ статей источников позволяет говорить о том, что правовое обеспечение войск топливом, а вместе с этим и законодательное регулирование взаимоотношений между двумя связанными с этим видом квартирного довольствия сторонами, находились в постоянной динамике. Причем одновременно с повышением ответственности местных органов власти в отбывании населением данного вида квартирной повинности происходит смещение денежных расходов на эти цели в сторону государственной казны.

Определенные взаимоотношения между командованием частей расквартированных войск и местными органами власти возникают по поводу использования войсками земельных участков, юридические правила пользования, которыми касаются лагерного расположения войск, проведения воинских учений. Так, в разделе № 3 Устава о земских повинностях 1857 г. «О лагерных местах и о потребностях во время лагерного расположения войск (ст. 416-419) говорится: о местах для лагерного расположения (они назначаются по взаимному согласию военного начальства и гражданского, ст. 416); - о качестве отводимой для лагерного расположения земли (преимущественно пустопорожные места, принадлежащие городам: в случае, когда это невозможно, то отводятся земли помещиков, или земли, принадлежащие земским обществам, ст. 416); - об оценке убытков (она производится местным начальством с участием лиц из разных соседних селений, ст. 419); - о вознаграждении владельцев земель, приносящих доход, за понесенные убытки (из земского сбора, ст. 418).

Под влиянием реальных условий жизни были внесены существенные изменения в положение о пользовании земельными участками. В Дополнении к Сборнику Указаний и Распоряжение правительства «О квартирном довольствии войск» включены новые правила, касающиеся, в частности:

- определения размеров земельных участков для строевых занятий (согласно выписке из отзыва Главного Комитета по устройству и образованию войск, направленной в Главный Штаб 8 июля 1880 г. за № 762, размеры эти находятся в зависимости от рода войск и рода самих занятий – курс учебной стрельбы, строевые учения, саперные работы), которые выделяются местной властью по требованию воинского начальства;

- правил пользования войсками платными земельными участками, отводимыми городами и земством в период частных сборов (согласно отзыву Главного Штаба от 18 июня 1885 г. за № 961, войска не должны выходить из норм, установленных для строевых занятий и стрельбы отзывом Главного Комитета по устройству и образованию войск Главным Штабом от 8 июля 1880 г. за № 62;

- убытков от «потопов» войсками во время учений и маневров полей и лугов (они определяются на основании вторично производимой весной оценки), условий их получения (они поступают от Распорядительного комитета к начальнику окружного штаба для внесения на разрешение в Окружной Совет: 1420, 1421, 1422). Получив разрешение Военного Окружного Совета, начальник Штаба войск Военного Округа сообщает об этом губернскому распорядительному комитету «для распоряжения его для выдачи денег из кредита, ассигнуемого ему из Сметы Главного инженерного Управления».

Устав о земских повинностях 1899 г. включает нормы, содержание которых можно рассматривать как стремление к совершенствованию законодательного регулирования взаимоотношений двух субъектов при отводе земельных участков для воинских частей. Оставив в неизменности положение Устава 1857 г. о том, что земельные участки отводятся «по требованию военного начальства», Устав о земских повинностях 1899 г. статьей 670, во-первых, уточняет, что места для лагерного расположения войск «отводятся по взаимному сношению военного начальства с гражданским», во-вторых, содержит ряд пунктов, перечисляющих необходимость соблюдения при этом ряда правил». Последние касаются: качества земель (по возможности пустопорожные участки), компенсации потерь (полное вознаграждение за счет государственного казначейства), оценки убытков от порчи войсками во время учений возделанных земель (она производится создаваемой по распоряжению губернского начальства Комиссией в составе одного члена от военного ведомства, одного от местного уездного Управления, одного от Уездной Земской Управы, уполномоченного лица от местного городского или, по принадлежности, сельского общественного управления).

Итак, видно, что установленный новый порядок помимо соответствия прямому требованию закона, имеет преимущество в том, что он предоставляет возможность на-

чальству устанавливать более действенный контроль за правильностью предъявляемыми войсковыми начальниками непосредственно в Губернские и Уездные распорядительные комитеты заявлений об отводе земель и за целесообразностью расходов казны по каждому из таких отводов.

Совершенствование законодательного регулирования взаимоотношений командования расквартированных воинских частей и местных органов власти нашло конкретное проявление в расширении круга законодательных норм и в качественном обновлении их содержания, в появлении «временных правил», направленных на проведение вполне конкретных акций и преобразований, которые становятся впоследствии законами, являющимися в формальном смысле распорядительными мерами, применяемыми в конкретном случае. Качественное обновление нормативно-правовых актов, направленных на законодательное регулирование взаимоотношений военной и гражданской властей по исследуемой проблеме, проявляется в гармонизации на правовой основе этих отношений, означающей устранение крайностей в достижении интересов каждой из сторон при условии соблюдения приоритета общегосударственных интересов.

Примечания:

1. *Устав о земских повинностях 1857 года. Свод законов Российской империи. Т.4. СПб, 1857.*
2. *О согласовании правил Устава о земских повинностях с Высочайше утвержденным 14 марта 1894 года мнение Государственного Совета об изменении некоторых постановлений сего Устава. Собр. Узак. 1898, декабря 2. Ст. 2132.*
3. *Первое дополнение к систематическому сборнику приказов по военному ведомству и циркуляром Главного штаба за время с 1 октября 1882 года по 1 января 1884 года. СПб, июль 4.*
4. *Устав о земских повинностях 1889 г. Ст. 465.*
5. *Об изменении постановления Устава о земских повинностях относительно квартирного довольствия войск. Мнение Государственного Совета. 10. 426. Собр. Узак. 1894, июля 4. Ст. 750.*
6. *Устав о земских повинностях 1899 г. Ст. 446.*
7. *Устав о земских повинностях 1899 г. Ст. 603.*
8. *Цирк. 1883. № 150. Первое дополнение к систематическому сборнику приказов по Военному ведомству и циркулярам Главного Штаба за время с 1 октября 1882 года по 1 января 1884 года. СПб, 1884.*

Богданов Д.Е. (Белгород)

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ И ОТКУДА ОРЕЛ РОССИЙСКИЙ СТАЛ ЕСТЬ...»

Ключевые слова: герб, символ, эмблема, двуглавый орёл, Средние Века, Византия, Иван Третий.

The key words: coat of arms, symbol, emblem, two-headed eagle, Middle Age, Byzantium, Ivan the Third.

Как в свое время отмечал Конфуций, «знаки и символы управляют миром – а не слово и не закон»¹. На мой взгляд, с этим утверждением можно согласиться, поскольку многие знаки и символы, окружающие нас, мы воспринимаем на уровне подсознания и не всегда задумываемся, когда, где и по какой причине, в свою очередь, они возникли. Наверное, были основания у немецкого философа Эрнста Кассирера назвать человека «animal symbolism» (лат.) – «животное символическое». И сегодня все мы живём не только в физическом, но и в символическом универсиуме².

Российская государственная символика относится к числу тех проблем, которые в недавнем прошлом казались малозначащими и не вызывали среди исследователей особого интереса. На сегодня ситуация существенно изменилась и вполне обоснованно считается, что изучение причин и условий возникновения памятников прошлого, их эволюции помогает не только лучше понять нашу историю, но и приблизиться к пони-

манию мировоззрения людей минувших эпох, социальной психологии общества, его менталитета.

Общеизвестно, что изучением политических символов, гербов, а также различных эмблем занимаются такие специальные исторические дисциплины, как сфрагистика, фалеристика, нумизматика, но основную нагрузку несет геральдика. Эта научная дисциплина в нашей стране начинает свое развитие со второй половины XIX века³. Исследования таких русских ученых, как Юрий Васильевич Арсеньев, Петр Иванович Белавенец, Павел Павлович фон Винклер, Александр Борисович Лакиер, Владимир Крескентьевич Лукомский обозначили и определили важнейшие вопросы этой дисциплины, связанные с появлением государственных российских символов поднимающиеся и до сегодняшних времен.

По мнению исследователей, в эпоху средневековья европейцы уподобляли мир людей миру животных и птиц: среди зверей царствовал лев, среди птиц – орёл. На вершине мира людей находился король, император, князь. Здесь следует особенно отметить, что во все времена история нации или государства персонифицировалась. Не случайно государи отождествляли себя с государством. Это было оправдано не только с их личной, но и с национальной точек зрения⁴. И, если формы символов и эмблем государей были уже найдены, то правителям более низкого ранга ещё только предстояло отыскать адекватные формы, которые позволили бы им выразить свою независимость, могущество и причастность к миру избранных⁵.

Общеизвестно, что одним из основных исторических символов нашей Родины является двуглавый орел — символ русского народа и государства.

Двуглавый орёл является одним из древнейших в истории человечества символов власти, верховенства, силы, мудрости, который был известен в странах Древнего Востока уже в VII-VI веках до н.э.⁶ (а на территории Малой Азии найдены изображения XIII в. до н.э.)⁷.

Отношение к данному символу весьма неоднозначно. Так в своей работе «Энциклопедия заблуждений» С.А. Мазуркевич приводит мнение о том, что двуглавый орел — птица нелетающая, а сама двуглавость является знаком архаического мышления⁸.

Безусловно, эти удивительные для исследователя сравнения могут показаться неспециалисту достаточно вескими, поскольку в современном языке понятие «символ» очень часто смешивают с понятием «символическое изображение», которое для «краткости» также сплошь и рядом именуют «символом». Но символическое изображение — это иное, особое понятие, которое вовсе не является, как символ, выражением идеи или знания, а, напротив, его предельно ограниченной конкретизацией, поскольку каждое символическое изображение строго соответствует совершенно определенному, конкретному объекту, который они символизируют⁹. Часто говорят, что Эйфелева башня — символ Парижа, но с научной точки зрения это безграмотно, ибо это не «символ», а «символическое изображение»: крайне эфемерное, исторически непостоянное, возникающее в сознании стихийно. Ведь сразу после создания Густавом Эйфелем башни ее считали не «символом», а позором Парижа. Временность и непрочность исторического существования — очень важная отличительная черта символических изображений, резко отделяющая их от «вечных» (постоянных) символов.

Отдельным видом символа выделяется эмблема, которая является не абстрактным знаком, а вполне определенным изображением фигур, то есть конкретных объектов, тематический диапазон которых крайне широк: от изображения любого живого или вымышленного (мифического) существа, до неодушевленного предмета, содержащее в себе зашифрованное, условное значение, выражающее идею¹⁰. Например, роза, как эмблема любви, известна лишь в Европе, Америке, на Среднем и Ближнем Востоке. На Дальнем Востоке, большей части Африки и в Океании она в этом качестве не известна и заменяется другими эмблемами. Еще более узкая значение имеет змея, служа-

шая эмблемой мудрости в Азии, но - эмблемой зла и коварства на остальных континентах. Такого рода эмблемой является и двуглавый орёл.

На сегодняшний день исследователи выделяют различные гипотезы, связанные с появлением двуглавого орла в России. Но мне хотелось бы остановиться на двух наиболее обоснованных и распространенных гипотезах – это так называемые «византийская» («традиционная») и «германская» («имперская»).

Гипотеза о византийском происхождении русского двуглавого орла основательно утвердилось в российском культурном сообществе и исторической науке во второй половине XVIII - начале XIX веков, благодаря работам таких известных исследователей, как В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, которых еще называют «первыми русскими историками и последними летописцами». Они отмечали, что 12 ноября 1473 г. в еще недостроенном Успенском соборе московский великий князь Иван III обвенчался с византийской принцессой Софьей Палеолог¹¹. С этого времени Русь переняла византийский герб — двуглавого орла, а великий князь московский начал именовать себя «господарем», что уже очень близко к титулу царя — «государя»¹². Данная версия постоянно присутствовала, в большей степени, в популярной литературе, кроме того, эти взгляды находили подтверждения и в некоторых монографических исследованиях и учебных курсах российской истории. Сегодня эту точку зрения разделяют, в основном, представители российских государственных структур и краеведы-любители. Данную гипотезу поддерживали многие дореволюционные исследователи, среди которых стоит упомянуть таких, как П.П. фон Винклер, А.Б. Лакиер, В.К. Лукомский.

Белогвардейский офицер Владимир Саввич Новиков, сторонник «византийской» версии, писал о том, что «попав в Россию, Орёл, как бы начинает наливать плотью, оживает, готовится к полёту и из византийского чёрного силуэта превращается в живой организм. В таком виде старый римско-византийский орёл становится уже Русским Орлом, которому суждено было нести Россию на своих крылах с 1472 года – 445 лет!»¹³

Как и в любой гипотезе, и в этой, естественно, можно выделить свои «плюсы» и «минусы». К ее бесспорным «плюсам» можно отнести четкую хронологическую последовательность в описании событий, а также весьма простое и понятное обывателю объяснение преемственности Русью идей и догм христианства православного толка, означающее идеологическую борьбу с «латинянской» церковью и Западом в целом.

Главным аргументом критиков «византийской» гипотезы является, во-первых, идея, что двуглавый орёл Палеологов – это лишь герб одного из влиятельных родов Византийской империи, к тому времени уже прекратившей своё существование, но не самой империи¹⁴.

Другую гипотезу активно пропагандируют, в основном, современные историки, среди которых необходимо выделить таких учёных, как Н.А. Соболева, В.А. Артамонов, В.А. Кучкин, которые подвергают достаточно аргументированной критике «традиционную» гипотезу. Критика была впервые сформулирована еще в 1915 г. выдающимся русским историком Н.П. Лихачевым, считавшим, что Византийская империя не знала геральдической культуры, и, следовательно, двуглавый орел никогда не был гербом императора. Отсюда следует, что московское правительство не могло заимствовать из Византии того, чего та сама не имела¹⁵.

По мнению исследователя, создание новой государственной печати с изображением двуглавого орла произошло под влиянием посетившего Москву посольства императора Священной Римской империи Фридриха III Габсбурга и римского короля Максимилиана. Приняв их символ, великий московский князь во всем равнялся бы цесарю и королю¹⁶.

Уже в 1966 г. Густав Алеф конкретизировал идею Н.П. Лихачева и высказал мысль о том, что в 1489 г. рыцарь Николас Поппель привез в Москву верительную грамоту, скрепленную большой государственной печатью императора Фридриха III, на оборотной стороне которой было помещено изображение двуглавого орла¹⁷. Позна-

комившись с внешним видом императорской печати, великий князь Иван III якобы приказал изготовить для себя подобную печать, на которую также приказал поместить изображение двуглавого орла.

Особо необходимо выделить, что в последнее время концепция о германских истоках российского государственного символа еще более укрепилась.

Несмотря на то, что вышеприведенные аргументы кажутся более обоснованными и убедительными, и в данной версии можно отметить целый ряд таких противоречий:

Во-первых, большая государственная печать Фридриха III с изображением двуглавого орла имела диаметр 120 мм, а красновосковская двусторонняя печать Ивана III всего 38 мм¹⁸. Отсюда следует вопрос, который можно считать риторическим: если русские пытались следовать сфрагистическому образцу Габсбургов, то почему они не повторили и размер печати?!

Во-вторых, анализ источников свидетельствует о том, что Большой императорской печатью не скреплялись личные рекомендательные письма германских императоров и их верительные грамоты. Но, судя по текстам, находящимся в русских посольских книгах, именно такого рода документы, были привезены в Москву, следовательно, взять за образец печать Фридриха Габсбурга великий московский князь просто не мог.

По мнению исследователей, с 1490 по осень 1492 г. Иван III имел переписку с Максимилианом, который не использовал на своих печатях изображения двуглавого орла, поскольку до августа 1493 г. Максимилиан носил титул римского короля, гербом которого был одноглавый орел¹⁹.

В-третьих, договору 1490 г. в Москве придавалось слишком большое значение: вполне естественно, что такое выгодное для России соглашение вводило русского правителя в круг европейских августейших монархов. В этом же году также велись переговоры о женитьбе Максимилиана на дочери великого князя Ивана III. В этих условиях использование печати с двуглавым орлом, подобной печати Фридриха Габсбурга, конечно, явилось бы дипломатической бестактностью, уместной только при сознательном провоцировании конфликта, который однозначно был невыгоден российской стороне²⁰.

Еще один, на мой взгляд, едва ли не главный, аргумент критиков «германской» или «имперской» гипотезы состоит в том, что двуглавый орел с печати Ивана III по своему силуэту и деталям не имеет ничего общего с орлом, используемым в гербе германского императора. Напротив, в большей степени эти элементы имеют более прямые параллели с византийскими двуглавыми орлами. Данное утверждение спорно и сложно доказуемо, «ибо человек отчетливо видит лишь то, что он хочет видеть»²¹. Но, в свою очередь, Анна Леонидовна Хорошкевич в работе «Символы российской государственности» указывает на то, что российский орёл создан по образцу двуглавого орла на гербе Священной Римской империи²².

Весьма интересным в подобном контексте является замечание Николая Николаевича Лысенко, о том, что прорись русского двуглавого орла вплоть до царствования Александра II никогда не была точно установлена законом, что и обусловило многообразие его форм, деталей и атрибутов. Однако, по моему мнению, нельзя согласиться с его замечанием, что придавать значение и пытаться определить смысл этого многообразия частных деталей – бесполезная задача, поскольку решение именно этой задачи служит, на мой взгляд, ключом к раскрытию подлинной истории двуглавого орла и, в частности, истории его появления в России²³.

По мнению Н.Н. Лысенко, благодаря крестоносцам, этот символ попал в Священную Римскую империю²⁴, состоящую из небольших государств, правители которых помещали двуглавого орла на своих печатях с целью подъема престижа своей власти.

Необходимо отметить, что вопрос о появлении российского двуглавого орла по сегодняшнее время так и не имеет ответа. Решить эту проблему можно путем привлече-

ния новых источников, благодаря их объективному анализу без политической составляющей.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, по всей видимости, Византийская империя на протяжении всей своей истории не имела государственного герба. Но, несмотря на это, с начала XV в. в Западной Европе бытовало устойчивое представление о двуглавом орле как о гербе «императора Константинопольского»²⁵.

Во-вторых, связь изображения двуглавого орла на печати Ивана III с византийскими двуглавами может быть неслучайна в связи с тем, что в качестве советников в процессе обновления великокняжеской печати в 1490 г. выступали дети византийцев, эмигрировавших в Италию, получивших там образование и принявших католичество²⁶.

В-третьих, безусловно, существовали и собственные идеологические основания у русского правителя для выбора своего главного символа. Это могли быть подражание, либо стремления Ивана III, во-первых, стать вровень с германским императором и, во-вторых, занять место «императора константинопольского», ставшее вакантным.

В-четвертых, по всей видимости, изображение на печати Ивана III двуглавого орла могло являться графическим выражением идеи преемственности Римской христианской империи Константина Великого. С точки же зрения международного права Россия, разумеется, не является преемницей Византии. Речь, в данном случае, идет о преемственности духовной, культурной. И с этих позиций в русском национальном сознании двуглавый орел мог быть олицетворением Византии, ее православных христианских традиций.

В-пятых, в данном символе в полной мере воплощен многовековой спор между Востоком и Западом, православной Византией и католическим Римом о том, чья цивилизация является истинным преемником античной Римской империи и подлинным выразителем христианских ценностей. Этот образ является первым свидетельством рождения в России идеи «Москва — Третий Рим». Сама же балканско-византийская форма орла, принятого Иваном III, в символической форме содержала определенный вызов европейской цивилизации²⁷. Если для латинофильской знати Византийской империи двуглавый орел был символом сближения с Западом, то для Великой России с самого момента его появления он стал, с одной стороны, знаком ее суверенитета и, с другой, знаком своеобразной конкуренции с Западом.

Российское государство, усвоившее новую эмблему, еще недавно поработанное, раздерганное на куски и задвинутое в дальний угол политического бытия, стало целеустремленно развиваться и укрепляться, последовательно утверждая как свое международное достоинство, так и внутреннее единство.

Примечания:

1. Можейко (Всеволодов) И.В., Сивова Н.А., Соболева Н.А. *Государственная символика России. История и современность*. М., 2003. - С. 9.
2. Тен Ю.П. *Символы России и зарубежных государств*. Ростов н/Д., 2008. - С. 6.
3. Васькин В.В. *Двуглавый орёл в истории государства Российского*. Саратов, 2001. - С. 37.
4. См.: Новиков В.С. *Русский государственный орёл*. М., 1991.
5. Пчелов Е.В. *Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте*. М., 2005. - С. 17.
6. Романовский В.К. *Символы российской государственности. Герб. Флаг. Гимн. Пособие для учителя*. М., 2002. - С. 7.
7. Похлёбкин В.В. *Словарь международной символики и эмблематики*. М., 1989. - С. 159.
8. Мазуркевич С.А. *Энциклопедия заблуждений. История*. М., 2001.
9. Похлёбкин В.В. *Ук. соч.* - С. 11.
10. Там же. - С. 13.
11. Шевченко В.Н. *Повседневная жизнь Кремля при президентах*. М., 2004. - С. 16.
12. См.: Карамзин Н.М. *История государства Российского*. М., 2007.
13. Новиков В.С. *Русский государственный орёл*. М., 1991. - С. 14-15.
14. Лебедев В.А. *Державный орёл России*. М., 1995. - С. 44.

15. См.: Соболева Н.А. *Российская государственная символика: история и современность*. М., 2003.
16. Там же.
17. *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. Дворниченко А.Ю.* СПб., 2006. – С. 88.
18. Там же.
19. Там же. – С. 91-92.
20. Там же. – С. 97.
21. Романовский В.К. *Ук. соч.* – С. 7.
22. См.: Хорошкевич А.Л. *Символы русской государственности*. М., 1993.
23. См.: Лысенко Н.Н. *Русская государственная символика: Очерки / оформ. худож. Карпенко Г.З. Л.*, 1990.
24. Там же.
25. Лебедев В.А. *Ук. соч.*
26. Соболева Н.А. *Ук. соч.* – С. 144.
27. *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / отв. ред. - Дворниченко А.Ю.* СПб., 2006. – С. 99-100.

Бостельманн А.А. (Ринтель, Германия)

РЕФОРМАЦИЯ, АБСОЛЮТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ)

Ключевые слова: национальная идентичность, культурный национализм, английскость, Реформация, абсолютизм, литература, Елизаветинская Англия.

The key words: national identity, cultural nationalism, Englishness, Reformation, absolute monarchy, literature, Elizabethan England.

Европейская Реформация, поставив под сомнение авторитет католической церкви, явилась важнейшим фактором дальнейшего усиления светской власти, роста национального сознания и развития культурного национализма как феномена раннего Нового времени, причем всё еще недостаточного изученного в своей конкретике. Культурный национализм являлся базой и компонентой процесса становления национальных государств и политически активных европейских наций на этапе «протонационального» (по Э. Хобсбауму – до 1780/89 г.)¹ развития обществ. На современном этапе развития гуманитаристики все больше исследователей проблемы английского национализма обращаются к изучению его ранних проявлений и многие из них ищут начальные проявления национальной английской идентичности именно в XVI веке².

Акцент в данной работе сделан на отражении в английских литературных памятниках отдельных аспектов длительного и многогранного процесса формирования новой социальной идентичности в протестантской Англии времен правления королевы Елизаветы I – национальной. Обращение к источникам литературного характера в процессе изучения проявлений культурного национализма в протестантской Англии изучаемого периода обосновано тем, что литература, как и различные сферы искусства, представляет собой важный и мощный канал поддержания и выражения национальной идентичности того или иного исторического сообщества.

Существенно, что уже ранние проявления недовольства политикой Рима в отношении церковных дел в Англии, относящиеся еще к середине XIV века, были обоснованы с сугубо национальных позиций. В Первом статуте «De Provisiribus» (1351) заявлялось, что действия Рима не соответствуют интересам королей Англии, так как папы «... раздают бенефиции за деньги иностранцам по причине чего английские сокровища вывозятся из страны, королевство беднеет, англичане не могут занимать церковные должности...»³ [перевод здесь и далее наш – А.Б.]. Первый статут «De Praemunige», подготовленный Парламентом в 1392 г., во время правления Ричарда II, декларировал, что

подобная тактика католической церкви ведет к «ущербу для всей нации»⁴. Исследователи сходятся во мнении, что в данном тексте слово «нация», скорее всего, было использовано авторами в общем, социально-политическом смысле – применительно к Англии как обществу и государству в целом⁵ (уже широко использовавшееся к позднему Средневековию понятие «нация» обозначало различные корпорации, сообщества, отличные от других, например – «нации» в средневековых университетах, купеческие иностранные «нации» и проч.).

Средневековый универсализм католической церкви и ее стремление доминировать на политической арене не отвечали вызовам XVI столетия. Известный английский политический мыслитель Джон Понет (1516–1556) в своем «Кратком трактате о политической власти» весьма негативно высказывался о роли Рима в делах королевства, считая, что Папа своими действиями больше вредит, чем приносит пользы: «...о власти папы мы не будем вести речь, ибо в этом нет никакой необходимости... все люди, даже неразумные дети и женщины, в состоянии понять, что власть папы достойна только насмешки...»⁶.

В ходе Реформации в Англии, как известно, шел процесс постепенного утверждения верховенства государственного права над церковным римским правом (Реформация как «юридическая реформа»). Началом его можно считать вышедший в правление Генриха VIII Акт о церковных налогах, согласно которому парламент, в частности, постановил, чтобы «...никто с 1 апреля 1530 г. не получал от римского двора и не приводил в исполнение диспенсаций и лицензий на подобные нарушения. Все такие хартии в силу данного статута не должны иметь никакого значения...»⁷.

Противники Папы в Англии полагали, что они сами вправе сформировать новую идентичность, как и до этого – христианскую, но в значительной мере более рациональную (светскую), объяснявшуюся фактом установившегося главенства монарха над церковью, и проявлявшуюся в усилении английских и проанглийских тенденций в политике и в религиозной сфере. По парламентским актам, издаваемым в правление Генриха VIII, король приобрел статус центральной фигуры, вокруг которой могла формироваться новая политическая идентичность подданных, основывающаяся на идее преданности Англии и ее интересам, общим воплощением которых являлся монарх⁸. Он стал своеобразным системообразующим фактором английской государственности, особенно после того, как римский папа был исключен из правового поля Англии⁹, реформированная церковь оказалась подчиненной государству и полномочия Папы были переданы монарху.

Тем самым зарождались и развивались тенденции формирования светской политической «нации» Англии. Английская нация формировалась изначально как политическая именно потому, что у истоков движения Реформации, способствовавшей её генезису, стоял король и другие представители политической элиты страны¹⁰. Можно констатировать, что в Англии на этапе «протонационализма» доминирующую роль в становлении культурного английского национализма играл «национализм элиты»¹¹.

Реформация стала одним из самых мощных интеллектуальных стимулов в деле формирования обновленной английской политической реальности и новой идентификации общества. Идеологи английского протестантизма в своей полемике с католиками делали упор на том, что от истоков Англия развивалась как независимая страна: «... история свидетельствует... Англия была и теперь есть самостоятельное полноправное королевство...» (Парламентский акт 1533 г.)¹².

Во время правления Марии Тюдор обострилась борьба за сохранение результатов Реформации. В результате значительного роста национального самосознания, произошедшего за годы Реформации, стало возможным даже выражение открытого протеста против монарха. Если политика Генриха VIII воспринималась протестантами как соответствующая интересам «нации», особенно на арене борьбы с Папами, и вполне устраивала сторонников Реформы, то действия Марии как английского правителя не

виделись им адекватными интересам государства и вызывали осуждение. Джон Понет даже высказал радикальную идею о необходимости определенного ограничения власти монарха: «...даже если народ передал своему правителю право издавать законы, правитель не может их нарушать или менять по своему усмотрению... еще в меньшей степени может делать это правитель, которому народ не передал власти... короли не должны... требовать себе абсолютной власти...»¹³.

Протестанты, стремясь доказать антинациональный характер действий Марии Тюдор, активно критиковали политику сближения Англии с католическими странами, в которых, согласно Джону Ноксу (между 1513-1524 – 1574), преобладает все сугубо неанглийское и даже антианглийское – «другой язык, другие обычаи, другие законы...»¹⁴. Образы католических Франции и Испании активно использовались в качестве противопоставления Англии, чей образ оплота свободы и истинного христианства культивировался английскими богословами. Джон Нокс, в частности, утверждал, что испанские и французские католики «не признают Бога, воюют со сторонниками Иисуса Христа, ненавидят любую добродетель...»¹⁵

В отношении главных соперников своей страны – Испании и Франции – англиканские теологи культивировали образ антихристианского государства, уподобляя его убийцам Христа¹⁶, воюющим против Божьей истины. Разумеется, подобный прием был совсем неслучаен. Он был призван подчеркнуть истинность и праведность английского христианства, а также нравственный характер противостояния между странами, как конфронтации добра и зла.

В целом же, особенно после воцарения Елизаветы I, в теологической доктрине англиканской церкви преобладала тенденция поддержки власти монарха как главы и церкви и государства. Новое церковное устройство в совокупности с непростой внешнеполитической ситуацией способствовало объединению общества вокруг фигуры монарха, тем самым не только усиливая позиции последнего¹⁷, но и активизируя проявления национальной идентификации.

Разумеется, эти тенденции консолидации формирующейся нации, объединения ее вокруг особы монарха, идея верховенства власти короля над церковью нашли свое отражение в английской литературе данного периода. Так, поэт-елизаветинец Эдмунд Спенсер (1522–1599), сторонник абсолютизма в Англии, в своем «Обзоре современного состояния Ирландии» высоко оценивал роль монарха как единственно возможного гаранта поддержания порядка и единства в государстве¹⁸. В «Гимне любви» Спенсер поэтически воспел строгий уклад в государственном устройстве и единого правителя, без чего ход жизни и ее стабильность будут непременно нарушены¹⁹.

Подобная точка зрения о значимости порядка в государственных делах и жизни общества в целом была весьма распространена во второй половине XVI столетия. Она прослеживается и у Элиота в «Правителе», и в церковной проповеди «О послушании», и во «Всемирной истории» Рейли. В их сочинениях присутствует идея сравнения солнца и короля как гарантов сохранности порядка в стране и на небосклоне, – они признаются единственными, имеющими власть не допустить «войну элементов» и хаос²⁰. Известный исследователь картины мира Елизаветинского времени Э. Тильярд подчеркивает, что для англичан этого столетия страх хаоса был одним из наиболее ярко выраженных, и желание обезопасить себя от социальной катастрофы в еще большей степени могло способствовать формированию положительного отношения в стране к сильной королевской власти²¹.

Елизаветинская картина мира строилась на идее Божественного замысла и творения, частью которых и являлись порядок и субординация между элементами²². Эта идея Божественного устройства мира является основной в пьесе Фалка Гревилла (1554–1628) «Мустафа» (1594-1596). Здесь королевская власть выступает наивысшей властью на земле, и даже церковь находится в положении «дитяти» по отношению к «матери» – короне²³.

С учетом всех прочих обстоятельств, рост национального самосознания не был бы возможен без одного значительного события, а именно – перевода Библии на английский язык. Как полагает Кр. Хилл, король Генрих VIII инициировал перевод с целью «гарантировать политическую независимость Англии»²⁴. Печатная Библия наравне с самим религиозным протестом оказалась одним из важнейших факторов, которые способствовали развитию и укреплению английской национальной идентичности²⁵.

Если ранее, в средневековом обществе, идентичности были специфичны, определены корпорациями и различными сословными регламентациями, местными обычаями и прочими факторами, то «печатный капитализм» («коалиция протестантизма и печатного капитализма быстро создавала огромные новые читательские публики») и перевод на национальный язык такого текста как Библия придали идентичности новую организационную общность. Кроме того, перевод Библии резко поднял статус английского языка как такового, стимулировав население Англии к изучению грамоты. Согласно «Описанию Англии» Уильяма Харрисона (1534–1593), в англиканских церквях «не читалось ничего больше, кроме канонических Писаний, где Псалтырь прочитывалась за тридцать дней, Новый Завет четыре раза за год, а Ветхий Завет полностью раз в год»²⁷. Подобные требования к прочтению Библии на английском языке, разумеется, способствовали росту числа грамотных людей и, как указано выше, формированию общего национального самосознания. Анализируя появление английского издания Библии, Хилл полагает, что «переведенная на английский язык Библия стала непременным атрибутом жизни в Англии – фундаментом монархической власти, независимости протестантской Англии... ее огромное значение сделало ее ареной борьбы... английского национализма против римского католицизма...»²⁸

Период правления королевы Елизаветы I, рассматриваемый в данной работе, традиционно ассоциируется с именем Уильяма Шекспира. Уже из названий исторических шекспировских пьес и хроник («Ричард II», «Ричард III», «Генрих IV», «Король Лир» и т.д.), мы можем заключить, что тема родины, своей нации и королевской власти была для него очень важна.

Так, в хронике «Ричард II» (1592–1593) мы находим множество восторженных эпитетов, относящихся к Англии: король Ричард, по возвращении домой, радостно приветствует «милый край» и жаждет «прижать его к груди», как мать сына. В то же время король осмеян автором за следование итальянской моде в одежде, что в данном случае является, вероятно, лишь приемом, подчеркивающим национальную ориентацию произведения. Гент перед своей смертью сожалеет лишь о том, что более не увидит прекрасную родину и печалится о ее судьбе: «И этот царственный престол, этот венценосный остров, эта земля величия, / эта отчизна Марса, этот второй Эдем, полурай, эта крепость, которую природа / создала для самой себя в защиту от заразы и войн, ... этот маленький мир, этот драгоценный камень, вставленный в / серебристое море, которое защищает его, как стена, как ров замка от зависти / государств не столь счастливых, ... этот остров, это / королевство, эта Англия, эта кормилица, эта мать королей..., знаменитых рождением, прославившихся подвигами, – и эта родина душ / великих, эта драгоценная страна, драгоценная своей знаменитостью во всей / вселенной...! Англия, объятая победоносным морем...»²⁹. И даже Норфолк, будучи изгнанным за пределы королевства, более печалится о том, что не увидит родину, не услышит родную речь³⁰. А монолог принца Филиппа, которым заканчивается драма, можно считать своеобразным гимном гордой Англии: «У гордых ног воителя чужого / Британия во прахе не лежала. / И не лежать ей в прахе никогда, / Пока себя сама она не ранит... / И пусть бойцы со всех концов земли / Идут на нас – мы оттолкнем их прочь! / Коль Англия быть Англией умеет, / Никто на свете нас не одолеет».³¹

Примечателен и тот факт, что у Шекспира персонажами, выражающими высокие патриотические и национальные чувства, были не только люди благородного происхождения. К примеру, в «Короле Джоне» (1591) таким действующим лицом яв-

ляется бастард – сын Ричарда Львиного Сердца, Филипп Фолконбридж: «Англия не пала и не падет никогда к ногам горделивого победителя. Пусть идут на нее и три конца мира – мы отразим. Ничто не преодолет нас, если только Англия останется верной сама себе!»³². И даже враг Англии герцог Австрийский произносит монолог во славу королевства: «Я не возвращусь в отчизну до тех пор, пока... Англия, эта окруженная водой твердыня, не будет за тобой упрочена и обезопасена от всяких притязаний других!»³³.

Даже в том случае, если отдельное произведение не было посвящено Шекспиром истории своей страны, но сделанные им акценты на вопросе национальной принадлежности героя и отличия одного народа от другого, показывают, что у автора уже было сформировано понятие об английском обществе-«нации» как уникальном явлении, отличном от других подобных. К примеру, Гамлет именует себя: «Я – Гамлет, датчанин»³⁴.

Разумеется, Шекспир был самым широко известным и востребованным, но далеко не единственным драматургом своего времени. И далее видится необходимым затронуть выборочно произведения и некоторых других «елизаветинцев»³⁵, которые также отразили процесс зарождения в Англии национальной идентичности и оказали, в свою очередь, на его развитие немалое влияние.

Одним из таких наиболее ярких драматургов был Томас Хэйвуд (?–1650). Известно, что Хэйвуд имел отношение к формированию полуофициального культа английской королевы: «...наша королева – Феникс единственный своих времен, гордость и слава Островов Заката, тысячи языков устанут, славя ее и не опишут...»³⁶. Своими панегириками писатель способствовал культивированию новой политической ментальности и системы лояльности подданных.

Среди его произведений – комедия в пяти актах «Красотка с Запада». В пьесе показаны персонажи – носители национальной идентичности, о чем, в частности, свидетельствует образ капитана Гудлека³⁷. Хотя «новый англичанин» – все еще житель страны, где модернизация началась совсем недавно, и локальная замкнутость и традиционная патриархальность окончательно не разрушены³⁸. Для автора важен (как и в творчестве У. Шекспира) собирательный образ Англии-родины: «...так знай, ...хочу взять моего Спенсера отсюда, в родной стране вырыть ему могилу и памятник поставить там, когда умру нас скроет общая земля...»³⁹.

Пьеса Т. Хэйвуда представляет собой образец того, какими англичане второй половины XVI столетия видели католиков – испанцев, итальянцев и французов, с которыми у них, разумеется, связаны самые отрицательные ассоциации. Особенно негативно оценивались персонажи-испанцы, вероятнее всего, ввиду достаточно небольшого временного промежутка, прошедшего со времени военных столкновений между Англией и Испанией: «Славный успех в Кадисе, под командой такого полководца, англичанам прибавил сердца, все горят огнем сражения с испанцами... придется драться»⁴⁰. Один из персонажей пьесы акцентирует внимание на том, что сражался с испанцами: «... когда осадили Фойэль, и я по приказанию генерала пошел на штурм и с крайним личным риском испанцев приневолил к отступлению»⁴¹. Даже англичане из числа плененных испанцами не утратили патриотизма и не признавали испанской победы: «... не гордись, испанец, тем, что мы сдались... будь один на один... мы бы ваш корабль сделали бы вашим гробом, а там и утопили б в глубине...»⁴².

Успех испанцев в пьесе Хэйвуда – явление временное, и позднее героиня пьесы Бесс Бридж говорит: «...мы этот бой недурно провели, приятно было видеть мне, как испанская каравелла спустила флаг...»⁴³. В тексте понятия «испанцы» и «враги» в целом синонимичны, но не имеют выраженного религиозного адреса. В контексте пьесы фигура испанца как такового, скорее всего, имеет негативную окраску более в силу политических факторов, а не религиозных. Весьма вероятно, что сочинение Хэйвуда стало своеобразным этапом в формировании воображаемой географии неанглийской, ро-

манской Европы, тем самым, способствуя культивированию и развитию образа неангличанина, в данном конкретном случае – католика-испанца⁴⁴.

Вместе с тем, активное политическое неприятие испанцев в английском общественно-политическом и литературном дискурсе столетия естественно сочеталось с религиозным отторжением, которое находило подкрепление в уверенности по поводу исключительной правильности английского духовного выбора. Допускалось и изображение агрессии по отношению к «инаковерующим». Хейвудом показана сцена разрушения англичанами-протестантами испанской католической церкви: «...теперь печаль мы переменим в месть и так, как церковью обижен Спенсер, пустите парочку снарядов в церковь, велите пушкарю пусть он ее совсем с землей сравняет...»⁴⁵.

Томас Хейвуд стремился показать различия, существовавшие, по его мнению, между англичанами-протестантами и испанцами-католиками, поэтому специально развивал идеи о дикости испанцев, их непросвещенности, вере в предрассудки: «...здесь при англичанах похоронили в церкви джентльмена..., и памятник поставили хороший, но как английский флот ушел от нас, а город перешел опять к испанцам, они за то, что он был еретик, сейчас же выбросили труп из церкви...»; его «...зарыли в поле... владелец поля вздумал, что хлеба не уродятся на еретике, и попросил попов о разрешенье выкопать труп да сжечь, так он и сделал...»⁴⁶.

В целом, несмотря на некоторые акценты, религиозные мотивы в пьесе не доминируют. Религия вообще представляет собой у Хейвуда довольно случайную тему, которая лишь иногда возникает в речи персонажей⁴⁷. Его герои, новые англичане, – не религиозные фанатики, они обращаются к Богу изредка, как правило, в момент смерти, и религия явно не стоит в их прагматической системе ценностей на первом месте⁴⁸.

Подчеркнутая религиозность персонажей в английской литературе Елизаветинского времени – в основном удел непросвещенных испанцев или итальянцев. В пьесе Томаса Деккера (1572-1632) «Добродетельная шляха» набожны и склонны к предрассудкам исключительно итальянцы. Например, пьеса открывается фанатичным криком Герцога: «...вот: высунула голову комета, уже двукратно нам она навстречу метала зловеший взор, смутив двукратно родник наших очей... вперед во имя Бога!...»⁴⁹. Отмеченные качества явно не получают позитивной оценки автора. В английском общественном сознании второй половины XVI века усиливался рационализм, прогрессировала умеренная секулярность мировоззрения и «слепая» религиозность была явно не в моде⁵⁰.

Предпринятая в статье попытка выявления английской национальной идентичности, показала, что в литературных и правовых источниках Елизаветинского времени отражено становление идентификации членов общества со своей страной, т.е. – выражена «страновая» идентичность.

Появление в литературе конца XVI века аллегорического образа Англии, английских мотивов свидетельствует о том, что наряду с политической идентификацией, основанной на идеях преданности и лояльности к королевской власти, а также наряду с религиозным самосознанием, в изучаемом обществе активно формировалась особая идентичность, стержнем которой являлись национальные идеи. Причем, это была идентичность, понятная не только ученым мужам, государственным и церковным деятелям, но – некий новый вариант идентичности, достаточно простой, понятный и доступный для восприятия и мужчин, и женщин, и представителей различных сословных групп⁵¹. Вероятно, что позднее это обстоятельство повлияло на постепенную «национализацию» и политической идентичности, способствовало ее превращению не просто в верноподданническую, но именно английскую, идентичность.

Формирование культурного английского национализма в раннее Новое время, как формы раннего национального самоопределения англичан, было неразрывно связано с преобразованиями в государственной и религиозной сферах. Несомненно, особую роль в процессе, который был определен Хиллом как «формирование английского на-

ционализма»⁵², сыграли Реформация и динамично развивающийся абсолютизм, который являлся важным катализатором становления национального самосознания жителей английского королевства.

В английской литературе Елизаветинского времени четко прослеживается взаимосвязанность всех указанных процессов – усиление государства, формирование национальной церкви и английского национального самосознания. Кроме того, сама литература данного периода сыграла существенную роль в процессе общественной национальной консолидации, в зарождении национальной идентичности. Литературные произведения выступали в качестве своеобразного помоста, на котором различные политические, культурные, интеллектуальные идеи проходили эволюционные стадии от зарождения и развития до отмирания и замещения новыми.

Примечания:

1. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. – С. 74; см. также известные работы Бенедикта Андерсона, Эрнеста Геллнера о зарождении политического национализма Нового времени: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.; Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991.
2. Helgerson R. *Forms of Nationhood: The Elizabethan Writing of England*. Chicago: U of Chicago P, 1992; Hadfield, A. *Literature, Politics and National Identity: Reformation to Renaissance*. Cambridge: Cambridge UP, 1994; Grabes H., ed. *Writing the Early Modern English Nation*. Amsterdam: Rodopi, 2001; Armstrong, John. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: U of North Carolina P., 1982; Forde Simon, Lesley Johnson and Alan V. Murray, eds. *Concepts of National Identity in the Middle Ages*. Leeds: Leeds Studies in English, 1995; Turville-Petre, Thorlac. *England the Nation: Language, Literature, and National Identity, 1290-1340*. Oxford : Clarendon, 1996.
3. *Documents illustrative of English Church History* / eds. G.Gee, W. Hardy. NY., 1966. – P. 112.
4. *Ibid.* . – P. 103.
5. Курчанов М.В. *Imagining England: национализм, идентичность, память*. Воронеж: Факультет международных отношений, Воронежский государственный университет, 2008. – С. 34.
6. Hudson W. *John Ponet, Advocate of limited monarchy*. – P. 96.
7. Цит. по: Курчанов М.В. Указ. соч. – С. 35.
8. *Documents illustrative of English Church History*. – P. 179; Burnet G. *History of Reformation of the Church of England* / G.Burnet / ed. N. Pocock. Oxford, 1865. Vol. I. - P. 73.
9. *Documents illustrative of English Church History*. – P. 187.
10. Tillyard E.M.W. *The Elizabethan World Picture*. Vintage Books. A Division of Random House. NY., 2002. – P. 14.
11. Хобсбаум Э. Указ. соч. – С. 118.
12. *Documents illustrative of English Church History*. – P. 193.
13. Hudson W. *John Ponet, Advocate of limited monarchy*. Chicago, 1942. – P. 87.
14. Нокс Дж. *Трубный глас против чудовищного правления женщины // Английская реформация (документы и материалы)* / Ред. Ю.М. Сапрыкин. М., 1990. – С. 56.
15. Там же. – С. 57.
16. Там же. – С. 61.
17. Fox A. *The English Renaissance: identity and representation in Elizabethan England*. Blackwell Publishers. Massachusetts., 1998. – P. 34.
18. *Shakespeare's England. Life in Elizabethan England & Jacobean Times*. ed. Pritchard, R.E. Sutton Publishing Limited. Gloucestershire. UK. 2003. – P. 255.
19. Tillyard E.M.W. *Op. cit.* – P. 9.
20. *Ibid.* – P. 10.
21. *Ibid.* – P. 16.
22. Dollimore J. *Radical Tragedy: religion, ideology, and power in the drama of Shakespeare and his contemporaries*. 2nd ed. Duke University Press, Durham, 1993. – P. 6.
23. Fulk Grevill. *Mustapha* / <http://www.luminarium.org/renlit/gfulke.htm>.
24. Хилл Кр. *Английская Библия и революция XVII века* / Кр. Хилл. М., 1998. – С.20.
25. Zaret D. *The Heavenly Contract: Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism* / D/Zaret. Chicago, 1985. – P. 35.
26. Андерсон Б. Указ. соч. – С. 60-65.
27. Harrison W. *Description of England // Shakespeare's England. Life in Elizabethan England*. – P. 115.
28. Хилл Кр. Указ. соч. – С. 19.

29. Шекспир У. Ричард II. // Шекспир У. Комедии и трагедии. – М., Изд-во АГРАФ, 2001. – С. 34.
 30. Там же. – С. 52.
 31. Там же. – С. 89.
 32. Шекспир У. Король Джон // Шекспир, У. Исторические хроники. М., Эксмо-Пресс, 2003. – С. 75.
 33. Там же. – С. 91.
 34. Шекспир У. Гамлет // Шекспир У. Комедии и трагедии – С. 112.
 35. Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы. – М., 1938. – С. 6.
 36. Хейвуд Т. Красотка с Запада // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы. – С. 270.
 37. Там же. – С. 184.
 38. Fox A. *The English Renaissance: identity and representation in Elizabethan England*. – С. 73.
 39. Хейвуд Т. Указ. соч. – С. 256.
 40. Там же. – С.181.
 41. Там же. – С. 209.
 42. Там же. – С. 246.
 43. Там же. – С. 255.
 44. Tillyard E.M.W. *Op. cit.* – P. 22.
 45. Хейвуд, Т. Указ. соч. – С. 258.
 46. Там же. – С. 257, 258.
 47. Там же. – С. 204.
 48. Там же. – С. 211.
 49. Деккер Т. Добродетельная шлюха // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы. – С. 285.
 50. Fox A. *Op. cit.* – P. 19.
 51. Fox A. *Op. cit.* – P. 77.
 52. Хилл Кр. Указ. соч. – С. 21.

Вепренцева Т.А. (Тула)

МЕДИЦИНСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Ключевые слова: общественные организации, гражданское общество, интеллигенция, провинция.

The key words: public organizations, civil society, intelligentsia, province.

Врачи – наиболее прогрессивная часть провинциальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Они одними из первых создали свои профессиональные общественные организации, в которых осуществляли активную общественную и научную деятельность, направленную на изменение ситуации в сфере здравоохранения и санитарии, находившейся в России в далеко не лучшем состоянии.

Крупнейшими обществами медицинского характера в губерниях центральной России (для примера возьмем три губернии центрального региона – Тульскую, Калужскую и Воронежскую) были общества местных врачей (одни из старейших общественных организаций интеллигенции) и отделы Русского общества охранения народного здравия.

Одним из первых возникло Общество тульских врачей (1860 г.). Создав свое профессиональное общество, тульские врачи получили возможность совершенствовать собственные медицинские познания, а также активно участвовать в общественной жизни, удовлетворяя потребности местного населения в здравоохранении.

Своей главной задачей тульские врачи считали «быть полезными всеми средствами ... жителям как городским, так и уездным»¹. Члены Общества призваны были «изучать губернию в санитарном отношении, выяснять условия, под влиянием которых развиваются эпидемические болезни, собирать материал о смертности населения, читать и публиковать для народа популярные сочинения на медицинские темы, оказывать врачебную помощь неимущим больным». Большое значение придавалось личному, бо-

лее тесному сближению между собой членов общества «для поддержания доброго согласия и взаимного содействия в видах пользы науки и общественного здравия»². Все эти задачи успешно решались членами общества в практической деятельности.

Члены Общества тульских врачей – известные и уважаемые представители местной интеллигенции – часто занимались активной общественной деятельностью, стремясь поддерживать тесные связи не только в своей профессиональной сфере, но и с другими группами тульской интеллигенции, входившими в состав разных общественных организаций.

Так, например, доктор М.А. Щеглов был также членом Общества трезвости и Тульского общества вспомоществования учащим и учившим, П.П. Белоусов являлся не только членом Тульского отдела Русского общества охранения народного здравия, но, вместе с В.И. Смидовичем являлся членом Санитарной комиссии при Городской управе³. Доктор В.И. Смидович – один из тех, кому обязана своим открытием 3 ноября 1864 года Лечебница для приходящих больных при Обществе тульских врачей.

Общество калужских врачей открылось 5 октября 1862 г. Многие годы председателем общества был В.Е. Кричевский – действительный статский советник, врач, активный общественный деятель. Наиболее яркие члены общества – Ф.В. Беккер, Б.И. Гартман, А.П. Бабушкин и др.

В 1870 г. при Обществе была открыта Лечебница для приходящих больных. В ней дежурили врачи общества ежедневно по 2 часа. В ходе этих дежурств нуждающиеся могли получить бесплатную медицинскую помощь. Также при Обществе состояла вспомогательная касса. Позже в Калуге возникло Врачебное общество взаимной помощи под председательством В.Е. Кричевского⁴.

Воронежское медицинское общество возникло в 1868 г. Это одно из старейших обществ Воронежской губернии. Во второй половине XIX в. Общество осуществляло активную деятельность, направленную на улучшение ситуации в области санитарии и здравоохранения, уделяя особое внимание популяризации медицинских знаний среди населения губернии. Однако с 1893 г. наблюдалось угасание ее деятельности. Заседания проводились все реже, собиралось на них всего 6-8 членов. В начале XX века деятельность Общества была не так заметна как в предшествующий период. Особенно резкий скачок в упадке деятельности Общества произошел после октября 1905 г. На заседаниях члены Общества все чаще высказывались за необходимость его реформирования с целью изменения качественных основ функционирования⁵.

Члены Обществ врачей многое сделали для улучшения здравоохранения жителей российской провинции. Народные чтения по вопросам санитарии и гигиены, проводившиеся по их инициативе, позволили постепенно расширить знания простого народа в медицинской сфере и изменить отношение населения к этим вопросам. Часто люди старались избегать мероприятий по профилактике заразных болезней, употребления лекарственных средств, используя по старинке, традиционные методы лечения. Подобное отношение не редко вызывало эпидемии сыпного тифа, холеры, в борьбе с которыми члены Обществ принимали самое непосредственное участие.

Заботы наиболее активных членов Обществ врачей о здоровье населения, повышении культурного уровня местных жителей, просвещение по наиболее важным медицинским вопросам, оказание помощи нуждающимся, создавали благоприятные условия для прогрессивного развития российской провинции в социально - экономической и духовной сферах общественной жизни.

Научные работы многих членов Обществ оказали большое влияние на развитие медицинской науки. Их применение позволило провинциальным врачам осуществлять эффективную работу по оздоровлению наиболее опасных в санитарном отношении территорий российских губерний⁶. Деятельность членов Обществ врачей в области гигиены, санитарии, здравоохранения внесла ощутимый вклад в дело повышения жизненного уровня населения провинции, поднятия его на качественно новую ступень.

В 1877 г. было создано Русское общество охранения народного здоровья (РООНЗ), открывшее со временем 27 местных отделов в различных губерниях. В состав Общества наряду с врачами входили и многие интеллигенты других специальностей, а так же чиновники, что является отличительной особенностью Общества и его отделов.

Воронежский отдел РООНЗ был организован при активном участии яркого представителя интеллигенции Воронежской губернии врача А.Х. Сабина. Это был очень уважаемый в Воронежской губернии человек, который, как доктор, никогда не закрывал двери своего докторского кабинета для бедняков. Воронежский отдел РООНЗ работал под его руководством около 15 лет, а в конце 80-х гг. XIX века он основал и редактировал журнал «Медицинская беседа».

Деятельность Отдела была довольно активной и служила постоянным ответом на самые насущные запросы населения, связанные с народным здоровьем и с самого открытия отдела деятельность его пользовалась широким общественным сочувствием⁷. Так, воспитанники средних и высших учебных заведений 7-14 лет, родители которых имели ежемесячный заработок от 3,5 до 80 рублей, могли поправить свое здоровье и отдохнуть в вакационных колониях (летних оздоровительных санаторно-лечебных учреждениях).

Для поддержания здоровья школьников членами Тульского отдела РООНЗ (образован в 1896 г.) с 1887 г. также устраивались вакационные колонии⁸. Тульский отдел РООНЗ работал сообща с Городским Попечительством о бедных, поддерживая тесный контакт с ним через председателя Попечительства С.С. Зверева и члена-сотрудника С.Н. Соболева. Половина мест в колонии (около 40) отдавалась сиротам Попечительства, которые нуждались в колониальном содержании не меньше других детей.

Тульский отдел РООНЗ занимался содействием «улучшению общественного здоровья и санитарных условий России»⁹. Непосредственным организатором Отдела являлся П.П. Белоусов - санитарный врач Тульской губернии с 1889 г. П.П. Белоусов создал гигиеническую лабораторию, добился увеличения средств на организацию санитарного надзора и борьбу с эпидемиями. С целью освобождения Тулы от мусора и нечистот разработал и применил метод обезвреживания нечистот с помощью почвы, повышая тем самым ее плодородие.

В 1890 г. П.П. Белоусов создал ассенизационные поля в Туле (60 десятин), которые, при отсутствии канализации в городе были настоящим спасением от эпидемий¹⁰. На месте выгона скота и большой горы свалки, являвшейся рассадником эпидемий, в 1893 г. П.П. Белоусов заложил городской парк - и теперь любимое место отдыха туляков.

Наивысшая активность Тульского отдела РООНЗ пришлась на время председательства известного врача - гуманиста С.Г. Озерова (1898-1908). По его инициативе Комиссия по вопросам народного образования при Городской думе ввела завтраки в школах города Тулы, позже этот опыт постепенно распространился в других местностях губернии. За развитием и здоровьем детей в городских школах, раньше, чем где-то еще, было поставлено научное наблюдение.

Члены Тульского Отдела РООНЗ большое значение придавали пропаганде медицинских знаний среди населения. Публиковали в местной периодике просветительские статьи на медицинские темы, читали лекции для всех желающих по наиболее важным вопросам. Однако эти лекции не привлекли большого внимания населения: «Число слушателей было настолько мало, что, несмотря на бесплатное помещение..., расходы на печатание афиши едва - едва были покрыты»¹¹.

Членам Отделов РООНЗ, которое мыслилось, как союз интеллигенции, где главная роль принадлежит врачам, часто приходилось сталкиваться с равнодушием, а иногда и противостоянием местной власти в осуществлении различных общественных мероприятий. Несогласованность действий членов Обществ с другими общественными

организациями местной интеллигенции (например, с Обществами врачей), так же не лучшим образом сказывалась на возможности реализации мощного потенциала Отделов РООНЗ в сфере общественной гигиены и санитарии.

Однако общественная деятельность членов Отделов РООНЗ имела большое значение для создания необходимых условий жизнеобеспечения каждого жителя российской провинции. Возможность людей удовлетворять свои насущные потребности, в том числе в поддержании здоровья - залог ее прогрессивного развития, которое выразилось в развитии институтов и отношений, характерных для гражданского общества.

Кроме названных обществ, в рассматриваемых российских губерниях в 60-е гг. XIX – начале XX вв. действовали: Общество помощников врачей в Воронежской губернии (образовано в 1903 г), Тульское общество содействия физическому развитию (конец XIX в.), местные управления Российского общества Красного Креста (РОКК) (возникли в 70-е гг. XIX в.). Все они были призваны способствовать решению проблем местного населения в области здравоохранения, санитарии и гигиены.

Местными управлениями РОКК проводилась большая работа по подготовке медицинского персонала (сестер милосердия, фельдшерниц, сиделок, санитарок). Большую помощь члены управлений оказали местному населению в особо трудные периоды – в голодном 1891 г., в ходе войны 1904-1905 гг. и др.

Целенаправленную заботу о физическом развитии туляков осуществляло Тульское общество содействия физическому развитию. Представители общества преимущественно работали с учащимися учебных заведений города Тулы, создавая необходимые условия для улучшения их физического здоровья. Так, в 1903 г. Общество заключило договор с Детским отделом Тульского городского попечительства о бедных на приобретение циклодрома. Здесь Общество имело различные приспособления для гимнастических и подвижных игр, которые широко использовались детьми в качестве средств для физических упражнений. При этом учащиеся могли бесплатно пользоваться входом на циклодром, что было очень важно для далеко небогатого населения города Тулы и окрестностей.

Итак, медицинские общества в российской провинции возникли в числе первых организаций интеллигенции. Врачи создавали свои общества в силу наибольшей потребности населения в развитии здравоохранения.

Члены Обществ врачей многое делали для улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки в губерниях, заботились о здоровье местного населения. При Обществах открывались лечебницы, врачи которых доставляли бесплатную медицинскую помощь проходящим больным, приучая население пользоваться квалифицированной медицинской помощью, а не обращаться к знахарям-любителям, что было довольно распространенным явлением в российской провинции вплоть до начала XX века.

В состав обществ врачей входили яркие представители местной интеллигенции, которые одновременно являлись членами других общественных организаций, земств, городских дум, попечительств. Это люди, которые не могли оставаться в стороне от многочисленных проблем населения провинции и всеми силами содействовали улучшению ситуации в сфере здравоохранения и санитарии.

Кроме того, они стремились к сотрудничеству с членами других обществ, органов местного самоуправления, чтобы поднять жизненный уровень населения провинции на качественно новую ступень. Такое стремление особенно прослеживается в деятельности местных отделов Русского общества охранения народного здравия, в состав которого входили не только врачи, но и представители других специальностей. Огромную роль в развитии здравоохранения в губерниях сыграла деятельность отделов РООНЗ по созданию вакационных колоний, организации медицинских осмотров школьников, пропаганде медицинских знаний.

Не менее важной для решения проблем здравоохранения являлась деятельность управлений Российского Красного Креста и других организаций медицинского характера, возникавших в конце XIX - начале XX вв.

Таким образом, деятельность ряда общественных организаций, функционировавших в центральных губерниях России в 60-е годы XIX - начала XX вв. была направлена на создание общества здоровых граждан, чувствующих поддержку и заботу со стороны, которая не позволяла им остаться один на один со своими трудностями.

Медицинские общества, в состав которых входили представители самых разных отрядов интеллигенции, проделали огромную работу по созданию и развитию системы социальной защиты и здравоохранения в российской провинции.

Несмотря на многочисленные трудности, связанные с нехваткой материальных средств, нередко, непониманием со стороны местных властей, и, даже, населения, представители интеллигенции, входившей в состав данных общественных организаций, проявляли упорство, целеустремленность, что позволяло им решать поставленные задачи положительно.

Члены обществ часто демонстрировали лучшие качества, присущие российской интеллигенции – подвижничество, забота о ближнем, бескорыстие. Во многом благодаря этому им удавалось достигать намеченных целей. И это не удивительно, ведь в состав большинства общественных организаций входили наиболее яркие представители интеллигенции, за которыми тянулись многие.

Тем не менее, к началу XX в. в российской провинции оставалось множество нерешенных проблем в самых разных сферах общественной жизни, что подталкивало интеллигенцию к более активным действиям и не всегда конструктивного характера.

Примечания:

1. *Общество тульских врачей. Устав. Тула, 1868. - С. 3.*
2. *Там же. - С. 4.*
3. *Государственный архив РФ (ГАРФ), ДП.102, оп.1898, д.1869, лл.3, 9об. Государственный архив Тульской области (ГАТО), Ф.1300, оп.1, д.38, л.6. Рассаднев С.А. Доктор В.И. Смидович. Тула, 1988. - С. 56.*
- 4 *Памятная книжка и адрес-календарь на 1900 г. - Калуга, 1900. - С. 86.*
- 5 *Воронежский телеграф. – 23.11.1907. №258.*
- 6 *ГАТО, Ф.90, оп.1, т.41, д. 33797 (Научные сообщения П.П. Белоусова, Н.А. Соболева, М.А. Щеглова).*
- 7 *Воронежский телеграф. – 25.07.1907. №161.*
- 8 *Отчет по детским летним санаторно-лечебным колониям за 1903-1904 гг. Тула, 1905. - С. 3.*
- 9 *Устав Русского Общества Охранения Народного Здравия. Инструкция Тульскому Отделу РООНЗ. Тула, 1897. - С. 3.*
- 10 *Тула. Из глубины веков до наших дней. Тула: «Приокское книжное издательство», 1988. - С. 187-190.*
- 11 *Отчет о деятельности Тульского Отдела РООНЗ с 17 мая 1898 года по 30 мая 1899 года. Тула, 1900. - С. 11.*

Власов А.Н. (Липецк)

МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ КАТКОВ И ПОЛЬСКОЕ ВОСТАНИЕ 1863 ГОДА

Ключевые слова: Катков, Польское восстание, русофобия, религия.

The key words: Katkov, Polish revolt, Russophobia, religion.

Изучение общественно-политических взглядов главного редактора «Московских ведомостей» Михаила Никифоровича Каткова, выдающегося деятеля российской публицистики второй половины XIX века, несомненно, вызывает интерес, помогает выяснить его роль в формировании политики самодержавия. Актуальность нашей темы связана с многовековой историей взаимоотношения России и Польши.

В разных слоях русского общества взгляды Каткова вызывали противоречивое отношение. С. Неведенский, Н.А. Любимов, В.А. Грингмут говорили о независимости и целостности редактора «Московских ведомостей», его неподвластности ни общественному мнению, ни господствующим веяниям в правительстве. Р.И. Сементовский заявлял о приспособленчестве и продажности Михаила Никифоровича, А.А. Корнилов не ставил эволюцию публициста в зависимость от общей логики развития пореформенного самодержавия. В.И. Ленин видел в Каткове националиста и шовиниста. П.А. Зайончковский признавал значительную роль Михаила Никифоровича, его идеи зачастую предшествовали определенным правительственным мерам. В.А. Твардовская говорила о том, что Катков всегда был сторонником абсолютизма, имел позицию реакционер-«реформиста»¹.

На основании публицистики М.Н. Каткова рассмотрим и оценим его взгляды начала 60-х годов XIX в. относительно событий в Польше.

Восстание в Царстве Польском спровоцировало развитие самых разных настроений в Российской Империи. Михаил Никифорович Катков, давая свою собственную оценку происходящим событиям, повлиял на мнение большей части общества. Мятеж сопровождался яростной русофобией, «гнусные покушения исподтишка, начались тайные убийства, и множество русских солдат, изменнически застигнутых врасплох, были варварски зарезаны поодиночке»²; русские женщины опасались появляться на улице. На защиту восставших вдруг поднялась вся Европа. «Никак нельзя сказать, чтобы до сих пор наша печать обнаружила чрезмерную раздражительность народного чувства под влиянием тех угроз и оскорблений, которые сыпались на наше отечество со всех сторон, в то время когда оно менее чем когда-либо заслуживало подобного обращения»³. В этот трудный момент в общественно-политических взглядах редактора "Московских ведомостей" происходит оформление проблемы «польского вопроса». С первых дней мятежа издания Каткова заняли предельно чёткую позицию.

Поводом к восстанию послужил рекрутский набор в Царстве Польском, а именно, протест польской шляхты на введение, по её мнению, новой «беззаконной» меры к региону. Михаил Никифорович отмечает, что она была направлена против элементов беспорядков и смут в Польше, сосредоточивающихся преимущественно в городах. Михаил Никифорович изначально видел в польской шляхте бунтовщиков, творящих беззаконье, а не борцов против социальной и политической несправедливости. «Правительство предполагало воспользоваться ... рекрутским набором отчасти как средством для очищения городских улиц от горючего материала революционной агитации»⁴. По отношению к крестьянству данная мера была льготной, так как большая часть крестьянства в Царстве Польском была русской. Он писал: «Галиция наполовину населена коренным русским людом, который, несмотря на всевозможные притеснения со стороны поляков, ... остается верен своей народности и ненавидит польскую»⁵. А в дискуссии с «Journal de St.-Petersbourg» публицист подчёркивал полную легитимность этого закона: «Пока Польша находится под одной державой с Россией, она не может уклониться от той доли военной повинности, которая падает на нее»⁶.

Причинами восстания редактор «Московских ведомостей» считал льготы, данные ранее Царству Польскому: «Понадобилось в школах учить по-польски — стали учить по-польски; понадобился университет — дан университет; управлению края предоставлена полная автономия с видами на дальнейшее развитие в будущем; административные должности поручены полякам»⁷. По мнению автора, такая политика спровоцировали поляков, дала им надежду на дальнейшие уступки.

Михаил Никифорович чётко определяет главную движущую силу всего восстания и её цель. «Они [русский люд, живущий на территории Галиции] забывают, что польского народа нет в действительности, что есть только польская шляхта, что польская национальность ищет не свободы, а преобладания и владычества»⁸. Катков намеренно углублял национальную дифференциацию населения в Царстве Польском

классовым антагонизмом между польской шляхтой, представляющей высшие слои общества, и русским народом, притесняемым ею.

Говоря о ходе мятежа, публицист писал, что восставшие от пассивного сопротивления переходили к вооруженной войне, но всегда вели борьбу против правительства и империи. «Святые мученики затеяли Варфоломеевскую ночь и сицилийские вечера посреди девятнадцатого столетия»⁹. Такие действия польских «патриотов» не могли не вызвать реакции.

Помимо явных угроз вооружённого восстания, особое воздействие на общество имела характеристика Каткова скрытой угрозы «польской проблемы». Михаил Никифорович подчёркивал её прямое влияние на развитие восстания и сепаратизма в целом. Эта угроза хранилась в ненависти польской верхушки к русскому народу и государству. Факт польской русофобии не был секретом даже для представителя французского сената, цитируемого редактором «Московских ведомостей»: «Поляки могут, если хотят, биться до горького конца, увлекаемые своей закоренелой национальной враждой»¹⁰.

Весь яд этой вражды мы видим в «Польском катехизисе» - официальной программе «Польской sprawy» (тайного Польского правительства), в вину которой вменяются все беспорядки. «У нас вовсе вышел из памяти знаменитый катехизис «польской sprawy», который в те отдаленные времена всем был известен и всеми цитировался... Дело не в мирных населенных пунктах, не в добрых гражданах и честных подданных; дело в том яде, который именуется «польской справой», в тех честолюбцах, которые не покидают надежды восстановить старую Польшу на развалинах России, которые не считают делом поконченным историческую борьбу между этими двумя славянскими народами»¹¹.

Этот документ поражает своим ярким национализмом, переходящим в шовинизм. «10. Помни, что Россия — первый твой враг, а православный есть раскольник (схизматик), и потому не совестись лицемерить и уверять, что они твои кровные братья, что ты против Русских ничего не имеешь, а только против правительства, но тайно старайся мстить каждому Русскому»¹².

Проанализировав его, мы пришли к выводу, что некоторые предложения, касающиеся решения польского вопроса, Катков делал исходя из этого катехизиса, так как ростки его стал замечать в русском обществе. «Какие обеспечения может иметь русское общество в том, что все это множество людей польского происхождения, живущих в его среде (и не просто живущих, но действующих, занимающих государственные должности, участвующих в управлении страной), какие обеспечения, что все эти люди не враги России, что они не будут пользоваться всеми потаенными способами вредить русскому народу, держась правил известного польского катехизиса»¹³.

Так одной из решительных контрмер Михаил Никифорович видит разбавление русским элементом польского землевладения, вопрос о котором занимал первостепенную важность в «катехизисе». «Польская национальность будет терять свои вредные и для поляков, и для России свойства лишь по мере того, как будет исчезать в этом краю всякая возможность здравомысленно надеяться на восстановление старой Польши; а ближайшее средство к тому — способствовать введению значительного числа русских элементов в тамошние землевладельческие классы»¹⁴.

Формирование негативного отношения к польскому радикализму в обществе обозначило необходимость принятия конкретных мер по подавлению восстания. «Недаром говорит пословица, что русский человек задним умом крепок: теперь и наше образованное общество, наши дворяне и других сословий люди почувствовали и поняли, что дело не шутка. Патриотическое чувство всколыхнулось, наконец, и в нашей громадной России»¹⁵.

В связи с этими обстоятельствами Катков призывает к решительным действиям, которые должны идти не в угоду другим государствам, не для того, чтобы сгладить общественное мнение Европы, а для подавления мятежа, во что бы то ни стало. «Хотим ли мы удовлетворить нынешним притязаниям польского патриотизма и пожертвовать ему

существованием России? В таком случае надобно нам выводить из Царства Польского войска, отступать все далее и далее к Уральскому хребту и готовиться к мирной кончине»¹⁶. «Мы не должны успокаиваться, пока остается на нашей почве хоть один такой элемент; не только мириться и дружиться с подобным элементом - мы не можем допустить самого существования его в нашей среде»¹⁷.

Михаил Никифорович предлагал ввести военное положение в Царстве Польском. «Война так война; военное положение так военное положение. При теперешнем ходе дел правительство имеет полное основание сосредоточить все власти в Царстве Польском в руках людей, недоступных обольщениям польского патриотизма и революционным устрашениям»¹⁸. Еще одним способом борьбы с мятежниками он избирал подавление национального самосознания поляков: «До тех пор, пока не прекратится восстание, пока порядок в Царстве Польском не будет восстановлен, всякая уступка национальному чувству будет не примирять нас с поляками и Европой, а, напротив, только усиливать вражду, распаяя, с одной стороны, требования, а с другой - заставляя прибегать к все более и более жестоким мерам для их отражения»¹⁹. Следующая мера – модернизация административного аппарата. «В Варшаве, занятой войсками и состоящей на военном положении, до сих пор продолжает заседать революционный комитет и распоряжения его для поддержания мятежа действуют успешнее, чем все меры законного правительства, принимаемые для прекращения мятежа»²⁰.

Как одну из альтернатив Катков предлагает старообрядцев. По мнению публициста, они всегда были преданы царю и притесняемы поляками, на тот момент являлись коренной подпругой русского народа в Царстве Польском, они должны были стать фактором, сдерживающим революционную болезнь от распространения на другие западные регионы. «Во всяком случае, предпочтение, которое оказывалось в том краю католикам перед старообрядцами, было немалым промахом с нашей стороны и немалым подспорьем для революционной пропаганды»²¹.

Польский след был виден во всем западном и юго-западном регионе. «Здесь вся сила польского вопроса, которая так губит поляков и так вредит России»²². Развивая эту проблему, Катков особое внимание уделял вопросу веры и религии. Польша всегда являлась сферой влияния католической церкви, и на этой почве возникали постоянные противоречия. «Каждое католическое притязание несет яд в своем корне. Оно отравлено стремлением к господству, желанием первенства»²³.

Выход Катков видел в разделении двух элементов: национально-польского и религиозно-католического. Редактор «Московских ведомостей» считал, что они разнятся между собой, но в Российской империи, благодаря стечению обстоятельств, совпадают и в совокупности образуют самый вредный в нашем государственном составе элемент. «Как только дело религии перестанет быть монополией, какой бы то ни было национальности, коль скоро в католическую иерархию будут приняты в значительном количестве и другие элементы, кроме польского, так тотчас церковное дело более или менее явственно отделится от политического»²⁴. Он предлагает чехов или каких-либо других славян на пост священнослужителей, но главное, чтобы они не несли в себе такого ярко выраженного польского национального характера. «Католические духовные лица, свободные от фальшивой национальной или политической примеси и не находящиеся под терроризацией революционных комитетов, действовали бы, несомненно, иначе»²⁵. Мы считаем закономерным предложение Каткова параллельно усилить религиозное воспитание в быту и школах, поставить православное духовенство в лучшие условия, по сравнению с католическим.

Следующая проблема заключается в языке, точнее в его использовании в западном и юго-западном крае в духовной и светской жизни. Язык – один из основных признаков, выделяющих нацию как самостоятельную единицу.

Михаил Никифорович отмечает тот факт, что в своё время жители этого региона, совершенно чуждые польскому языку, были лишены права на использование рус-

ского языка. Местные католики стали по необходимости причислять себя к польской национальности, и из поколения в поколение вырос, таким образом, призрак польского вопроса. Длительное влияния польского элемента привело к такому явлению, как стремление выделить наречия из единого монолитного русского языка в самостоятельные языки – украинский и белорусский. «Оно (украинофильство – прим. автора) разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса»²⁶.

Поэтому мы считаем, что борьба за сохранение русского языка со всеми его наречиями есть прямое отражение государственного интереса – интереса единства Империи, горячо отстаиваемого Михаилом Никифоровичем. Так как литургия в католических храмах велась исключительно на польском языке, то интрига с наречиями была прямым расчетом на сохранение старой системы в неизменном состоянии.

Рассматривая проблему возврата к классическому образованию, на примере белорусских губерний Катков отмечал, что эта мера была направлена на противодействие ополячиванию края. «Те молодые люди, которые вступали в эти училища, вовсе не зная по-польски и не слышав ничего об обязанности ненавидеть москалей, выходили из училищ яркими польскими патриотами, одушевленными всей ревностью неопитов»²⁷. По мнению Каткова, главная причина сложившейся обстановки – отход от традиционной системы образования, и обучение на польском языке.

Эти явления в жизни западных окраин способствовали расколу общества, так как польский язык ассимилировал сознание народа, вызывая тем самым самоидентификацию каждого человека с польской, либо какой другой национальностью, формировал сепаратистские тенденции в Империи. Поэтому, задачу введения русского языка, как в богослужении, так и в делопроизводстве, Катков считал задачей наиважнейшей.

Восстание в Царстве Польском обозначило колоссальный узел противоречий, связанных с «польским вопросом» в Российской империи. Кровавые события сильнее всего повлияли на общественно-политические взгляды Михаила Никифоровича Каткова. Точка зрения на причины возникновения мятежа характеризует редактора «Московских ведомостей» как представителя реакционного лагеря. Он указывает недостатки либеральной политики в отношении региона, приведшие к обострению внутриполитической обстановки во всем государстве.

Явная и скрытая агрессия против государства, его устоев, его народа не могла вызвать иной реакции в обществе. Катков пытался предупредить любые революционные тенденции в Царстве Польском. Понимая, что предоставление независимости этому региону вызвало бы европейскую войну, ущемление интересов государства и русского народа, проживающего на его территории, Михаил Никифорович поддерживал линию правительства, а порой предлагал более жесткие меры, которые, если бы и не искоренили этой угрозы, то хотя бы ослабили на долгое время.

Эти преобразования, на наш взгляд, весьма существенны, они стали методами решения «польской проблемы». Меры, предлагаемые Катковым, получили поддержку среди многих слоев населения. Он показал, что приоритет интересов государственных, имперских над интересами польского меньшинства находит свое обоснование в официальной идеологической линии, выраженной в национальной политике. Публицист показал невозможность их удовлетворения, так как это привело бы к нарушению единства государства или, по крайней мере, могло бы создать такую угрозу.

Примечания:

1. Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888; Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889; Грингмут В.А. М.Н. Катков как государственный деятель // Русский вестник. 1987. № 8; Сементовский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892; Корнилов А.А. Курс русской истории XIX в. М., 1993; В.И. Ленин Карьера // Полн. собр. соч. Т. 22. - С. 43; Зайончковский П.А. Кризис самодер-

жавия на рубеже 1870 – 80-х годов. М., 1964; он же. *Российское самодержавие в конце XIX столетия*. М., 1970; *Твардовская Идеология пореформенного самодержавия*. М.Н. Катков и его издания. М., 1978.

2. Катков М.Н. *По поводу высочайшего манифеста Царству Польскому и указа Сенату относительно смежных с Царством Польским губерний* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 106.

3. Катков М.Н. *Ложные понятия иностранцев о России почерпаются из нашей журналистики* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 117-118.

4. Катков М.Н. *О законности рекрутского набора в Царстве Польском* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 103.

5. Катков М.Н. *По поводу высочайшего манифеста Царству Польскому...* - С. 107.

6. Катков М.Н. *О законности рекрутского набора в Царстве Польском ...* - С. 102.

7. Там же. С. 104.

8. Катков М. Н. *По поводу высочайшего манифеста Царству...* - С. 107.

9. Там же. - С. 106.

10. Катков М.Н. *Ложные понятия иностранцев о России ...* - С. 120.

11. Катков М.Н. *Связь «Исполнительного комитета» с «польской справой»* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 372.

12. *Польский катехизис // Домашняя беседа*. Вып. 25. 22 июня 1863 г.

13. Катков М.Н. *Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва западного и юго-западного края* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 160.

14. Там же. - С. 161.

15. Катков М.Н. *По поводу высочайшего манифеста Царству Польскому ...* - С. 107.

16. Катков М.Н. *Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание...* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 116.

17. Катков М.Н. *Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта ...* - С. 158-159.

18. Катков М.Н. *Слабы не силы наши, а слабы наши мнения...* - С. 117.

19. Там же.

20. Там же. - С. 115.

21. Катков М.Н. *Истинный либерализм, меры, принимаемые властями в Царстве польском, и старообрядцы в западном крае* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 142.

22. Катков М.Н. *Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта ...* - С. 160.

23. Катков М.Н. *Об отношениях России к Папе и его притязаниях в польском вопросе* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 134.

24. Катков М.Н. *О свободе совести и религиозной свободе* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 153.

25. Там же.

26. Катков М.Н. *Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 144.

27. Катков М.Н. *Наши понятия, наши воззрения злейшие враги наши* // М.Н. Катков. *Имперское слово*. М., 2002. - С. 132.

Воронько А.А. (Белгород)

ХАРАКТЕР БОЕВЫХ ТРАВМ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ. САГА О ГРЕТТИРЕ

Ключевые слова: сага, травма, меч, секира, копье, панцирь.

The key words: saga, injury, sword, ax, spear, shell.

Исландские саги (саги об исландцах) – научный термин, обозначающий определённую отрасль литературы. Авторы этих саг в большинстве своём неизвестны. Их персонажи – исландцы, жившие в эпоху расцвета исландской республики (930–1030 гг.). Исландские саги стали записываться в мирные годы, последовавшие за переменой веры в 1002 г., когда дела героев прошлого ещё хранились в народной памяти. В собирании саг можно различить несколько периодов: с 1140 по 1220 г. они записывались отдельно, главным образом для облегчения туземных рапсодов; затем они стали издаваться для читающего общества, соединяться (1220–1260 гг.), переделываться и расширяться в объёме (1260–1300 гг.) и, наконец, собираться в большие рукописные сборники.

ки (XIV в.). Классическим периодом исландских саг является XII век, именно с этого времени их стало появляться особенно много¹.

Степень историчности исландских саг различна. Среди них встречаются мифические, где рассказывается о героях давней поры, но фактически эти рассказы являются переделанными сказаниями о богах. Полуисторические саги напоминают романы, но рассказывают истинные события, обыкновенно маловажные. Благодаря усовершенствованию алфавита Тьорродом и Ари Фроди, развилась и исландская историческая сага – лучшее, что представляет исландская проза.

«Сага о Греттире» относится к героическим сагам, также её можно отнести к полуисторическим сагам, несмотря на то, что в ней нередки и нереальные события – к примеру, сражения с великанами или с упырём.

Поскольку в «Саге о Греттире» упоминаются события, которые можно точно датировать, или указываются точные сроки, то хронология саги поддаётся установлению. Так, установлено, что Энунд Деревянная Нога жил около 860-930 гг., поселился в Исландии около 900 г. Греттир родился в 996 г., а осенью 1031 г. был убит. Но обнаруживаются и хронологические неувязки. Например, в главе 9 рассказывается о том, что Энунд Деревянная Нога приехав в Исландию, встретился с работниками Торвальда со Столбов. Известно, однако, что Торвальд и его сын Эйрик Рыжий приехали в Исландию только в середине X в.

Проверить, что является исторической правдой, удаётся, конечно, только в редких случаях. Наиболее редкий случай – археологические раскопки. Так, в пустынной местности, где, судя по рассказу в главе 16, Греттир убил Скёгги, в 1924 г. под камнем в пещере были найдены кости человека, жившего около 1000 лет² тому назад. Предполагается, что это кости Скёгги, которого путники захоронили там. В 1875 г., в долине, где происходила схватка, описанная в главе 30, под камнями были найдены две человеческие кости с двумя черепами. Предполагается, что это два работника Кармака, убитые в схватке. Раскопки подтверждают также, что в древности на Цаплином Мысу существовал тинг, описанный в главе 72, а в Гусиной бухте – торжище, описанное в главе 37. В обоих этих местах найдены остатки древних землянок³.

И хотя в «Саге о Греттире» существуют хронологические неувязки, а также вымышленные события, эта сага может считаться историчной для рассмотрения вооружения и характера боя. «Сага о Греттире» описывает более 25 боёв, причём абсолютно разных. Характерной приметой этой саги является достаточно подробное, в большинстве случаев, описание сражения с перечнем используемого оружия и полученных травм. Всё это делает «Сагу о Греттире» прекрасным источником по данной теме.

Итак, разновидностей оружия в саге немного. Основу вооружения составляли меч, секира, либо копьё. Для защиты использовался щит, который, однако, не спасал от прямых ударов мечом или секирой, защищая лишь от ударов скользящих. В редких случаях в качестве оружия использовались подручные средства, например ребро кита.

Оружия, которыми наносили травмы:

Меч	53,6%
Секира	17,8%
Копьё	14,3%

Мечом и секирой наносили рубящие удары, стараясь покончить с противником сразу. Как правило, если воин промахивался, его удар в большинстве случаев был последним для него самого, ибо времени для нового замаха не было. Копьём, естественно, кололи, причём также на поражение; кроме того, его могли метать, если противник находился ещё достаточно далеко.

Так как викинги били сразу на поражение, то конечно, они метили в голову.

Части тела, куда наносили ранения:

Голова, шея	33,3%
-------------	-------

Руки	15,1%
Ноги	12,1%
Грудь, живот	15,1%
Спина	12,1%
Бок	3%

Согласно саге, меч, главным образом использовался для реальных схваток лицом к лицу. И им никогда не наносили колющих ран. Чем и объясняется эта статистика.

Меч.	
Голова, шея	47%
Руки	33%
Ноги	13,3%
Грудь, живот	6,6%

Не смотря на то, что копьё часто метали, вслед отступающему противнику оно никогда не летело. Бежавшего всегда настигала секира.

Секира.	
Голова, шея	60%
Спина	40%
Копьё.	
Грудь, живот	100%

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что самым популярным оружием у исландцев X-XI вв. был меч. Вступая в бой, исландцы стремились одним сильным ударом поразить противника, поэтому чаще всего метили в голову. Для защиты использовался щит. Однако, хотя в саге об этом встречаются единичные упоминания, известно, что викинги использовали также шлем, кольчугу, кожаный панцирь. Причиной того, что в саге о них не говорится, является то, что бои здесь в основном спонтанные, внезапные, которым противники не могли подготовиться.

Мечом старались нанести удар либо в голову, либо по конечностям. В корпус били мало. На втором месте по популярности была секира, которой также метили в голову, реже – в спину. Немного отстаёт от неё копьё, которым били в корпус.

Таким образом, разновидностей используемого оружия мало, не упоминаются лук, ножи, ударно-дробящее оружие. Это объясняется высокой боевой эффективностью меча, при которой использование такого оружия было не целесообразным. Не упоминаются и рукопашные схватки.

Примечания:

1. Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И. Сага о Греттире. - С. 149.

2. Там же - С. 156.

3. Там же.

Долженков И.А. (Курск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Ключевые слова: губерния, земское самоуправление, уезд, управа, Курск.

The key words: province, local (zemskie) authorities, county, government, Kursk.

Очень важную роль, в жизни российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. играла деятельность земств. Круг деятельности провинциальных земств был строго ограничен. Закон отводил им решение вопросов исключительно местного хозяйства: они ни в коем случае не должны были выходить за установленную границу. Но даже в хозяйственной области каждый более или менее значительный шаг земских

учреждений находился под контролем бюрократии. Оформление займов, проекты смет, избрание на должности – все это рассматривалось и утверждалось губернатором или министром внутренних дел. К примеру, Курское губернское земство даже на открытие фельдшерских школ спрашивало разрешение у МВД¹.

Однако и такие земства не совсем устраивали правительство. Создав земское самоуправление, царизм шаг за шагом стал ограничивать и теснить его, стремясь загнать в сферу сугубо хозяйственных дел. Вторая половина 60-х гг. была особенно богатой на различные законы, циркуляры и разъяснения, принятые в связи с тем или иным действием земств и направленные на то, чтобы стеснить их самостоятельность, увеличить их зависимость от административных учреждений и поставить в определенные рамки.

Данное обстоятельство ярко иллюстрируют циркуляры МВД Курскому губернскому земскому собранию. К примеру, без разрешения Министерства Просвещения запрещалось созывать съезды народных учителей, организуемые земством, на них обязательно должны были присутствовать чиновники соответствующего учебного округа. Под контроль было поставлено и взимание земских сборов, они сначала должны были поступать в уездные казначейства, и только потом могли расходоваться по желанию земских управ². К тому же, государственные учреждения часто не исполняли требований земских управ, что приводило к столкновению интересов. Так, в частности, в Старом Осколе возник конфликт между полицейским управлением и уездной управой по поводу неисполнения требования последней об очищении местной реки ото льда³.

Деятельность органов земского самоуправления была довольно разнообразной и включала различные аспекты. Уже 1 сентября 1865 г. на заседании Курского губернского земского собрания было отмечено тяжелое состояние социальной сферы. Особенно плохим было положение в учреждениях здравоохранения - больницах, детских приютах, психиатрических лечебницах, подведомственных ранее приказам общественного призрения⁴.

Среди первоочередных мер, направленных на улучшение данного положения, губернская управа предложила увеличить зарплаты врачам, фельдшерам. Выделялись деньги и на закупку медикаментов. Так, к примеру, в 1872 г. земскими учреждениями на эти цели было выделено 135 рублей⁵. Одновременно с этим отмечались случаи злоупотребления своими обязанностями смотрителей больниц. Так, по решению Дмитриевской уездной управы был уволен смотритель местной уездной больницы Усов⁶.

Ввиду необходимости подготовки квалифицированных кадров, по этим причинам в Курске была открыта фельдшерская школа. К примеру, в 1868 г. на ее содержание было выделено 4044 рублей⁷, а в 1881 г. уже 5306 руб. 97 коп.⁸ В целях обмена опытом проводились съезды земских врачей (первый съезд был проведен 1 июля 1875 г.)⁹.

Тем не менее, нехватка врачей была довольно острой. Так, в 1869 г. в Обоянском уезде работали городской врач г. Обояни, уездный земский врач и ветеринар. В трех населенных пунктах – Медвенке, Р-Будах и Михайловке были свои фельдшеры. Однако этого было недостаточно для нормального обслуживания населения. Еще хуже было положение в других уездах. К примеру, в Щигровском уезде одно лицо совмещало должности городского и уездного врача¹⁰.

И впоследствии предпринимались меры по улучшению состояния здравоохранения в губернии. Так, 9 декабря 1885 г. было решено поставить под контроль земств больницы на фабриках и заводах. 28 февраля 1886 г. по решению 22 очередного Курского уездного земского собрания, было выделено на лечение больных в земской амбулатории г. Курска 500 руб¹¹.

Земства заботились также о содержании детского приюта. Так, в 1881 г. на нужды заведения было выделено 1918 руб. 80 коп¹². Оказывалась помощь бедным, к при-

меру, в 1886 г. 5 лицам выплачивалось ежемесячное и 173 лицам единовременное пособие. Всего на эти цели выделялось 1100 рублей¹³.

Земства содействовали развитию ветеринарной службы. В частности, в 1869 г. за счет средств земства Обоянским уездным земским ветеринарным врачом был назначен Л. Рилмер. Земства предпринимали большие усилия по борьбе с эпидемиями (в частности оспы)¹⁴.

Нельзя не отметить важную роль земств и в обеспечении населения продовольствием. Ярким примером этому служит решение Курского губернского земского собрания, о выделении в 1875 г. 150 тыс. рублей Грайворонскому уезду на закупку продовольствия в связи с неурожаем¹⁵.

Уже в 1881 г. по решению Курского губернского земского собрания были выделены ссуды на закупку продовольствия следующим уездам: Новооскольскому – 15 тыс. руб., Обоянскому – 10 тыс. руб., Дмитриевскому – 4 тыс. руб., Суджанскому – 10 тыс. руб., Корочанскому – 20 тыс. руб., Старооскольскому – 60 тыс. руб., Грайворонскому – 7 тыс. руб., Фатежскому – 1 тыс. руб., Путивльскому – 4 тыс. руб., Курскому – 4 тыс. руб¹⁶.

Тем не менее, этих сумм все равно не хватало. Так, в 1884 г. Белгородское земство обратилось в Курское губернное земское собрание с ходатайством о выделении ему 100 тыс. руб. на закупку продовольствия. Однако из-за нехватки средств ему было отказано¹⁷. Чтобы улучшить положение дел с обеспечением продовольствия в 1885 г. была создана подкомиссия, состоящая из председателя и членов губернской управы: М.Д. Исакова, Д.Р. Щиголева, Ф.В. Шагарова, М.Е. Китаева и В.Н. Белычевцова. По итогам ее работы было предложено перевести все хлебные запасы в денежные капиталы (т.е. распродать все хлебные запасы)¹⁸.

Одним из важнейших направлений деятельности земств было строительство и ремонт дорог. Так, по инициативе органов земского самоуправления были отремонтированы внутригубернские дороги из Курска в Льгов, из Курска в Корочу, из Курска в Тим и т.д. В 1872 г. на содержание этих больших дорог земствами было выделено 20556 рублей¹⁹. В 1875 г. 11 очередное губернное земское собрание выделило на ремонт внутриуездных дорог Льговскому уезду 2905 рублей, Рыльскому – 3563 руб., Курскому – 1283 руб., Корочанскому – 568 руб., Путивльскому – 758 рублей и т.д.²⁰

Предпринимались земскими учреждениями меры по ремонту мостов. В частности, в 1881 г. были выделены деньги на ремонт моста через р. Суджу, в Старооскольском уезде ремонтировались мосты на р. Беленькую, в Белгородском уезде ремонтировался мост через р. Разумную и т.д. На ремонт дамбы Фатежскому земству в том же году было выделено 1 тыс. рублей²¹.

Огромную роль сыграли земства и в развитии народного образования, в распространении грамотности среди населения. Постоянно росли расходы на образование. К примеру, постановлением Курского уездного земского собрания от 29 сентября 1869 г. на содержание 9 сельским училищам уезда было выделено 1500 рублей²². В 1871–1875 гг. от всех земских губернских затрат расходы на начальное народное образование составляли 13,93 %, то в 1886-1890 гг. – 16,61 %²³. Если к 1865 г. в губернии насчитывалось всего 40 начальных школ, то к 1915 г. их было уже 1593. Выделялись суммы на выпуск учебников и учебных пособий. Так, в 1880 г. на эти цели было выделено 236 руб. 47 коп.²⁴

Важное значение в деятельности земств придавалось подготовке учителей. Так, в 1869 г. Курская губернская управа предложила земскому собранию доклад об учреждении летних учительских курсов. В решении по обсужденному докладу основными формами усовершенствования учителей были названы курсы и съезды. В 1869/70 учебном году Новооскольское уездное земство начало переподготовку учительских кадров с приглашения на совещание училищного совета педагогов существовавших тогда в уезде училищ. На совещании были рассмотрены и оценены учебные пособия для на-

чальных школ, а также методы преподавания. Подобные встречи учителей успешно реализовывались в дальнейшем. В 1871 г. губернское земское собрание назвало эти встречи учительскими съездами и разработало Положение об устройстве аналогичных мероприятий в каждом уезде. До 1875 г. они проходили в форме совещательных мероприятий для учителей и в виде своеобразных практикумов для новичков в учительском искусстве.

Подготовкой учителей также занимались Белгородская учительская семинария (1871 г.), Курская земская учительская школа (1873 г.), переименованная в 1890 г. в Курскую учительскую семинарию, Белгородский учительский институт (с 1876 г.), мужские и женские гимназии, Педагогическая школа сестер Рутцен в г. Курске, Суджанская учительская семинария, Дмитриевская учительская семинария, педкурсы при городских училищах, а также Курская духовная семинария, Курское (с 1866 г.) и Белгородское (с 1908 г.) епархиальные женские училища, церковно-учительские школы²⁵.

Земствами разрабатывался проект устава о пенсиях учителям народных земских училищ. Так, в 1880 г. на эти цели было выделено 7250 рублей²⁶.

Разработанные Министерством народного просвещения в августе 1875 г. «Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ» сковали земскую инициативу, узаконили лишь те организационные формы усовершенствования, которые не столько оправдывали себя и нравились учителям, сколько устраивали правительство.

Свежую струю в процесс повышения квалификации учителей внес коллектив Курской земской учительской школы (КЗУШ) во главе с директором И.И. Шалфеевым. Летом 1877 г. в КЗУШ состоялся съезд ее воспитанников, проработавших после окончания учения 1 год в учительской должности. На нем присутствовали 34 педагога, обсудившие 7 докладов.

На первом учительском съезде Льговского уезда в июле 1883 г. участники заполняли анкету о состоянии своих училищ. Она помогла определить и уточнить формулировки вопросов, включенные в повестку дня съезда: состояние школьных зданий, проекты училищных коллективов с выпускниками, результативность ученических школьных библиотек.

На грани XIX–XX вв. основной формой повышения квалификации учителей Курской губернии стали педагогические курсы. Курское губернское земство проявляло заботу не только о подборе талантливых лекторов, но и об обеспечении учителей общением и питанием во время их пребывания на курсах.

В период между курсами земская образовательная комиссия стремилась развивать учителя как личность, как педагога-психолога и методиста.

Курское губернское земство использовало для усовершенствования учителей и такую оправдавшую себя форму как выставки по народному образованию. Одна из них прошла в Курске летом 1902 г. Благодаря таланту председателя образовательной комиссии П.Д. Долгорукова выставка переросла в общеземский съезд и дала толчок, ускоривший развитие начального народного образования не только в Курской губернии, но и в России в целом, несла новое как в процесс подготовки учительских кадров, так и в повышение их квалификации.

Земская образовательная комиссия сравнительно часто и результативно решала вопросы социальных нужд учителей. Так, 10 апреля 1895 г. на ее заседании был заслушан доклад А.Н. фон Рутцен «Об участии губернского земства в нормировке учительского жалованья». В соответствии с решением принятым по докладу, в уездах, где учительское жалованье достигло 300 рублей, губернское земство должно было делать прибавку к получаемому размеру оплаты по 25 рублей ежегодно в случае, если учитель прослужил земству Курской губернии 5 лет и более. Земство проявляло внимание к делам учителей земских школ. Они освобождались от платы за обучение²⁷.

Однако, в целом состояние народного образования, несмотря на все усилия земств, было не очень хорошим. Это видно из доклада Курской губернской управы от 22 октября 1886 г. К примеру, в нем говорилось, что число оканчивающих полный курс нормальных училищ невелико, по сравнению с общим числом детей, поступающих в эти училища. Также была признана неудовлетворительной деятельность учителей.

На основании этого доклада, была создана комиссия, для разработки мер по улучшению состояния народного образования. Она состояла из гласных Курского губернского земского собрания: Н.П. Анненкова, Ф.Ф. Янковича, К.М. Бардекого, И.И. Кабата, П.И. Шеховцева, Я.А. Артюхова, С.С. Романовского и Ф.Л. Соколовского.

По итогам работы комиссии были предложены следующие меры:

- поручить губернской управе застраховать вновь выстроенное Рождественское образцовое училище;
- окончить постройку Гуторовского училища;
- закрыть Полянское училище, вследствие малого количества детей обучающихся там;
- открыть школу грамотности в с. Лазовское и выделить на эти цели 100 руб. и т.д.²⁸.

Таким образом, мы видим, что деятельность органов земского самоуправления во второй половине XIX в. в Курской губернии была достаточно разнообразной и разносторонней. Земства, пытались решить многие назревшие социальные проблемы, оставшиеся им в наследство от дореформенной эпохи. Однако из-за ограниченных финансовых возможностей, излишней опеки администрации, деятельность земского самоуправления зачастую была недостаточно эффективна.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217. - Л. 634.
2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217. - Л. 650.
3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1219. - Л. 34.
4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1152. - Л. 56.
5. Журналы заседаний Курского уездного земского собрания с 28 сентября по 3 октября 1871 г. Курск, 1872. - С. 45.
6. Там же.
7. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания с 17 ноября по 6 декабря 1868 г. Курск, 1869. - С. 56.
8. Журналы 17 Курского губернского земского собрания 1881 г. Курск, 1882. - С. 123.
9. Журналы 11 Курского губернского земского собрания 1875 г. Курск, 1876. - С. 64.
10. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4736. - Л. 28–30.
11. Журналы 22 Курского уездного земского собрания 1886 г. Курск, 1887. - С. 76–78.
12. Журналы 17 Курского губернского земского собрания 1881 г. Курск, 1882. - С. 123.
13. Журналы 22 Курского уездного земского собрания 1886 г. Курск, 1887. - С. 159.
14. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4736. - Л. 28–30.
15. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217. - Л. 535.
16. Журналы 17 Курского губернского земского собрания 1881 г. Курск, 1882. - С. 123.
17. Журналы 19 собрания 1884 г. Курск, 1884. - С. 89.
18. Журналы 21 собрания 1885 г. Курск, 1886. - С. 95.
19. Журналы заседаний Курского уездного земского собрания с 28 сентября по 3 октября 1871 г. Курск, 1871. - С. 45.
20. Журналы 11 Курского губернского земского собрания 1875 г. Курск, 1876. - С. 64.
21. Журналы 17 Курского губернского земского собрания 1881 г. Курск, 1882. - С. 159.
22. Амоскин А.С. Земство и народное образование Курской губернии // Педагогический поиск, № 1 – 2. Курск, 2005. - С. 67–68.
23. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания с 17 ноября по 6 декабря 1868 г. Курск, 1869. - С. 56.
24. Ф. 39. Оп. 1. Д. 29.
25. Амоскин А.С. Земство и народное образование Курской губернии // Педагогический поиск. № 1 – 2. Курск, 2005. - С. 67–68.
26. Журналы 11 Курского губернского земского собрания 1875 г. Курск, 1876. - С. 64.

27. Амоскин А.С. Земство и народное образование Курской губернии // Педагогический поиск. № 1 – 2. Курск, 2005. - С. 67–68.

28. Журналы 19 собрания 1884 г. Курск, 1884. - С. 89.

Дьяконов М.В. (Курск)

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Ключевые слова: Крымская война, рекрутский набор, государственное ополчение.
The key words: Crimean War, recruitment, state militia.

Крымская война 1853–1856 гг. стала серьезной проверкой боеспособности русской армии, а также системы ее комплектования с помощью рекрутской повинности в период активных боевых действий.

Рекрутские наборы в России проводились по Рекрутскому уставу 1831 г. постоянно действующим Губернским рекрутским присутствием и создаваемыми на период набора временными уездными присутствиями. Поскольку одно временное присутствие обычно набирало рекрутов с нескольких уездов, то наборы зачастую не укладывались в срок. Рекрутские наборы делились на обычные – по 5 – 7 человек с 1 000 мужских ревизских душ, усиленные – до 10 человек и чрезвычайные – свыше 10 человек. Территория Российской империи была поделена на восточную и западную полосы (Курская губерния входила в западную полосу), наборы в которых проводились ежегодно по отдельности и назывались частными¹. С 1840 г. стали проводиться и общие наборы, то есть с обеих полос одновременно.

Во время Крымской войны прошло четыре частных набора и один общий. В конце 1853 г. X частный набор с Восточной половины проводился из расчета 10 рекрутов с 1000 душ. Предполагалось собрать 139 879 рекрутов, собрано было 139 626 при недоборе в 253 человека. В 1854 г. проводилось три набора: по XI частному с Западной и Восточной половины (по 9 рекрут с 1000 душ) из 222 576 рекрут в армию поступило 221 360, по XII частному с обеих половин (10 рекрут с 1000 душ) – 200 160 рекрутов из планируемых 201 335, по XIII набору с Западной половины (12 рекрут с 1000 душ) – 73 194 человек. В 1855 г. общий набор по 10 человек с 1000 душ поставил под ружье еще 187 884 рекрута при недоборе в 10 170 человек².

Курская губерния поставляла рекрут в 1854 г. – по 11 и 12 частным наборам, в 1855 г. – по общему набору.

Во время XI частного набора в Курской губернии, кроме губернского присутствия (набирало рекрутов с пяти уездов), было создано три уездных присутствия: Рыльское набирало рекрутов с четырех уездов, Белгородское и Старооскольское – с трех уездов каждое. Старооскольским присутствием было принято 1 393 рекрута, Рыльским – 1 601, Белгородским – 1 475³. Губернское присутствие приняло 2 977 рекрутов⁴. В итоге Курская губерния поставила 7 446 рекрутов.

С 1 ноября по 15 декабря 1854 г. был проведен XII частный набор, имевший целью «сформировать окончательно запасные войска». Губернское присутствие, а также уездные Старооскольское и Рыльское набирали рекрутов с четырех уездов каждое, а новое Грайворонское – с трех⁵. Старооскольским присутствием было принято 2 033 рекрута из полагавшихся 2 051, Рыльским присутствием на 29 ноября было принято 1 447 рекрутов из полагавшихся 1 786 – другие данные, как и по Грайворонскому присутствию, отсутствуют⁶. Курским губернским присутствием было принято 2 337 рекрутов⁷. Приблизительно, Курская губерния поставила около 8 000 рекрутов.

Наконец, во время общего набора 1855 г. создавалось четыре уездных рекрутских присутствия: Дмитриевское, Суджанское, Корочанское и Тимское. Каждое при-

сутствие набирало рекрутов с трех уездов. Это несколько ускоряло темпы набора и было более удобным для работы присутствий. Курским губернским рекрутским присутствием было принято 1 669 рекрутов, Дмитриевским – 1 443, Суджанским – 1 505, Корочанским – 1 548, Тимским – 1 506⁸. В общем, Курская губерния поставила 7 671 рекрута.

К 1855 г. нехватка молодых людей призывного возраста (21–35 лет) привела к тому, что в период проведения общего набора было разрешено отправлять в армию рекрутов в возрасте 36 и 37 лет⁹. К примеру, в Курской губернии было призвано 979 рекрутов от 30 до 37 лет (12,8 % от всего числа). Для сравнения, во время каждого набора 1840-х гг. в армию в среднем призывалось около 150 рекрутов в возрасте от 30 лет (4–5 %) ¹⁰. Увеличение количества возрастных солдат, естественно, снижало боеспособность вооруженных сил (учитывая тот факт, что срок службы составлял 25 лет).

Таким образом, в годы войны Курская губерния отправила в армию около 23 тысяч человек, что составило 3 % к общему числу призванных.

Несмотря на то, что в ходе Крымской войны в результате усиленных и чрезвычайных рекрутских наборов было призвано 878 тысяч человек¹¹, острая нехватка людей из-за больших потерь на поле боя и от болезней явилась главной причиной издания 29 января 1855 г. Высочайшего манифеста о созыве государственного подвижного ополчения «по чрезвычайным обстоятельствам и на временную службу»¹². Ратников предполагалось набирать по 23 человека с 1 000 ревизских душ в возрасте от 20 до 45 лет со всех сословий, платящих подушную подать, кроме купечества (также не могли вступить в ополчение иностранные колонисты и евреи). Для организации сбора ополченцев, распределения финансовых средств, назначения офицеров в каждой губернии создавались Губернские комитеты ополчения во главе с губернатором. Государственное ополчение состояло из дружин по 1 089 человек в каждой¹³.

Общая численность ополчения составила 360 тысяч человек¹⁴. В Курской губернии было набрано более 19 тысяч ратников (примерно 11,5 тысяч государственных крестьян, 7 тысяч помещичьих и 700 мещан) составивших 17 дружин¹⁵. Курское ополчение было направлено на театр боевых действий в Крым.

Расходы по содержанию ополчения ложились на плечи самих обществ, поставляющих ратников, а также на губернские власти. Податные сословия собирали средства на провиант и фураж (на 9 месяцев), кроме того – на одежду (каждый ратник должен был явиться на место сбора, имея при себе фуражку, армяк, шаровары, рукавицы, овчинный полушубок, сапоги, три рубахи, двое портов)¹⁶.

Губернские расходы шли на обмундирование и снаряжение ратников по установленным образцам (латунный крест и козырек на фуражку, кожаный кушак из сыромятного ремня, ранец, патронташ), на жалованье, покупку лошадей и отправку подвод с провиантом и фуражом к месту расположения ополчения¹⁷. Источником вышеперечисленных расходов служили государственные земские сборы, а в случае их нехватки – общие губернские доходы с условием «возврата из тех сборов по первой возможности»¹⁸.

С апреля по май 1855 г. курская Казенная палата выделила Губернскому комитету государственного ополчения 179 359 рублей 80 копеек серебром под расписку управляющего делами комитета коллежского ассесора Гридина на изготовление ранцев, патронташей, поясных ремней, фуражек для ополченцев, а также для оплаты доставки данных вещей к месту сбора ополчения¹⁹.

Для изготовления обмундирования ратников заключались договоры с купцами. К примеру, 8 апреля 1855 г. губернская Казенная палата заключила контракт с московскими купцами 3-й гильдии Варахановыми на изготовление и поставку «ранцев с плечевыми ремнями, крючками и пряжками» (по 3 рубля 45 копеек за штуку), «патронташей с ремнями» (по 1 рублю 50 копеек) и «кушаков кожаных сыромятного ремня» (по 30 копеек), каждого предмета по 19 006 штук, на общую сумму 99 781 рубль 50 копеек серебром. Все вещи должны были быть «построены сообразно с высочайше

утвержденным образцом» по форме, размеру и качеству материала²⁰. Видимо, условия контракта были довольно выгодными, так как уже 28 апреля Варахановы обязались изготовить и сдать 19 210 ранцев, 17 948 патронташей и 19 120 поясов к 1 июня, т. е. на месяц раньше срока и в большем количестве, но при этом просили «для пополнения неизбежных при такой поспешности расходов» на покупку материала и оплату работы прибавить сверх указанной в договоре цены еще по 40 копеек на все три вещи²¹. В общей сложности постройка ранцев, патронташей и поясов, их провоз из Москвы (включая затраты на короба и рогожу) обошлись в 115 511 рублей серебром²².

Заключались контракты и с другими купцами. Так, фатежский купец Федор Пригожев изготовил 19 121 козырьков и латунных крестов для фуражек, получив за это 3 067 рублей 66 копеек²³, курский купец 3-й гильдии Василий Лавров – 19 125 «ремней с пришитыми к ним пряжками» (по 22 копейки) на 4 207 рублей 50 копеек серебром²⁴.

Несмотря на то, что ополченцам предписывалось выдавать ружья, прежде всего их предполагалось использовать при строительстве оборонительных укреплений, обеспечив шанцевым инструментом – топорами и лопатами. К примеру, в апреле 1855 г. курский купец 3-й гильдии Василий Лавров обязался сделать 13 600 штыковых лопат (по 5 копеек за штуку) на общую сумму 680 рублей²⁵, в мае курский купец Константин Миленин изготовил 3 357 топоров на сумму 1 262 рубля 80 копеек, а купец Иван Черных – 3 021 топор, получив за них 1057 рублей 35 копеек серебром²⁶. Тогда же московский купец 3-й гильдии Григорий Малышев изготовил 17 233 чехла на топоры (по 28 копеек за штуку) на сумму 4 825 рублей 24 копейки, московский купец 3-й гильдии Иван Комов – 1 020 чехлов на лопаты (по 5 копеек) на сумму 459 рублей серебром²⁷.

Для доставки провианта и фуража курским ополченцам, находившимся в Крыму, губернские власти также прибегали к услугам купцов, которые или использовали свои подводы, или являлись посредниками. Например, путивльский купец Никанор Сахаров летом 1855 г. доставил в Перекоп 408 подвод на сумму 19 724 рубля 35 копеек, суджанские купцы Павел Новосильцов – 560 подвод на 19 125 рублей 65 копеек, Иосиф Шустов – 292 с половиной подводы на 8 712 рублей 12 копеек, Яков Купряев – 254 с половиной подводы на 10 356 рублей 84 копейки серебром²⁸. Вышеприведенные факты показывают, что сбор и содержание государственного ополчения были довольно дорогостоящим мероприятием, как для податных сословий, так и для губернии в целом.

Подводя итоги, нужно отметить, что с 1853 по конец 1855 г. в армию поступило более 1 миллиона 200 тысяч человек, что позволило Российской империи развернуть почти двухмиллионную армию. Но следует учитывать следующее: во-первых, только что набранный рекрут становился в строй минимум через полгода, а до этого его требовалось обучить; во-вторых, ратники ополчения совсем не знали военного дела (за исключением офицеров) и, естественно, отличались низкой боеспособностью; в-третьих, увеличение числа возрастных рекрутов также снижало боевые возможности армии; в-четвертых, и рекрутские наборы, и особенно сбор государственного ополчения обходились весьма недешево казне и податному населению. Главным недостатком всей рекрутской системы помимо громоздкости и высокой затратности наборов, являлся тот факт, что они не могли обеспечить армию подготовленными резервами, не создавали обученного запаса, которым во время войны можно было практически сразу пополнять боевые части. Поэтому после окончания Крымской войны перед Россией встал вопрос о коренных военных реформах, в первую очередь об изменении комплектования армии.

Примечания:

1. См.: *Свод уставов о повинностях рекрутской и земских*. СПб., 1832. - С. 1–132.
2. *Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке*. М., 1973. - С. 78–79.
3. *Государственный архив Курской области (ГАКО)*. Ф. 69. Оп. 1. Д. 31. - Л. 8, 30 об., 70–79, 114 об., 130–134.
4. *Подсчитано по: ГАКО*. Ф. 69. Оп. 1. Д. 35. - Л. 1105–1172 об.
5. *ГАКО*. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1370. - Л. 5, 12.

6. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1370. - Л. 124–124 об., 98–102 об.
 7. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 34. - Л. 857 об.–874 об.
 8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1428. - Л. 3, 4, 18, 120–121 об.
 9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXX. Отделение 1. СПб., 1856. - С. 641.
 10. См.: ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 14; Ф. 128. Оп. 1. Д. 87; Ф. 128. Оп. 1 Д. 202.
 11. Бескровный Л.Г. Указ. соч. - С. 78–79.
 12. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. Отделение 1. СПб., 1856. - С. 84–85.
 13. Там же. - С. 86–90.
 14. Бескровный Л.Г. Указ. соч. - С. 80.
 15. История Курской области. / Гл. ред. Т.И. Архипова. Воронеж, 1975. - С. 46; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. - Л. 89–743.
 16. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. Отделение 1. СПб., 1856. - С. 91, 94.
 17. Там же. - С. 92, 94.
 18. ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10. - Л. 1 об.
 19. Там же. - Л. 1–7.
 20. ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. - Л. 3–3 об.
 21. Там же. - Л. 5.
 22. Там же. - Л. 9–23.
 23. Там же. - Л. 1–2.
 24. ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 14. - Л. 10.
 25. Там же. - Л. 1.
 26. ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 6. - Л. 15–35.
 27. ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. - Л. 6, 7.
 28. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. - Л. 13–27 об., 31–126; Ф. 164. Оп. 1. Д. 2. - Л. 5 об.–16, 93–95 об., 98–105, 111–176 об.

Дюкарев В.А. (Белгород)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ПО ДАННЫМ АТТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Ключевые слова: справедливость, миф, трагедия, Аттика.

The key words: justice, myth, tragedy, Attica.

Перспективным направлением развития исторической науки сегодня является изучение этнопсихологии и мировоззрения древних обществ, их отношения к внешнему окружающему миру и взаимоотношений внутри социума. Это объясняется тем, что именно данный раздел микро-истории позволяет нам понять осознанные (субъективные) и неосознанные (объективные) мотивы деятельности исторических личностей, групп и общества в целом; что, в свою очередь, ещё на один шаг приближает нас к познанию исторического процесса.

Одним из важнейших структурных компонентов картины мира человека, его мировоззрения является система ценностей. Выступая в качестве инструмента социального регулирования, она является тем промежуточным звеном, которое связывает поведение человека с его важнейшими социальными институтами, идеалами, запросами, интересами и требованиями. Элементом данной системы выступает справедливость, а её роль и функции в древнегреческом обществе стали предметом данной работы.

Методологической основой работы стали различные подходы к изучению справедливости как философской категории. Справедливость многими считается своего рода главным достоинством, на основе которого выводятся критерии индивидуального поведения и социальной жизни в целом¹. У Джона Ролза, предложившего во второй половине XX столетия одну из наиболее авторитетных теорий справедливости, например, указано, что она является первой добродетелью общественных институтов. Именно справедливость, наряду с истиной, является важнейшим достоинством человеческой деятельности².

В современной этике ценности исследуемая категория определяется как предварительное условие осуществления остальных аксиологических установок³, что определяет её как фундаментальный компонент системы ценностей в целом. По мнению Дж. Харрисон именно справедливость (Δίκη) явилась тем основным «законом», который лежал в основе существования всей древнегреческой культуры⁴. Представленное определение характеризует изучаемую категорию как структурообразующий элемент всей мировоззренческой системы греков. Именно в понятиях "справедливое" и "несправедливое" оценивалось всякое социальное и политическое явление, имеющее отношение к поведению и деятельности людей – так, агрессивная политика называлась не иначе как несправедливой (αδίκη), а поведение человека в рамках греческих традиций, обычаев, законов - справедливым (δικάος)⁵. Однако, несмотря на наличие в содержании справедливости экономического, политического, правового аспектов, она всегда имеет нравственную сторону выражения, а, следовательно, остаётся этической категорией.

Это положение подтверждается тем обстоятельством, что справедливость, являясь преимущественно категорией оценочной, выступает как нравственный регулятор взаимоотношения людей, как мотив поведения или этический идеал.

Кроме того, при изучении предложенной проблемы, как и в других подобных случаях, интересной может быть не только сама категория, но и ее эпистемологическое, т.е. понятийное значение.

У Пьера-Жозефа Прудона сказано: «Справедливость это то, что в человеческой душе самое исконное, в обществе самое основное и благородное из всех понятий и то, что массы сегодня наиболее страстно требуют. Оно - содержание сущности религии, как одновременно оно - форма рассудительности, глубоко скрытый предмет веры и начало, середина и конец знания»⁶. Именно это, не адресованное античности, определение, на наш взгляд, наиболее точно отражает место справедливости в иерархии ценностей греческого общества.

Изучение представлений о справедливости на основе источников исторического характера позволило нам сделать ряд предварительных выводов⁷. Необходимость их более глубокого обоснования требует расширения корпуса анализируемых источников. В основу исследования положены литературные памятники эпохи – произведения аттической трагедии. Именно развитие трагедии от Эсхила до Еврипида, как наиболее популярного жанра литературы в исследуемый период, даёт яркую картину изменений происходящих в сознании греков.

Собственно эволюция структуры греческой трагедии является отражением видоизменения аксиологической системы древних греков: рост социального значения отдельной личности в жизни полиса и повысившийся интерес к ее художественному изображению приводят к тому, что в развитии трагедии роль хора уменьшается, возрастает значение актера, их число возрастает⁸.

По мнению В.Н. Ярхо, трагедия, порождённая афинской демократией и обращённая ко всему коллективу граждан, была по своей природе предназначена для того, чтобы ставить на открытое обсуждение центральные вопросы общественной нравственности⁹. Кроме того, театральные представления оказались наиболее действенным средством воспитания граждан, так как в драмах наглядно обосновывались основные нормы поведения и давались ответы на самые актуальные проблемы социально-политической жизни того времени¹⁰. Таким образом, являясь отражением философских и интеллектуальных споров времени автора (см. например: Eurip. Tro. 884-888; El. 728-738; Aesch. Ag. 393-398; Eum. 538-542; Pers. 840-844), а иногда и реакцией на события года постановки, трагедия выступает важным источником при изучении проблем, связанных с анализом аксиологической структуры исследуемого социума.

Кроме того, нет оснований отказывать аттической трагедии в непосредственной политической актуальности. В этом и заключается уникальность этого жанра, что он смог в великолепном синтезе слить воедино проблемы религии, философии, политики,

повседневной жизни, соединить высокое с переходящим и разрешить этот синтез на высочайшем уровне¹¹. Для нас это особенно важно, так как справедливость является, в первую очередь, явлением социально-политическим, и в отрыве от политического развития Афинского государства невозможно определить причины эволюции рассматриваемой категории.

Становление справедливости как одной из важнейших социальных ценностей древнегреческого общества обнаруживается в VI в. до н.э. в стихах мегарского поэта Феогнида. В приписываемых ему произведениях *ἀρετή* (нравственный идеал античности) рассматривается, прежде всего, как успех и богатство, что является выражением традиционных ценностей класса аристократии. Однако одно двустишие представляет абсолютно новую систему ценностей: «Всё *ἀρετή* суммировано в справедливости (*justice*). Каждый человек лучший (*αὔατος*), если он справедливый (*δίκαιος*)» (Theog. 147-8). Два века спустя Аристотель (Ethics 1129b 29) цитирует его как поговорку, совершившую революцию в сознании греков¹².

Однако, ещё до Феогнида важность справедливости (*δίκη*) – как всеобщего закона существования человека, была определена Гесиодом в его поэме «Труды и Дни»: он пишет, что Зевс дал людям *δίκη* (справедливость)¹³, которая отличает их от животных и «Зевс даёт процветание каждому, кто знает, что такое справедливость и готов её охранять» (Hes. Works and Days, 274 слл.)

Уже в классической Греции справедливость считалась лишь одной из четырёх базовых добродетелей (*ἀρεταί*), наряду с мудростью, мужеством и воздержностью¹⁴, однако именно она является фундаментом развития остальных. Данную классификацию добродетелей предложил Платон. Несколько иное понимание справедливости мы обнаруживаем у Аристотеля, для которого «она есть нечто, имеющее отношение к личности и <...> равные должны иметь равное». Таким образом, у Аристотеля квинтэссенцией справедливости является равенство, но не всех, а лишь равных между собой по положению, имущественному статусу и т.д.

В то же время, сохранялись представления о справедливости как единственного критерия оценки любого действия человека. Демосфен в одной из речей говорит, что «имеется две возможных квалификации всего, что сделано или сказано <...> Если действие носит характер *αδίκος* (несправедливое), то оно оценивается как плохое (*πόνερος*), если же оно квалифицировано как *δίκαιος* (справедливое), оно хорошее (*κάλος*)» (Dem. XXIII, 75)¹⁵.

Источниковую базу данной работы составила драматическая обработка заключительной части цикла мифов о Пелопидах, нашедшая отражение в «Орестее» Эсхила, «Электре» Софокла, а также «Электре» и «Оресте» Еврипида; а также фиванский цикл мифов, положенный в основу «Семерых против Фив» Эсхила, «Антигоны» Софокла и «Умоляющих» Еврипида. Именно данный комплекс источников представляет нам наиболее яркий воплощённый в сознании авторов пример эволюции мировоззрения древнегреческого общества в течение V-IV вв. до н.э. Взяв за основу один и тот же мифологический сюжет, трагики различно подходят к разработке темы, что прослеживается в их представлениях о справедливости и её роли в обществе.

Важной задачей проведённого исследования (как отмечалось ранее) стал лингвистический анализ дефиниций справедливости – тех понятий, которыми обозначается исследуемая категория. Необходимо отметить, что ни один из авторов рассматриваемых источников не использует для обозначения справедливости наиболее подходящий по своей смысловой структуре (и наиболее часто употребляемый в источниках исторического характера) термин «*δικαιοσύνη*». В данном отношении наибольшее распространение получает несколько аморфное и многозначное понятие «*δίκαιος*» - переводимое как «выполнение правил и обычаев; праведность, законность, справедливость». Шантрен в своём «Этимологическом словаре греческого языка» указывает, что понятие *τὸ*

δίκαιον, видимо, соответствует δίκαιοσύνη, хотя и несет в себе оттенок соотнесенности с правом¹⁶. Различия в понятиях δίκαιον и δίκη (ещё одного обозначения справедливости) попытался выявить В.В. Оранский, который на материале «Истории» Фукидида делает вывод, что «δίκαιον» - есть выражение понятия право, тогда как «δίκη» принимает значение процесса¹⁷.

На основе полученных данных мы можем сделать предварительный вывод о том, что в представлении эллинов (по крайней мере, трагиков классической эпохи) справедливость, прежде всего, связана с правом, с соблюдением законов, причём законов, написанных людьми. Однако, как тогда объяснить слова Эсхила, вложенные в уста хора в трагедии «Хозфоры»:

Что суд людей? Успех им бог,
И больше бога. Правды (δίκας) суд
Порой вершится в свете дня,
Порою медлит...

(Aesch. Lib. 55 слл. Пер. Вяч. Иванова)

Для Эсхила безусловным является приоритет Правды (Справедливости) над судом людей, законов божественных над законами составленными человеком (см. также Aesch. Ag. 248, 258; Eum. 598 и т.д.). В данном контексте показателен фрагмент из «Эвменид», где Эсхил словами Афины говорит, обращаясь к Эриниям:

Оправданную хочешь, а не правой быть <...>
Не сделает присяга правды (δικαίως) правдою (δίκην).

(Aesch. Eum. 433 слл. Пер. Вяч. Иванова)

В этом случае справедливость отождествляется с правдой и, следовательно, обозначается как «δίκη» - традиция, привычка, право, правда, правосудие¹⁸. Этот термин, наряду с термином «δίκαιος», является наиболее употребляемой дефиницией справедливости для всех рассматриваемых источников. И терминологически, и мифологически законы человеческие (δίκαι) происходят от Правды (Δίκη) – богини справедливости (см. Hesiod. Theog. 901-905, см. также: Soph. Antig. 453-465).

Абстрактная справедливость – δίκαιοσύνη – имеет более обширную семантическую структуры, но в поэзии понятие обычно заменяется на δίκη, причём почти всегда персонифицированную¹⁹. Интересно, что в греческой прозе V в. до н.э. «δίκη» используется в качестве обозначения «судебного процесса», «установления», «удовлетворения», «штрафа»; фактически не употребляется как «справедливость»²⁰. Как было сказано выше, данный факт не может быть объяснён исключительно отождествлением авторами трагедий справедливости с законностью и правом. Данное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить тем, что концепция справедливости того или иного автора быстрее и проще находит опору в сознании простого афинянина через персонифицированную Правду (Δίκη), чем через безличную и неопределённую Справедливость – силу, лежащую в основе действий олимпийцев и человека (δίκαιοσύνη)²¹, силу, которая и стала «краеугольным камнем» творчества и мировоззрения Эсхила (в чём мы согласны с Н. Сахарным). Более того, это является отражением процесса гуманизации аксиологической системы древнегреческого общества: усиления роли личности и возрастающего к ней внимания – что также проявилось в персонификации судьбы в Мойрах, справедливости в Правде и, в целом, в супрематизации греческой религии. Являясь представителями одного из самых демократичных жанров литературы в Древней Греции, трагики просто не могли, в отличие от историков или философов, использовать сложный для понимания простого жителя Афин термин «δίκαιοσύνη» - справедливость, заменив его правдой, персонифицированной в дочери Зевса «Δίκη».

Необходимо отметить, что трагики в своих произведениях в ряде случаев для обозначения справедливости используют и другое понятие - οβίος, которое может быть

переведено как «благочестивый, совершённый по божественным законам». H.G. Liddel и R. Scott отмечают, что смысл данного слова часто зависит от его отношения к термину *δίκαιος* – справедливость. Отношение это связано, на наш взгляд, с личной мировоззренческой позицией конкретного автора. То есть при отождествлении этих понятий (*οσιός* и *δίκαιος*) происходит инкорпорация справедливости, как ценности, прежде всего, социальной, в религиозную сферу. Таким образом, изменения в порядке использования понятия *οσιός* в качестве обозначения справедливости (правды) являются своеобразным индикатором изменения элементов мирозерцания греков на конкретном этапе исторического развития, переходу от религиозно-мифологической модели мировоззрения к рациональной.

Так, Эсхил трижды использует понятие *οσιός* в указанных трагедиях (Aeschyl. Ag. 772; Lib. 372; Sev. 1011 слл.), отождествляя его с правдой, что свидетельствует о нерасчленённости в сознании автора социально-правовой и божественной справедливости; он рассматривает Справедливость как основу всего мироздания в целом.

В исследуемых трагедиях Софокла мы находим противоречивое использование понятия. В одном случае *οσιός* используется в своём основном значении, обозначая благочестивое, праведное поведение (Soph. El. 431), однако в другой трагедии понятие выполняет роль «долга перед умершим» (Soph. Antig. 69 слл.), что более характерно для понятия «*δίκη*». Кроме того, в «Антигоне» мы обнаруживаем яркий пример соперничества двух «правд» (божественной и основанной на земных законах):

Креонт

Ты знала мой приказ <...>

И всё ж его ты преступить дерзнула?

Антигона

Не Зевс его мне объявил, не Правда (*Δίκη*), <...>

Людам предписавшая законы (*δίκαι*).

Не знала я, что твой приказ всемогущ

И что посмеет человек нарушить

Закон богов, не писанный, но прочный.

(Soph. Antig. 453 слл. Пер. С.В. Шервинского)

Само существование в трагедии представленного диалога может свидетельствовать о борьбе мировоззренческих установок в период творчества Софокла, что подтверждается и противоречивым использованием такого «ценностного термина»²² как «*οσιός*».

Драматургическое творчество Эврипида протекало почти одновременно с деятельностью Софокла, и, тем не менее, в исследуемых текстах обнаруживаются некоторые различия в представлениях о справедливости. Именно Еврипид первым из рассматриваемых авторов чётко определяет пределы компетенции справедливости как божественного закона (*οσιός*) сферой религиозности и благочестия: «Правдой божественной (*οσιός*) слово венчанное» (Supp. 365 слл., см. также El. 1190, 1321; Or. 470, 544, 931). То есть в представлениях автора существовало два уровня справедливости: как выражение божественной воли (*οσιός*), и как критерия законности в социально-правовой сфере (*δίκαιος*). О превосходстве в сознании трагика последнего свидетельствует категорическое осуждение поступка Ореста²³.

Если говорить о представлениях об изучаемой категории того или иного трагика классической эпохи, то, безусловно, наиболее четко оформленной представляется концепция справедливости, изложенная Эсхилом. В «Орестее» и трагедии «Семеро против Фив», как и в других трагедиях автора, справедливость предстаёт непреложным законом миропорядка, лежащим в основе всякого человеческого действия (Aesch. Ag. 248, 1563, 1577; Lib. 646; Sev. 626, 848, 1048), и поддерживается богами (Lib. 783; Sev. 641, 1048; Eum. 149, 162 и т.д.). Именно Справедливость, проводником которой выступает

Аполлон, толкает Ореста на убийство матери (Lib. 639; Eum. 711), которое он тяжело переживает, считая себя заложником Правды: так как он ничто «по сравнению с судом Правды» (Lib. 55). Именно Правда выступает той силой, «которая вернёт Полиника в отчий дом» (Aesch. Sev. 631 слл.). Кроме того, очень важной не только для истории античной литературы, но и для политической истории Афин является «Орестея» Эсхила, в которой отразилась реформа Ареопага, проведённая в 462 г. до н.э.²⁴ Данная реформа является важным рубежом в эволюции представлений о справедливости и её роли в древнегреческом обществе – важнейшие дела об убийстве и кровной мести переходят под юрисдикцию Ареопага, то есть, теперь люди, а не только Справедливость, будут решать судьбу человека. Возможно, именно с данной реформой связана дальнейшая эволюция справедливости – инкорпорация в сферу законности и постепенное ограничение её данной областью общественной жизни.

В «Электре» Софокла справедливость уже не рассматривается как всеобщий закон, а выступает исключительно как богиня Правда (Soph. El. 233, 472, 516 и т.д.). Не Клитемнестра, руководствуясь справедливостью, убивает Агамемнона – это делает Правда (El. 516; см. также 558). В «Антигоне» Софокла действие разворачивается уже после гибели обоих братьев в битве за Фивы вокруг противоречия между божественными законами (в основе которых лежит справедливость) и законами человеческими. Ряд исследователей пишет, что Софокл показывает ошибочность и односторонность позиций обоих противников. С этой точки зрения Креонт не прав, издавая в интересах государства постановление, противоречащее «неписаному» закону, но Антигона не права, самовольно нарушая государственный закон в угоду «неписаному». Гибель Антигоны и несчастная судьба Креонта — следствия их эгоистического поведения. Так понимал «Антигону», например, Гегель²⁵. Однако большинство антиковедов считают, что Софокл всецело стоит на позициях Антигоны о верховенстве божественных законов²⁶. Данный тезис подтверждается в ходе обращения к источнику – и терминологически, и мифологически законы человеческие (δίκαι) происходят от Правды (Δίκη) – богини справедливости: «...Правда (Δίκη), живущая с подземными богами и людям предписавшая законы» (Soph. Antig. 441). Само понятие «законность» связано с соблюдением справедливости, но ещё не тождественно ей (Antig. 631, 853).

Являясь «философом на сцене»²⁷, Еврипид наиболее оперативно откликнулся на важнейшие вопросы социальной и политической жизни Афин. Видимо, с этим связано отождествление им справедливости и Правды с законностью и судом (Eurip. Eurip. El. 1060, 1165; Or. 1, 187, 507, 1625; Supp. 219, 399, 494, 1031 и т.д.). Причём она всё чаще становится орудием возмездия и наказания в руках карающего судьи – Зевса (El. 873, 1155; Or. 1353, 1598; Supp. 219, 494, 726), что во многом определяется кризисом полисной этики, подчинившей поведение личности интересам государства; софистика провозгласила отдельного человека самостоятельным источником и творцом нравственных норм. Кроме того, именно в трагедиях Еврипида мы обнаруживаем четкое разграничение смысловых полей различных дефиниций справедливости: «Δίκη» - отождествляется с судебным процессом и наказанием; «δίκαι» - обозначает частные права граждан полиса, а «δίκαιος» - законность, право, надлежащее поведение.

Таким образом, в результате данного исследования мы пришли к трём основным выводам. Во-первых, на основе эпистемологического анализа справедливости, выявлено, что в отличие от данных исторической и философской традиций изученный материал апеллирует терминами «δίκαιος» и «Δίκη», что определяется аудиторией рассматриваемых авторов. Во-вторых, справедливость, как и любая другая категория ментальности, не является статичным объектом, а находится в постоянном развитии, включая в своё смысловое поле всё новые значения. Причины данных изменений, безусловно, связаны с объективными процессами, происходившими в изучаемый период - становление, расцвет и кризис полиса. Кроме того, значительное влияние на представления о

столь значимой категории древнегреческого общества оказывает и мировоззренческая позиция того или иного автора, что особенно ярко проявилось в эволюции содержания понятия *οἰός*.

Примечания:

1. Шпренгер Г. *Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости* // *Государство и право*. 2004. № 5. – С. 16.
2. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: изд-во НГУ, 1995.
3. *Философский словарь: под ред. Г. Мишкоффа /пер. с немец./* Общ. ред. В.А. Малинина. М.: Республика, 2003.
4. Harrison, J. *Themis: A study of the Social Origins of Greek Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1927. – P. 517.
5. Kitto, H.P.F. *The Greeks*. London: Penguin books, 1957. – P. 171.
6. Шпренгер Г. *Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости* // *Государство и право*. 2004. № 5. – С. 17.
7. Дюкарев В.А. *Эволюция представлений о справедливости в среде греческой интеллигенции классического периода (Геродот, Фукидид, Ксенофонт)* – [Электронный ресурс] – <http://www.lomonosov-msu.ru/2008/> — М.: Издательство МГУ, 2008.
8. Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 1988. – С. 111.
9. Ярхо В.Н. *Трагедия*. М.: Лабиринт, 2000. – С. 8.
10. Лосев А.Ф. *Античная литература*. М: ЧеРо, 2005. – С. 159.
11. Суриков И.Е. *Античная трагедия и политическая борьба в Афинах* // *Античный вестник*. Вып. IV-V, 1993. – С. 189.
12. *Political and social life in the great age of Athens* / Ed. by J. Ferguson, K. Chisholm. London: Ward lock educational, 1978. – P. 123.
13. В данный период истории Греции *δίκη* является наиболее часто используемым обозначением справедливости.
14. Суриков И.Е. *Аристид «Справедливый»: политик вне группировок* // *Вестник древней истории*. 2006. № 1. – С. 21.
15. Цит. по: Dover K.J. *Greek popular morality*. Los Angeles. 1974. – P. 186.
16. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. P., 1968. T. I. - P. 283.
17. Оранский В.В. *Вопросы права (δίκαιον, δίκη) и интереса в эпоху Пелопонесской войны по Фукидиду* // *Учёные записки МГПИ, Т. XXVIII, Вып. I, 1942. – С. 177.*
18. Liddell H.G., Scott R.A. *Greek-English Lexicon* [Электронный ресурс] – <http://www.perseus.tufts.edu/> - Oxford: Clarendon Press, 1940.
19. Dover K.J. *Op. cit.* – P. 185.
20. Garner R. *Law and society in Classical Athens*. London, Sydney. 1987. – P. 6. См.: В.В. Оранский. *Указ. соч.* – С. 177-185.
21. *Существовавшая ранее персонифицированная в Δικαιοσύνη справедливость (Hymn. Orph. 63.1—11) в классический период истории древних греков уже не используется* (См.: Waser. *Dikaiosyne* // *RE*. 1903. Bd. 5. 1. - Sp. 564-565)
22. На наш взгляд именно предложенное Эдкинсом обозначение «value-term» наиболее подходит для обозначения таких сложных в переводе и семантической структуре понятий: Adkins A.W.H. *Moral values and political behaviour*. London. 1972. – P. 3.
23. Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 1988. – С. 147.
24. *Об отношении Эсхила к реформе Ареопага см.:* Hooper F.A. *Greek realities*. Detroit. 1978. - P. 193-195.
25. Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 1988. – С. 130.
26. Лосев А.Ф. *Античная литература*. М: ЧеРо, 2005. – С. 212.
27. Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 1988. – С. 140.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ХАРЬКОВЩИНЫ В 1920-Е ГГ. (ЧИСЛЕННОСТЬ, ВОЗРАСТНОЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ)

Ключевые слова: старообрядцы, советская власть, Харьковщина

The key words: Old Believers, Soviet rule, Kharkiv region.

В настоящее время во многих регионах России и Украины активизировался интерес к изучению старообрядчества¹. При этом многие аспекты истории старообрядчества Харьковщины остаются малоисследованными. Среди прочего, недостаточно разработанной является история старообрядчества региона в 20-е гг. XX в. Единственная попытка специального исследования данного вопроса предпринята А.Л. Черкашиным в статье «Старообрядцы Харьковщины в условиях становления советской власти в 20-30 гг. XX в.»². Исследователем была собрана ценная информация по истории старообрядчества региона в 1920-е гг., в особенности, по вопросам государственных преследований старообрядцев в рассматриваемый период, а также о методах сохранения старообрядцами собственной веры. В то же время, ряд вопросов остался не раскрытым. В частности, отмечая неточность официальных данных о численности старообрядчества Харьковщины, А.Л. Черкашин ссылается лишь на несоответствие статистических данных и материалов «устной истории». При этом не отмечаются противоречия в самих данных государственной статистики. Указывая на наличие старообрядческих общин в некоторых населённых пунктах региона, А.Л. Черкашин даже не пытается дать общей картины расселения старообрядцев на Харьковщине, хотя бы приблизительно определить общую численность старообрядцев региона. В статье А.Л. Черкашина практически отсутствует информация о старообрядческой общине города Харькова, которая, в силу ряда обстоятельств, значительно отличалась от старообрядческих общин сельских районов Харьковщины. Практически отсутствует информация о возрастном, этническом, социальном составе старообрядческих общин региона в рассматриваемый период. Говоря же о преследованиях старообрядцев со стороны советской власти, А.Л. Черкашин не замечает существенных отличий во взаимоотношениях старообрядцев с властью в 1920-х и 1930-х гг.

Некоторая информация по отдельным аспектам истории старообрядчества Харьковщины встречается в работах харьковских краеведов: С.А. Бучастной и О.А. Шевченко³, А.Ю. Лейбфельда и Ю.Ю. Поляковой⁴, Т.М. Безруковой⁵. Однако эта информация в основном носит фрагментарный характер.

Определённый интерес при изучении истории старообрядчества Харьковщины в 1920-е гг. представляет работа В.П. Потоцкого «Религиозное сектанство Харьковской Губернии (1861–1917)»⁶, в которой, среди прочего, проанализировано состояние старообрядчества Харьковщины в период, который предшествует рассматриваемому нами. Безусловно, без этого невозможно понимание истории старообрядчества региона в 1920-е гг.

Таким образом, в целом научная разработка данного вопроса является недостаточной, что обуславливает необходимость комплексного исследования истории старообрядчества Харьковщины в 1920-е гг.

Источниковой базой нашего исследования стали документы Государственного архива Харьковской области, материалы «устной истории», советское законодательство о религии и церкви рассматриваемого периода⁷.

Старообрядчество Харьковщины имеет долгую историю. Появившись на этих землях в конце XVII в., к 1917 г. оно заняло заметное место среди религиозных конфессий региона. По данным полиции, в 1911 г. в Харьковской губернии проживало 5996

старообрядцев, а по миссионерским данным, в это время старообрядчество Харьковщины насчитывало 8474 верующих. При этом, как отмечает В.П. Потоцкий, эти данные являются заниженными, возможно, в несколько раз⁸. В тот период в Харьковской губернии было зарегистрировано существование Поморского, Белокриницкого, Филипповского согласий старообрядчества, а также Единоверческой церкви⁹. Подробное описание состояния старообрядчества Харьковщины в предреволюционное время выходит за хронологические рамки данной статьи. Отметим лишь, что революционные события 1917 г. застали старообрядчество Харьковской губернии на подъёме.

Вопрос о старообрядчестве Харьковщины в период революции и Гражданской войны является одним из наиболее сложных в истории старообрядчества региона, что обусловлено крайне узкой базой источников по этому вопросу. По предварительным данным, старообрядцы региона (по крайней мере, его сельских районов) отличались определённой инертностью по отношению к событиям революции и Гражданской войны. Известные на сегодняшний день списки членов старообрядческих общин 1920-х гг. (со сведениями об их общественном и служебном положении с 1914 г.) свидетельствуют, что абсолютное их большинство во время Гражданской войны не принимало в ней активного участия¹⁰. Хотя, безусловно, данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

После окончания Гражданской войны и победы Советской власти начинается новый период в истории старообрядчества. Точно определить численность старообрядцев региона в этот период невозможно. Анализ данных официальной статистики того времени показывает явное несоответствие разных официальных свидетельств о численности старообрядческих общин на Харьковщине и про само их наличие. Например, 9 мая 1924 г. в протоколе общего собрания членов Удянской старообрядческой общины отмечается, что общее их количество составляет 173 человека¹¹. Однако, уже 3 декабря 1924 г. в селе Уды было официально зарегистрировано 223 старообрядца¹². В 1925 г. согласно официальным данным община насчитывала 375 человек¹³, а 6 марта 1925 г. в Удах было зарегистрировано 198 старообрядцев¹⁴.

В селе Боровая в 1925 г. согласно одной переписи зарегистрировано 789 старообрядцев¹⁵, а согласно другой, тоже датируемой 1925 г. – 415¹⁶. Подобная ситуация наблюдается и при анализе данных регистрации других старообрядческих общин Харьковщины.

Трудно представить, что численность прихожан старообрядческих общин действительно могла изменяться так быстро. Кроме того, официальные данные не согласуются с воспоминаниями самих старообрядцев. Они свидетельствуют о существовании в тот период ряда общин, о которых нет сведений в официальных документах (Ольховатка, Шевяковка и др.)¹⁷. Интересно отметить, что в ведомости о количестве религиозных общин и их членов в УССР от 1 февраля 1925 г. в Харькове и Харьковской губернии не указывается ни одной старообрядческой общины¹⁸.

Следовательно, можно утверждать, что официальная статистика 20-х гг. XX ст. отличалась крайней неточностью. По мнению автора, такая недостоверность объясняется рядом причин. Во-первых, как и в имперский период, сказалась несовершенная работа статистических органов. А длительная гражданская война, разруха в стране привели к значительному ухудшению их работы, которая не могла быть полностью возобновлена к середине 1920-х гг. Кроме того, хотя большевики официально провозглашали свободу совести, старообрядцы подвергались определённому давлению, о чем будет подробно сказано ниже. В результате, как и в имперский период, старообрядцам было не выгодно официально заявлять о своей вере. Еще одной очень важной причиной существенного приуменьшения количества старообрядцев в официальных отчетах было то, что по советскому законодательству дети и несовершеннолетние в возрасте до 18 лет не могли быть членами религиозных обществ, в том числе и старообрядческих¹⁹. В результате, они не регистрировались как старообрядцы.

Вследствие всего вышесказанного, невозможно точно определить количество старообрядцев на Харьковщине в 1920-е гг. Однако нужно составить хотя бы приблизительное представление об их численности в различных населенных пунктах Харьковщины. По мнению автора, для этого, при сопоставлении противоречивых официальных сведений, следует учитывать прежде всего те источники, в которых указано наибольшее количество староверов. Официальная статистика могла не учитывать части староверов, однако приписать несуществующих прихожан она не могла. Ведь поименные списки членов общин ежегодно должны были представляться в отдел Управления Харьковского губернского исполкома (а после ликвидации губерний – окрисполкомов и райисполкомов). Однако, даже при таком принципе составления общей картины локализации и численности старообрядческих общин Харьковщины, следует иметь в виду, что определяется лишь нижняя граница возможного количества староверов региона, по принципу «не меньше». Полученные результаты представлены в таблице 1.

Если сложить данные, приведенные в таблице, получается 2482 человека. При этом в данной таблице не указываются общины в сёлах Ольховатка и Шевяковка, которые, как отмечалось выше, не были официально зарегистрированы, хотя по данным «устной истории» существовали. При пересчёте мы не учитывали также те указанные в таблице общины, которые были зарегистрированы без указания численности членов. Таким образом, можно точно сказать, что в 1920-е гг. на Харьковщине проживало не меньше 2482 старообрядцев, однако, скорее всего это число является заниженным. Локализация старообрядческих общин региона в 1920-е гг. представлена на рисунке 1.

Таблица 1.

№ п/п	название населённого пункта	Кол-во старообр., чел.	№ п/п	название населённого пункта	Кол-во старообр., чел.
1	г. Харьков [Б. с.]	100	11	с.Осиново-Калмицкое [П. с.]	б/ч
2	г. Харьков [Е. ц.]	б/ч	12	с. Евдоково[П. с.]	45
3	г. Чугуев [П. с.]	57	13	с. Ново-Покровка [П. с.]	19
4	с. Уды [П. с.]	375	14	с. Старо-Покровка [П. с.]	20
5	с. Гурьев Казачёк [П. с.]	373	15	с. Осиновка [П. с.]	160
6	с. Зарожное [П. с.]	50	16	с. Коробочкино [П. с.]	47
7	с. Боровая [П. с.]	789	17	с. Граково [П. с.]	45
8	с. Терновая [П. с.]	б/ч	18	с. Карачёвка [П. с.]	47
9	с. Охочее [П. с.]	б/ч	19	Будянская волость [Б. с.]	б/ч
10	с. Казачья Лопань[П. с.]	350	20	Дементьевская волость [П. с.]	3 двора

Численность старообрядческих общин, зарегистрированных в населённых пунктах Харьковского региона в 1920-е гг. Составлена на основе данных официальной статистики: ГАХО. Ф. Р. 92. Оп. 1. Д. 328. – Л. 25; Ф. Р. 92. Оп. 1. Д. 528. – Л. 5; Ф. Р. 203. Оп. 1. Д. 2404. – Лл. 11, 22, 76, 78, 81–82; Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 1. – Лл. 69, 78; Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 14. – Л. 55; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 313. – Лл. 62–70; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 408. – Л. 14; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 961. – Лл. 33, 51–53; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1065. – Л. 7 Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1078. – Лл. 1, 25, 95; Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 28. – Лл. 4–6). Условные обозначения: [Б. с.] – община Белокриничского согласия; [Е. ц.] – единоверческая община; [П. с.] – община Поморского согласия; б/ч – отсутствие данных о численности общины.

Рисунок 1

Как и в предыдущие годы, в исследуемый период среди староверов Харьковщины преобладало Поморское согласие. Общины Белокриницкого согласия в этот период на Харьковщине известны лишь в Харькове²⁰ и в Будянской волости²¹. Есть данные о существовании Единоверческой церкви в Харькове в 20-х гг. XX века²².

В возрастном отношении в старообрядческих общинах Харьковщины было достаточно много молодёжи и людей среднего возраста²³. Абсолютное большинство старообрядцев сельских общин Харьковщины имели низшее образование или были неграмотными²⁴.

Анализ архивных документов и воспоминаний самих старообрядцев показывает, что в этническом плане старообрядческие общины Харьковского региона были преимущественно русскими²⁵. Однако, были и исключения. Например, наставник поморской общины села Боровая Секетин Андрей Михайлович, согласно регистрационной карточке служащего культа по национальности был украинцем²⁶.

К началу 1920-х гг. изменяется социальный состав и экономическое положение старообрядцев Харьковщины. Раньше среди старообрядцев региона очень сильной была капиталистическая прослойка²⁷. После революции большевики экспроприировали фабрики, заводы и другие предприятия старообрядцев-капиталистов. В частности, был национализирован Будянский фаянсовый завод, который до революции принадлежал потомкам М.С. Кузнецова – крупнейшего предпринимателя-старообрядца²⁸. В 1920 – 1930-х гг. основную массу старообрядцев сельских общин Харьковской губернии составляли крестьяне – середняки и бедняки²⁹.

Общины существовали исключительно на пожертвования прихожан. При этом воспоминания очевидцев свидетельствуют, что старообрядческие храмы имели много ценной церковной утвари. Например, в часовне села Боровая *«был огромен алфаней, были венцы серебряные, колокола большие были», «много было золотых крестов, икон давних»*³⁰.

После победы советской власти на Харьковщине, началась национализация церквей и церковного имущества³¹. Коснулась она и старообрядческих общин. Каждая община должна была принять стандартный устав и получить в бесплатное пользование имущество, которое находилось в нем. В 1925 г. происходит изменение административного устройства УССР. Перед этим был издан указ о перерегистрации уставов религи-

озных общин³². Некоторые губадминотделы, в том числе и Харьковский, при проведении перерегистрации общин взыскивали с их основателей многочисленные не предусмотренные законом сборы, доводя траты, связанные с регистрацией уставов до 300–350 рублей. Правда, для справедливости следует отметить, что НКВД прореагировало на такие вопиющие нарушения, и в специальном циркуляре запретило взыскивать с религиозных общин какие-либо незаконные сборы³³.

Некоторые старообрядческие общины Харьковщины не имели стационарного храма или часовни. В таких случаях служба могла проходить в доме наставника, как это было в селе Шевяковка, где *«был поп, старообрядец, и все к нему из других сел, изо всей округи, село Артельное там были многие старообрядцы, и все на большие праздники приходили к нему»*. А иногда, *«ходили по домам, или квартирам: сегодня здесь – завтра там»*³⁴.

Отдельно следует остановиться на положении старообрядческого духовенства Харьковщины в исследуемый период. В соответствии с обязательным постановлением Харьковского губисполкома от 2-го октября 1924 г. № 183, священнослужители всех культов без исключения должны были зарегистрироваться в соответствующей ликвидационной комиссии по отделению церкви от государства при губернских или окружных административных отделах. Прошло регистрацию и старообрядческое духовенство губернии³⁵.

Следует отметить существенные отличия в положении наставников Поморского согласия в сельских общинах региона и священника Белокриницкого согласия Успенской общины Харькова Фёдора Гусякова. Поморские наставники до вступления в духовное звание были крестьянами, и избирались общиной. Гусяков Федор Михайлович происходил из мещан, и в диаконы был рукоположен в 1900 г. в Одессе епископом Кириллом, а в священники – в Москве архиепископом Иоанном.

Наставники поморских общин происходили из тех же сел, в которых они и служили, до своего посвящения они были простыми членами этих общин. А Федор Гусяков до прихода в харьковскую общину служил в Одессе и в Москве.

Все наставники сельских поморских общин, по документам, служили без оплаты, ничего не получая от общины. Они занимались земледелием и имели мелкое или среднее сельское хозяйство. Принципиально другая ситуация наблюдалась в Успенской старообрядческой общине Белокриницкого согласия. Её священник получал от общины в среднем 50–60 рублей в месяц, недвижимостью не владел и подсобного занятия не имел³⁶.

По мнению автора, все вышеуказанные различия обусловлены, во-первых, различиями в организации, догматах и традициях Белокриницкого и Поморского согласий старообрядчества, во-вторых, отличием условий сельской местности и города Харькова.

Невзирая на то, что большевики официально провозглашали свободу совести, что нашло отражение в многочисленных законах и постановлениях³⁷, практически сразу после победы советской власти на Харьковщине старообрядцы региона стали подвергаться достаточно серьезному давлению. Выше уже говорилось о национализации имущества старообрядческих общин, многочисленных законных и незаконных сборах, которые взимались с прихожан. Были и случаи прямых гонений. В 1921 г. в Чугуевском монастыре Поморского согласия были осуществлены обыск и изъятие ценностей, накопленных за много лет³⁸. Однако, монастырская жизнь продолжалась³⁹.

Но при этом, следует отметить, что до 1929 г. репрессии против старообрядчества ещё не достигли апогея. Сказывалось то, что режим еще не приобрел откровенно тоталитарных черт, да и советская власть на местах еще не достаточно закрепились и часто была не слишком эффективной. Доклад инструктора организационной части Харьковского окружного исполкома по обследованию Боровского сельсовета прямо говорит, что советская власть здесь слаба, имеет очень малую эффективность и не обла-

дает большим влиянием на население. О религиозной ситуации в с. Боровая в докладе говорится, что «население делится на православных и староверов; религиозность сидит еще очень глубоко», при чем «влиять на староверов очень тяжело»⁴⁰.

Да и старообрядцы Харьковщины, как отмечают официальные документы, анти-советской деятельности не вели и соответствующими настроениями не отличались⁴¹. Это не давало советской власти повода для тотальных гонений. Кроме того, считалось, что старообрядчество «раньше других осуждено на умирание»⁴². Поэтому «старая вера» не воспринималось властью как серьезный идеологический противник.

Ещё одной причиной отсутствия жёсткой конфронтации между старообрядчеством региона и советской властью в исследуемый период была религиозная политика советской власти. В 1920-е гг. большевики не препятствовали возникновению и деятельности многих сект, в которых видели противовес Русской Православной Церкви⁴³. К сектантам советские органы власти относили и старообрядцев, поэтому, возможно, это также повлияло на характер взаимоотношений старообрядчества и советской власти.

Говоря о взаимоотношениях советской власти и старообрядцев, нельзя не упомянуть статью О.Л. Шахназарова «Большевизм и старообрядчество», опубликованную в журнале «Вопросы истории»⁴⁴. Исследователь считает старообрядцев основной движущей силой революции. А после революции старообрядцы, по мнению Шахназарова, получили огромное влияние на государство: «*Им (большевикам) «удавалось» только то, что отвечало устремлением старообрядчества, но «не удавалось» то, что этим устремлением не отвечало»*⁴⁵. При этом даже победу Сталина Шахназаров объясняет влиянием староверов. Он пишет: «*...Когда возглавляемые атеистом Л.Д. Бронштейном экспроприаторы ... стали закрывать часовни староверов, их молитвенные дома, вывозить иконы, древние рукописные и старопечатные книги. Замахнувшись на староверов, Троцкий и его компания подписали себе смертный приговор»*⁴⁶. Вспоминая, что М.С. Суллов происходит из семьи старообрядцев-спасовцев, Шахназаров отмечает: «*...думали, что он приспособленец, что принял правила игры «тоталитарного общества». Нет, он их не принимал, он их диктовал – вместе с миллионом своих единоверцев из других согласий, ставших служащими советов снизу доверху, сотрудниками ЧК, ГПУ, НКВД, партийцами от рядовых до функционерам высшего уровня. Именно они инициировали в 30-ые годы лозунг «заострения классово-борьбы». Иосиф Джугашвили в этой истории играл роль трясущегося за свою жизнь приспособленца»*⁴⁷.

Однако на Харьковщине нами не зафиксированно какого-либо влияния старообрядцев на местные органы власти, их проникновения в советскую систему, о чём пишет Шахназаров. Характерно, что с 1929 г., после установления в СССР тоталитаризма и утверждения власти Иосифа Сталина, положение старообрядчества на Харьковщине резко ухудшается. Массово закрываются старообрядческие часовни и храмы⁴⁸, усиливаются репрессии против старообрядческого духовенства⁴⁹. Подробное исследование данного периода выходит за хронологические рамки нашей статьи, однако упоминание об антистарообрядческих репрессиях 1930-х гг. было необходимо для оценки мнения О.Л. Шахназарова. Трудно представить, что пронизанная старообрядцами (по Шахназарову) советская власть, в связи с антистарообрядческими настроениями Льва Троцкого сбрасывает его и «садит» на его место «попкорного» Сталина. А после этого начинаются массовые антистарообрядческие репрессии.

Таким образом, факты из истории старообрядчества Харьковщины не подтверждают выводы О.Л. Шахназарова о степени влияния старообрядцев на советскую власть. Не подтверждают их и неопровержимые факты массовых гонений на старообрядцев в других регионах СССР⁵⁰.

Итак, после победы советской власти на Харьковщине, старообрядчество региона оказалось в принципиально новых условиях. Изменяется его социальный состав, экономическое положение, характер взаимоотношений с государством. Это был не луч-

ший період для «старой веры» в регіоне. Однак, до кінця 1920-х гг. репресивна машина держави ще не набрала повних оборотів і гоніння радянської влади проти старообрядців ще не стали масовими. Після встановлення тоталітаризму в СРСР ситуація змінюється. Починається новий етап у взаємодіях радянської влади і старообрядства на Харківщині. Однак це вже тема для окремого дослідження.

Примечания:

1. См., напр.: Волошин Ю.В. Древлеправославні християни в Україні. З історії розселення // Людина і світ. 2000. №4(475). – С. 24–27; Волошин Ю.В. Міграція російських старовірів на територію Гетьманщини у світлі переписів першої половини XVIII ст. // Київська старовина. 2001. №3 (339). – С. 130–162; Пригарін О.О. Відображення процесів формування осередку російських старообрядців на Дуні в історичній пам'яті їхніх нащадків // Україна модерна. 2007. №11. – С. 59–84; Таранец С.В. Старообрядчество Подолли. К.: Інститут археографії і джерелознавства, 2000; Еришова О. П. Старообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX века // Старообрядчество. История, традиции, современность. №1. Изд. Отд. Музея истории и культуры старообрядчества. М., 1994. – С. 71–78; Обухович С. А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.02 М., 2008 и др.
2. Черкашин А.Л. Старообрядцы Харьковщины в условиях становления советской власти в 20–30 гг. XX в. // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов / Отв. ред. и сост. С. В. Таранец. Киев-Куренівка-Чечельник, 2007. – С. 159–167.
3. Бучастая С.И., Шевченко О.А. История старообрядчества в Чугуеве // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство. Число 3. Харків: Курсор, 2005 – С. 136–140.
4. Лейбфельд А.Ю., Полякова Ю.Ю. Харьков от крепости до столицы. Харьков: Фолио, 1998.
5. Безрукова Т. М. Буди – фаянсова столиця України: Краєзнавчі замальовки, присвячені 350-річчю Харкова. Харьков: Борнео, 2005.
6. Потоцький В. П. Релігійне сектантство в Харківській губернії (1861–1917). Дис. канд. іст. наук. Харків, 2004. – 287 с.
7. Законодавство про релігійні культури. – К.: Видавництво політичної літератури України, 1973. – 264 с.; Про релігію та атеїстичне виховання. Збірник документів і матеріалів. К.: Політвидав України, 1979.
8. Потоцький В. П. Указ. работа. – С. 285.
9. Там же. – С. 52.
10. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). – Ф. Р-845. – Оп. 2. – Д. 961. – Лл. 1 – 3, 5, 99; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1089. – Лл. 30–31; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1090. – Лл. 107–108, 169, 170, 171, 172; Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1091. – Лл. 184.
11. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 961. – Л. 33.
12. ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Лл. 1–3.
13. ГАХО. Ф. Р. 203. Оп. 2. Д. 2404. – Л. 69.
14. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 961. – Лл. 51–53.
15. Там же.
16. ГАХО. – Ф. Р-845. – Оп. 2. – Д. 126. – Л. 11.
17. Інтерв'ю з Шевяковою Галиною Гурьевною (1942 г.р.).
18. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 411. – Л. 20.
19. Законодавство про релігійні культури. – С. 113.
20. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1078. – Л. 25.
21. ГАХО. Ф. Р. 92. Оп. 1. Д. 528. – Л. 5.
22. ГАХО Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1065. – Л. 7; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1–3.
23. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1065. – Л. 7; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1–3.
24. ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 23. – Лл. 1, 4, 5; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Лл. 1–3.
25. ГАХО. Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 13. – Л. 141; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 23. – Лл. 1, 4–6, 11; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Лл. 1–3; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 313. – Л. 9; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 961. – Лл. 1–3, 5, 23, 25, 99; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1090. – Лл. 107 – 108; Інтерв'ю з Шевяковою Галиною Гурьевною (1942 г.р.).
26. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1091. – Л. 171.
27. Черкашин А.Л. Торговля старообрядцев Харькова в XIX в. // Липоване. 2006. Выпуск III. – С. 67–70.
28. Безрукова Т.М. Указ. работа. – С. 49.
29. ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 23. – Лл. 1, 4–5; ГАХО. Ф. Р. 1964. Оп. 1. Д. 25. – Лл. 1–3; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 961. – Л. 1–3.
30. Черкашин А.Л. Старообрядцы Харьковщины в условиях становления советской власти в 20–

30 гг. XX в. – С. 164.

31. Законодавство про релігійні культури. – С. 68, 72.

32. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 819. – Л. 28.

33. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1045. – Л. 117.

34. ГАХО. Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 14. – Лл. 14, 76, 78; Черкашин А.Л. Старообрядцы Харьковщины в условиях становления советской власти в 20-30 гг. XX в. – С. 164–165; Интервью с Шевяковой Галиной Гурьевной (1942 г.р.).

35. ГАХО. Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 13. – Л. 41.

36. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1090. – Лл. 107–108, 169–172; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1085. – Л. 13; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1091. – Л. 184.

37. Законодавство про релігійні культури. – С. 67–72, 89; Про релігію та атеїстичне виховання (Збірник документів і матеріалів). – С. 198.

38. Бучастая С.И., Шевченко О.А. Указ. работа. – С. 139.

39. ГАХО. Ф. Р. 3858. Оп. 3. Д. 433. – Л. 433.

40. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 3. Д. 46. – Л. 49–50, 234.

41. ГАХО. Ф. Р. 90. Оп. 1. Д. 533. – Л. 12.

42. ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 411. – Л. 20.

43. Белоглазов Р.М. Политика радянської влади щодо релігійних конфесій у 1920-і роки (за матеріалами Кримської АСРР): Автореф. дис. канд. істор. наук. Харків, 2001. – С. 14.

44. Шахназаров О.Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. №4. – С. 72–97.

45. Там же. – С. 89.

46. Там же. – С. 91.

47. Там же. – С. 93.

48. ГАХО. Ф. Р. 3858. Оп. 3. Д. 433. – Л. 6; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 3. Д. 3026. – Лл. 104–105; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1065-а. – Л. 362; ГАХО. Ф. Р. 845. Оп. 2. Д. 1065. – Л. 7.

49. Черкашин А.Л. Старообрядцы Харьковщины в условиях становления советской власти в 20-30 гг. XX в. – С. 166.

50. См., напр.: Таранец С.В. Русское старообрядчество в Украине в XX столетии // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов / Отв. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев-Куренівка-Чечельник, 2007. – С. 43–51; Мученический венец епископа Рафаила // Церковный календарь Русской Православной Старообрядческой церкви, 2000 год. – С. 106–107.

Котин М.А. (Симферополь)

САРМАТСКИЕ ЗООМОРФНЫЕ СОСУДЫ НА БОСПОРЕ

Ключевые слова: Боспор, сарматы, сосуд, Митридат, Крым.

The key words: Bosphorus, Sarmatians, vessel, Mitridat, Crimea.

Согласно письменным источникам, сарматы - это ираноязычные племена которые впервые появляются на Боспоре в III или в начале II в. до н.э.¹ Именно в это время царица сарматов Амага совершила набег на расположенную в Крыму ставку скифского царя.

Несмотря на столь раннее упоминание сарматов, первые материальные свидетельства о пребывании сарматов в Крыму происходят из слоев конца II – первой половины I в. до н.э. позднескифских поселений Неаполь и Булганак². Это единичные обломки характерных для сармат – реберчатых курильниц³.

Массовое распространение сарматских сосудов на Боспоре происходит в эпоху Митридата, который искал себе союзников в среде «варварских» племен. Особенно это ощущается в слоях конца I в. до н.э. - начала I в. н.э. Этот факт позволил И.Т. Кругликовой предположить, что это «связано с заселением опустевших во время социальных смут городов окрестными жителями, заменившими большое количество уехавших греков»⁴. Возможно, это было результатом социальных изменений, происходивших среди местных, окружавших города, племен, а также политики правящей династии. Судя по археологическим находкам, с укреплением на боспорском престоле в I в. н.э. царя Ас-

пурга, значение и влияние сарматов в городах увеличилось⁵. Влияние сарматов особенно чувствуется в керамике, начиная с I в. появляются сосуды, аналогичные сарматским. Эти сосуды изготовлены из местной, хорошо отмученной глины на гончарном круге, с тщательно обработанной поверхностью, иногда даже покрытые глазурной краской. Судя по тому, как подобные сосуды изготовлены и обработаны, можно предположить, что сосуды были изготовлены местными ремесленниками. Если это так, то по этому факту уже можно судить, насколько сильно было влияние сарматского населения в жизни боспорских городов⁶.

Наиболее интересным на наш взгляд является наличие на этих сосудах зооморфных ручек, т.е. ручек исполненных в виде животных. Изображение животных на сосудах и на ручках в частности является, несомненно, этномаркирующим признаком культуры сарматов. Сосуды с зооморфными ручками были распространены, прежде всего, в районах Прикубанья, Придонья, Северного Причерноморья⁷.

При рассмотрении зооморфной керамике наиболее интересны на наш взгляд, являются два вопроса: причины возникновения зооморфной посуды и ее роль в культуре и быту сарматов (каков ее характер – религиозный или же культурно-эстетический).

Как уже упоминалось выше, зооморфные сосуды бытуют не только на Боспоре, но и в других местах существования сарматов, поэтому, по всей видимости, причины появления зооморфной керамики у сарматов и ее истоки следует искать не во внешних воздействиях, а в материальной культуре самих сарматских племен. Среди погребального инвентаря богатых сарматских погребений очень часто встречаются металлические изделия в виде животных (фибулы и подвесные фигурки животных на котлах, пряжках, различных хозяйственных и бытовых предметах) изготовленными из золота, серебра и бронзы⁸, что позволяет, по мнению В.Б. Виноградова⁹ говорить о возникновении особого ювелирного стиля у аристократической верхушки сарматских племен. Изделия этого стиля, очевидно, послужили основой для появления сарматской зооморфной керамики. Прямыми предшественниками, для появления последней явились, вероятно, алебастровые туалетные сосудики с ручкой в виде лежащего зверя. Наиболее ранние находки подобных сосудиков относятся к I в. до н.э., и уже к концу I в. н.э., т.е. в период расцвета сарматской зооморфной керамики, они полностью исчезают¹⁰. Поэтому появление зооморфных ручек следует считать проявлением самобытности культуры, т.к. зарождение и развитие зооморфного стиля на ручках происходит внутри одного этноса, и без вмешательства извне.

Теперь попытаемся выяснить какое назначение или предназначения выполняли ручки в виде животных на сарматских сосудах. Наиболее распространенной и общепризнанной является точка зрения К.М. Скалон¹¹, по которой зооморфная ручка имела исключительно предохранительную – обереговые функции. Присоединяясь к этой точки зрения, Е.Г. Кастанаян¹² приводит этнографические параллели: так у пародов Дагестана до недавнего времени существовало представление о том, что ручки на сосуде предохраняет содержимое сосуда от проникновения в него шайтана: «Сосуд без ручки надо закрывать, а в сосуд с ручкой шайтан не войдет»¹³.

Однако, несмотря на столь широкую распространенность данной точки зрения, есть и другое предположение, исключаящее религиозно-магическое значение зооморфных изображений¹⁴. Основная идея этой точки зрения сводится к тому, что зооморфные изображения имеют скорей всего декоративное, нежели культовое назначение, связанное с повышением культурного уровня, которое наступило вследствие тесных связей с высококультурными античными городами. Автор данной точки зрения утверждает, что именно поэтому и рождается аристократический ювелирный стиль, явившийся предпосылкой к появлению зооморфной керамики.

Проникая в города Боспора, сарматы привносили с собой сосуды с зооморфными ручками, изготовленными от руки. Начиная с конца I – начала II в. н.э. при взаимодействии греческого населения и пришлого сарматского, осевшего в греческих городах,

появляются зооморфные сосуды, выполненные на гончарном круге, среди которых можно встретить сосуды с покрытием черного, серого лощения или обожженные до красного цвета, как обычная боспорская посуда¹⁵. На наш взгляд особенно интересен тот факт, что на этих сосудах ручки в виде животных выполнены практически одинаково и изображают в большинстве случаев – кабана (рис. 1. 1,2), кроме этого сами сосуды, по своей форме очень близки друг другу. Что дало возможность И.Т. Кругликовой утверждать о принадлежности их одной и той же мастерской¹⁶. В пользу данного утверждения, по нашему мнению, может служить тот факт, что ареал распространения изображений кабана на ручках сосудов, находится в пределах Керченского полуострова (т.е. на территории Европейского Боспора), за исключением двух сосудов неизвестного происхождения из собрания Эрмитажа (по стилю изображения которые, очень близки керченским сосудам)¹⁷.

Во всех случаях кабан располагается в средней части сосуда, задними лапами упираясь в плечо, а передними в горло сосуда; морда кабана при этом располагается рядом с венчиком или упирается в него. Само животное изображалось с горбатой спиной, вытянутой мордой, и с широко расставленными четырьмя ногами, каждая из которых дана раздельно; на месте ушей наклеплены шарики из глины.

В своей основе, как уже говорилось выше, изображение кабанов связано с художественными образами, существовавшими у местного населения – сарматов. Изображение кабанов на ручках сосудов имело не декоративное значение, но было, несомненно, связано с культово-религиозными представлениями сарматов. В районах, связанных со скотоводством, сарматы помещали образ барана (но об этом позже) на сосуд для его охраны, тогда как сарматское население Боспора, жившее в других экономических условиях, изображало на сосуде с этими же целями кабана. Возможно, искать источник этого художественного образа следует в таманских и приазовских плавнях, а также в указание Страбона¹⁸, что «у сарматских племен» «охоты устраиваются в болотах на оленей и кабанов», тогда изображение кабана напрямую связано с охотой в боспорских районах на этого зверя.

Говоря выше о фигурках кабана, вскользь было упомянуто о таких же изображениях барана¹⁹ (рис. 1. 3-5). Подобный тип ручек был распространен в Прикубанье и Придонье (на территории Азиатского Боспора). Как видно территория существования подобных ручек лишь частично входит в тематику настоящей статьи. В отличие от сосудов с изображением кабана – сосуды с ручкой в виде барана: разные по форме, и само изображения барана тоже различные. Все фигурки животных обработаны суммарно, но, тем не менее, есть общие традиции изображения барана – у всех изображений ноги представлены двумя сплошными массивами (за исключением одного фрагмента фигурки барана из собрания Эрмитажа²⁰, где ноги барана широко расставлены, а не представлены сплошным массивом), хвост очень часто отсутствует, голова снабжена парой загнутых вперед, в два завитка, рогов. Передние ноги немного короче задних ног. Однако расположение ручки в виде барана такое же, как и кабана – передними ногами на плечике сосуда, задними на средней части тулова, конец морды близок или упирается в горло, венчик.

Почти все сосуды относятся к I в. до н.э. – I в. н.э., и сосуществуют с ручками в виде кабана²¹. По общественному устройству и развитию культуры сарматские племена, населявшие районы Придонья не отличались от сарматов Прикубанья. У тех и у других основой хозяйства являлось земледелие, тесно связанное с полукочевым скотоводством, что отразилось в близком по формам и содержанию художественном творчестве.

Очевидно, образ барана играл крупную роль в религиозном культе сарматов. Барана не только изображали на ручках сосуда, но и пища, положенная покойному в могилу, приготавливалась часто из баранины, хотя сарматы разводили и других животных²².

Рассмотрев два наиболее часто встречаемых типа, с четкими ареалами распространения, мы можем перейти к другим типам зооморфных ручек, которые встречаются повсеместно и пока не имеют каких-либо четких границ распространения. Подобные типы встречаются как в Прикубанье и Придонье, так и на Керченском полуострове. Одним из этих типов следует считать изображение лошади, которое в большинстве случаях изображалось довольно – таки стилизованно. Характерной деталью изображения лошади является: вытянутая длинная морда и высоко торчащие уши; передние и задние ноги слиты в отдельные массивы, наличие хвоста варьируется²³, очень редко в изображении присутствует седло и фалары на плечах и бедрах²⁴. Изображение лошадей очень часто встречаются в памятниках сарматской культуры I тыс. до н.э., что, по всей видимости, связано с тем, что лошадь играла огромную роль в жизни и хозяйственной деятельности сарматов.

Особый тип сарматских зооморфных ручек составляют ручки с изображением собак (рис. 1. 6, 7). Среди них выделяются два способа передачи изображения:

1. – рельефный;
2. – скульптурный.

В первом случае изображение собаки располагалось на нижнем прилепе ручки и являло собой собаку с расставленными лапами (или припавшая на передние лапы), и закрытой или открытой пастью, четко выделенными торчащими ушами, заостренной мордой и поднятым кверху хвостом²⁵. Среди скульптурного изображения собаки было принято изображать собаку с заостренной мордой, острыми небольшими ушами²⁶, очень редко у собаки можно было рассмотреть ноздри, глаза и даже стилизацию шерсти²⁷.

Причины появления у сарматов изображения собак, некоторые ученые склонны видеть во влиянии на сарматов населения живущего на Кавказе, где изображения собак встречается часто²⁸. Как указывает В.Б. Виноградов²⁹, собака играла значительную роль в жизни сарматов. Косвенным подтверждением тому – одно из погребений некрополя Кобякова городища, где на груди покойника лежала собака с пробитым черепом. Собака зачастую сопровождала хозяина, и после его смерти³⁰.

Таким образом, изображение собаки на сарматской керамики – явление вполне естественное.

К следующему типу относятся сосуды, чьи ручки выполнены в форме птицы (рис.2. 1-3). Из этого можно заключить, что образ оберега выражался не только в изображении животного. Данный тип представлен наиболее разнообразно, так как способы передачи фигурки птицы очень многочисленны. Так можно встретить фигурки птицы стоящей ногами на плечиках сосуда, хвост опущен и сливается со стенками, образуя отверстие ручки, а его отогнутый кончик направлен вверх. По сторонам головы наклеены большие шарики, являющиеся глазами. Голова птицы с длинной шеей и загнутым клювом, направлена к горлу сосуда. Крылья птицы слегка раздвинуты в сторону, образуя при взгляде сзади почти ромбическую фигуру³¹. Встречаются так же фигурки птиц, которые располагались на верхней части ручки, и не представляли собой саму ручку (некое подобие рельефных изображений собак, в нижних прилепах ручки). В некоторых случаях на спине и крыльях птицы имеются короткие врезные штрихи, обозначающие оперенья³².

Кроме фигуры птиц, помещенных на сосудах, иногда встречаются сарматские сосуды, которые целиком представляют собой фигуру птицы (рис. 2. 4). Тулово, подобных сосудов, имеет овальную форму и стоит на двух грубо вылепленных ногах. По бокам прямоугольные выступы – крылья. Длинная шея оканчивается не головой, а отверстием, с широким сливом наподобие клюва, на спине птицы второе отверстие. По обеим сторонам горла имеются наклепы – глаза. Такие сосуды имеют ручки, почти аналогичные описанным выше. Так есть ручки напоминающие коня с высоко стоящими ушами и ручки, о которых речь пойдет чуть позже – ручки со схематическими изображени-

ями животного или отдельных его частей³³. В подобных сосудах мы видим сочетание фигурного сосуда в виде птицы с ручкой, выполненной в форме животного. Эти сосуды относятся к тому же времени, что и большая часть рассмотренных выше, т.е. к I - II вв. н.э. Очевидно, такие сосуды имели иное значение, чем образ оберега, охраняющего содержимое кувшина, и не использовались в домашнем хозяйстве, а возможно использовались в каких-то религиозно – магических действиях.

Рассказывая о ручках сосудов сделанных в виде животных, мы упомянули ручки в виде животных, изображенных настолько схематично, что только при внимательном рассмотрении можно увидеть в ручки фигуру или же отдельные элементы животного (рис. 2. 5, 6). В.Б. Виноградов условно разделил эти ручки на 4 группы:

1. Сосуды с изображением круглых налепов – глаз.
2. Сосуды, у которых ручки отличаются от простых лишь выступами – ушками или рогами, расположенными там, где обычно помещается голова животного.
3. Керамика, имеющая ручки с сосцевидными выступами в верхней части.
4. Сосуды, объединяющие некоторые из перечисленных признаков.

Кроме этих групп, по нашему мнению, сюда следует добавить сосуды, у которых задние конечности зверька и, иногда, хвост передаются как налепы, берущие начало на нижнем конце ручки и идущие вниз³⁴.

Многочисленные археологические находки подтверждают, что все эти виды керамики бытуют одновременно с описанными выше сосудами, имеющие сравнительно реалистические изображения животных, но если сосуды со скульптурными изображениями животных бытуют до конца II в. н.э., то ручки сделанные в виде животных, исполненных схематично, или с отдельными элементами животного существуют до конца III в. н.э., и постепенно теряют всякое сходство с фигурками зверей, получают позднее новое функциональное назначение: на некоторых сосудах они снабжены сквозным отверстием и, вероятно, исполняют роль носика³⁵.

В слоях III–IV вв., а может и только IV в., характерно распространение лощеных кувшинов с узким вытянутым горлом и округлым, немного приземистым туловом (рис. 2. 7). На подобных сосудах ручка представляет собой длинный, почти вытянутый прямой стержень со сквозным отверстием³⁶, соединяющаяся перемычкой с шейкой и упором в плече сосуда. Эта форма ручки, по-видимому, появилась в результате эволюции зооморфных ручек. В IV в., благодаря стилизации, ручки почти теряют зооморфную форму и в то же время получают новую функцию – носик, но некоторая изогнутость и сужение конца ручки свидетельствуют о каком-то продолжении старой традиции, впрочем, некоторые из сосудов этого типа имеют уже совершенно ровную, вытянутую ручку³⁷. Это доказывает, что магическое значение фигурки животного, как оберега, уже было потеряно.

Мы подходим к концу нашего обзора. Рассмотренные фигурки животных, примененные в качестве ручек на сосудах, являвшиеся художественным образом оберега, в своем возникновении всецело обусловлены идеологией сарматских племен, сложившейся в условиях первобытнообщинного строя. Они не были просто орнаментальными украшениями, но имели глубокое смысловое содержание и в них выражались религиозные представления сарматов.

Одновременно сосуществование на сосудах фигур определенного вида животных и отвлеченных изображений, является не эволюционным вырождением изображения животного – животное, помещенное на ручке кувшина, играя роль оберега, должно было защищать содержимое сосуда от враждебных сил. Вера в оберегающую силу животного настолько была сильна, что для этих целей вполне было достаточно поместить на сосуде не все животное, но только его часть: рога или глаза, в которых по верованиям того времени была сосредоточена сила против дурного глаза. Для примитивного мышления, изображение части животного равносильно изображению всего животного.

Само изображение животного на сосудах, по всей видимости, восходит к глубокой древности; образ животного, по-видимому, связывался первоначально с тотемическими представлениями. Тотемизм, как идеология, существовала на ранних ступенях родового общества, но у сарматов, стоявших на последней ступени разложения родовых отношений, занимавшихся развитым земледелием и скотоводством, тотемический образ получает иное содержание. Для земледельческих народов характерно появление представлений, связанных со сменой времен года, с движением солнца, обожествлением солнца и небесных сил. На старые тотемические образы наслаиваются новые, старые тотемические представления переосмысливаются, но форма выражения новых космических представлений остается прежней, в виде образа животного. Однако и эти представления в сарматское время имели за собой уже долгую историю и начинали изживаться.

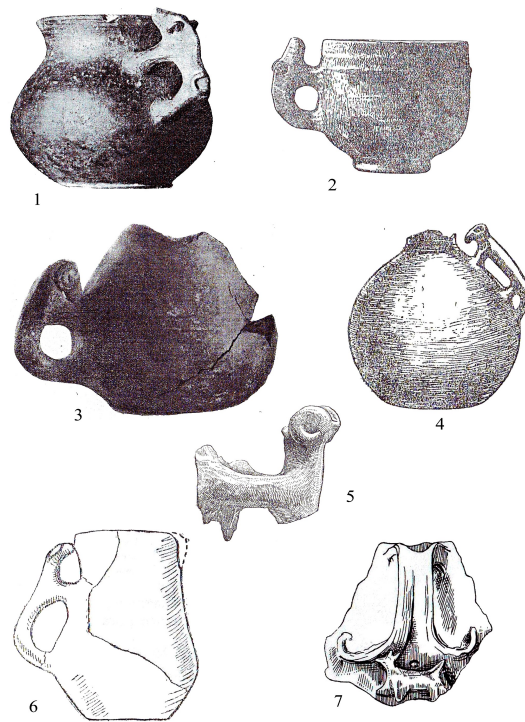

Рис. 1. 1-Кувшин. Керчь; 2-Кубок. Керчь; 3-Сосуд. Тамань;
4-Кувшин. Краснодар; 5-Ручка. Кубань; 6-Кувшин.
Краснодар; 7-Ручка. Керчь. Тиритака.

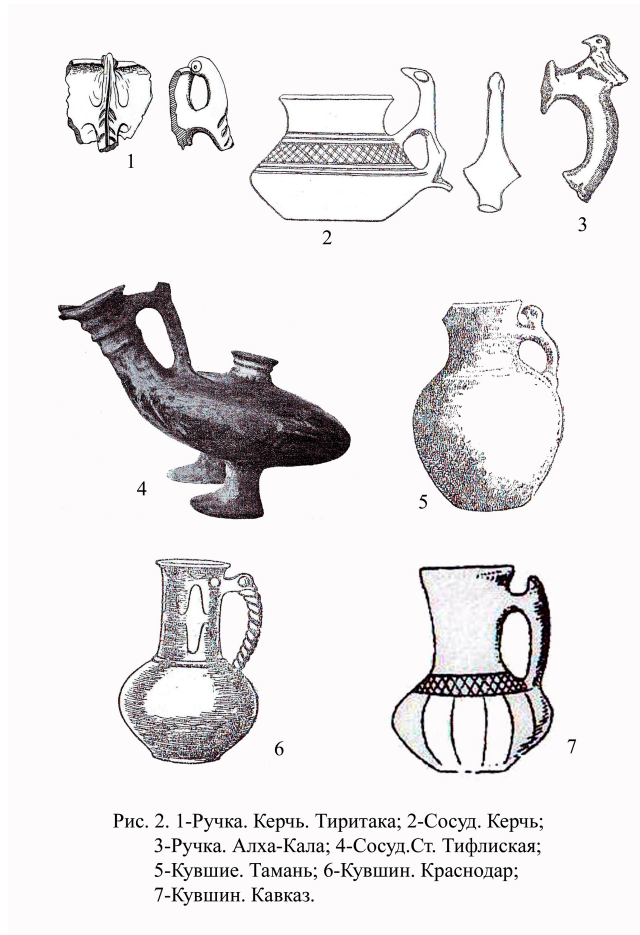

Рис. 2. 1-Ручка. Керчь. Тиритака; 2-Сосуд. Керчь;
3-Ручка. Алха-Кала; 4-Сосуд. Ст. Тифлисская;
5-Кувшине. Тамань; 6-Кувшин. Краснодар;
7-Кувшин. Кавказ.

Примечания:

1. Ростовцев М.А. Амага и Тургатао // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. - С. 58-63.
2. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI. 2004. - С. 126.
3. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст. н.е. Автореф. дис... канд. іст. наук. К., 1999. - С. 10.
4. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея, и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. №33. - С. 93.
5. Там же. - С. 93.
6. Там же. - С. 113.
7. Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Т. I. 1941. - С. 173.
8. ОАК за 1901 г. - С. 19, рис.42; ОАК за 1902 г. - С. 85, рис. 166; Ростовцев М.И. О надписи на золотом сосуде из станицы Мигулинской // ИАК. Вып. 63. - С. 106; Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб. 1909. - Табл. I, рис. 27; Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. СПб. 1890. - С. 134-134, рис. 152,153; Шульц П. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. - С. 48, табл. XIV, рис. 4-5.
9. Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. 1961. - С. 40.
10. ОАК за 1899 г. - С. 89.
11. Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Т. I. 1941. - С. 173.
12. Кастанаян Е.Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // АГСП. 1955. - С. 401.
13. Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современных племен Дагестана // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 1. 1927. - С. 73.
14. Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. - С. 44.
15. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея, и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. №33. - С. 93.
16. Там же. - С. 90.
17. Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Т. I. 1941. - С. 189.

18. *Strabonis Geographica. VII, IV. Kramer. Berlin, 1847. - P. 42; Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. - С. 128.*
19. *Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Т. I. 1941. - С. 174.*
20. *Там же. - С. 180.*
21. *Там же. - С. 176.*
22. *Там же - С. 177-178.*
23. *Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурж-Оба (Керч) в 2002 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. VII. - С. 9; Кастанаян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки // СА. 1951. XV. - С. 250-252; Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Т. I. 1941. - С. 199-200.*
24. *Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки // МИА. № 23. 1953. - С. 265, рис. 19,1.*
25. *Кастанаян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки // СА. 1951. XV. - С. 247-248; Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. № 4.1941. - С. 51, рис. 72.*
26. *Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. 1961. - С. 34.*
27. *Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурж-Оба (Керч) в 2004 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2005. Вип. IX. - С. 130, рис. 6,1.*
28. *Миллер А.А. Изображение собак в древностях Кавказа // ИГАИМК. Вып. II. 1922 – С. 237.*
29. *Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. 1961. - С. 35.*
30. *Вязьмитин М.И. Изучение сарматов на территории УССР. Археология. Т. VIII. К., 1953. - С. 71.*
31. *Марти Ю.Ю. Путеводитель по Керченскому Археологическому Музею им. А.С. Пушкина. Гос. Изд. Кр. АССР. 1937. - С. 39, рис. 25.*
32. *Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурж-Оба (Керч) в 2004 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2005. Вип. IX. - С. 130, рис. 6,2; Кастанаян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки // СА. 1951. XV. - С. 249.*
33. *Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период Римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII Арх. Съезда в Харькове. 1902 г. Т. I. М. 1905. - С. 345, 346; ОАК за 1902 г. - С. 72, 77, рис. 152, 162.*
34. *Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. 1961. - С. 36, рис. II, 6.*
35. *Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея, и ее значения для изучения состава населения этого города // МИА. №33. - С. 101.*
36. *Там же. - С. 109, табл. III, 39.*
37. *ИАК. Вып. 40. - С. 19, рис. 82.*

Кочарян С.Г. (Харьков)

ХАРЬКОВСКИЕ АРМЯНЕ: ПОЯВЛЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩИНЫ (II ПОЛ. XIX В. – НАЧ. XX В.)

Ключевые слова: история, Харьков, армяне, община, церковь.

The key words: history, Kharkov, Armenians, community, church.

Настоящая статья посвящена истории становления армянской общины города Харькова во II пол XIX в. – нач. XX в. Что касается историографии данной темы, то необходимо отметить отсутствие специальных научных исследований. Отдельные аспекты проблемы рассматриваются в фундаментальной монографии Д.И. Багалея, Д.П. Миллера «История города Харькова за 250 лет его существования» и в диссертации И.Г. Мухиной. Все это свидетельствует об актуальности данной темы. Основными источниками настоящего исследования являются документы Государственного архива Харьковской области, периодические издания «Памятная книжка Харьковской губернии», «Харьковский календарь» и «Весь Харьков».

Переселение армян на территорию Левобережной Украины начинается с XVIII в., что связано с активизацией внешней политики Российской империи на Юге, прежде

всего на Кавказе. Как пишет известный историк Дмитрий Иванович Багaley, «представители народов Востока - греки, татары, армяне попадались в Харькове еще в XVIII веке»¹. Первые официальные статистические данные о харьковских армянах содержатся в «Памятной книжке Харьковской губернии на 1865 год». В приводимых там сведениях о численности населения по вероисповеданиям за 1863 год есть информация об одном мужчине армяно-григорианского вероисповедания, проживавшем в губернском городе².

Сначала армянская община Харькова была небольшой, но ее численность постоянно росла. В 1879 г., согласно итогам «однодневной» переписи населения, в городе проживало 80 армяно-григориан и 5 католиков³. Однако этим числом количество харьковских армян не ограничивалось: армянский язык назвали родным 90 человек. В 1897 г., по данным Всеобщей переписи населения, в Харькове проживало 468 армян (68 - католики). По всей губернии армяно-григориан проживало 479 чел., а армяно-католиков – 77 чел⁴. По сравнению с 1879 г., численность армяно-григориан в городе Харькове увеличилась в 5 раз, а армяно-католиков – в 13,6.

Интересные сведения приводятся в Прошении в Городскую Думу Попечительства по сооружению Харьковского армяно-григорианского молитвенного дома от 30 мая 1902 г.: «число прихожан армяно-григорианского вероисповедания постепенно прибавляется в г. Харькове с одной стороны, учащейся молодежи, как в высших, так и в средних учебных заведениях день ото дня растет, поэтому в настоящее время считается армяно-григориан купеческого и ремесленного сословия около 800 душ обоего пола, учащейся молодежи 150 и свыше 300 солдат. Кроме этого по Харьковской губернии в разбросанном виде в городах Славянске и Сумах, и на придорожных станциях живут около 300 душ армяно-григориан обоего пола». Называлось и общее количество – 1500 чел.⁵. Эти статические данные относятся к 1900 г. В 1910 г. численность армяно-григориан в Харьковской губернии увеличилась по сравнению с 1897 годом в 3,04 раза, достигнув 2094 чел⁷.

Такой большой прирост в конце XIX – нач. XX вв. объясняется мощной волной переселения армян из Османской империи, которая была вызвана политикой султана Абдул-Гамида, носившей антиармянский характер. В районы, населенные преимущественно армянами и другими христианскими народами, в массовом порядке переселялись мусульмане с Балкан и Кавказа. Из года в год усиливались поборы с армянского населения. Всего, в период 1894–1896 гг. в Османской империи было уничтожено около 300 000 христиан: в основном армян, но также ассирийцев и греков⁶.

Первая мировая война (1914–1918) привела к значительным изменениям в составе населения Украины. Геноцид армян, устроенный младотурками в Османской империи в 1915–1923 гг. привел новой мощной волне армянской эмиграции. Только за 1916–1917 гг., в Харьков прибыло 1014 армян-беженцев⁸.

В отличие от армянских общин городов Западной Украины, в Харькове армяне селились по всему городу. К 1865 г. относятся первые упоминания об Армянском переулке, где проживали всего лишь несколько армянских семей, которые занимались торговлей⁹. 1879-м годом датируется упоминание греческой хлебной на Марьинской улице, принадлежащей харьковского армянину Багдасарову¹⁰.

В начале XX в. харьковские армяне играли значительную роль в экономической жизни города. Основными сферами торговли, в которых они работали, были хлебобулочная, фруктовая и винная. В 1910 г. армянам принадлежало 20 булочных и пекарен, 7 фруктовых и 2 винных лавки¹¹.

Самую многочисленную часть харьковской армянской интеллигенции составляли врачи. Первым армянским врачом, который упоминается в Харьковском календаре на 1892 г., был Ефрем Вартапетов¹². По информации за 1892–1917 гг. в Харькове работало 15 врачей-армян, большинство из них – на факультетских клиниках при Харьковском императорском университете. Сохранились архивные документы, которые

позволяют проследить судьбу врача Ованеса Тер-Микаэлянца. В 1899 г. он был принят на работу в Александровскую больницу сверхштатным ординатором. В феврале 1900 г. его назначили на аналогичную должность в хирургическую госпитальную клинику при Харьковском университете. В 1901–1903 гг. О. Тер-Микаэлянц работал, по совместительству, врачом-распорядителем Харьковской городской амбулаторной детской и гинекологической больницы¹³.

До 1900 г. отсутствовали какие-либо организации, защищавшие интересы харьковских армян. Хотя первый армянский священник в Харькове появился еще в 1870-х годах, он был не постоянным, а приглашенным¹⁴. В связи с увеличением числа прихожан армяно-григорианского вероисповедания (до 1500 чел.), в 1900 г. армянская община обратилась в Нахичевано-Бессарабскую епархию Армяно-Григорианской церкви с прошением разрешить построить в Харькове церковь. Харьковская армяно-григорианская колония выбрала из своей среды Попечительство по сооружению Харьковского Армяно-Григорианского молитвенного дома. В его состав вошли Богдан Худавердов, Гукас Гукасян и Григорий Саркисов.

Архиепископ Нерсес Худовердян (1898–1918), глава Нахичевано-Бессарабской Армяно-Григорианской Епархии, своим предписанием от 3 ноября 1901 г. за № 313 утвердил священника Срапиона Самуэляна в качестве приходского священника Харьковской Армяно-Григорианской колонии¹⁵. Он же возглавил и Попечительство, по ходатайству которого харьковский губернатор разрешил отцу Самуэлянцу служить заутрени, вечерни и литургии в наемном доме Сухоневой, по Дмитриевской улице № 24, до особого распоряжения. Отец Самуэлян, начиная с 1901 г., «исправно выполнял все службы и церковные требы армяно-григориан Харьковской, Курской, Орловской и Киевской губернии и всех офицеров и нижних чинов армяно-григорианского вероисповедания Киевского военного округа»¹⁶.

В июне 1902 г. харьковский армяно-григорианский молельный дом с Дмитриевской улицы, 24 был перемещен в Инструментальный переулок в дом №3, который принадлежал приват-доценту и лектору Харьковского императорского университета Рихтеру¹⁷. С 1905 г. Армяно-григорианская домашняя церковь (официальное название) находилась на ул. Чернышевской, церковный дом № 5¹⁸. В 1914 г. при церкви была открыта армянская школа¹⁹.

С 1912 г. при Армянской Церкви действовал Попечительский совет (ПС), куда входили самые известные на то время армяне Харькова. Председателем ПС был настоятель церкви. Постоянными членами ПС являлись надворный советник Трдат Тер-Нишанианц, статский советник Григорий Давтянц и купец Мовсес Саркисян²⁰.

Трдат Тер-Нишанианц был первым домовладельцем среди харьковских армян. Согласно списку домовладельцев 1895 г. ему принадлежал дом на Франковской улице²¹. В 1901 году он там проживал вместе со своей дочерью Мириам²². С 1897 г. он работал в Харьковской центральной почтово-телеграфной конторе, где сделал успешную карьеру: начав почтово-телеграфным чиновником IV разряда, уже к 1907 г. получил III разряд, к 1910 г. – II разряд, а к 1916 г. достиг I разряда²³. В соответствии с быстрым карьерным ростом, рос и ранг Трдата Тер-Нишанианца, как государственного служащего: в 1897 г. – коллежский секретарь, к 1904 г. – коллежский асессор, а к 1910 г. он уже был надворным советником²⁴.

Григорий Давтянц был известным харьковским судьей. В 1903 г. он, будучи коллежским советником, являлся судьей Харьковского окружного суда и проживал на ул. Мироносицкой²⁵. К 1913 г. он уже имел ранг статского советника и был членом Харьковской судебной палаты (1 гражданский департамент)²⁶.

Во время Первой мировой войны ПС развернул активную деятельность для сбора пожертвований, как для нуждающихся армян, так и для всех беженцев-армян, которые прибывали в Харьков. Делались взносы и в городские благотворительные организации. Так, в августе 1914 г. было внесено 1145 рублей от армянской колонии в фонд

Харьковского губернского комитета по сбору пожертвования и признанию нуждающихся семейств лиц, призванных в войска. Сбором пожертвований занимался казначей Мовсес Саркисов, а помогали ему делегаты Ованес Леблебиджианц и Богас Кочурьян²⁷.

Армянская религиозная община принимала активное участие в делах связанных с обустройством армян-беженцев. В 1916 г. настоятель Армянской церкви послал Прошение от армян, проживающих в Харькове, католикосу всех армян в Тифлис о том, чтобы «последний ходатайствовал перед подлежащими властями о том, чтобы все турецкоподданных армяне выселялись вместо северных губерний России обратно на родину, на Кавказ». Это ходатайство способствовало отмене в сентябре этого же года переселения 25 армянских семейств в Рязанскую и другие внутренние губернии Российской империи²⁸.

Таким образом, появление армянской диаспоры в Харькове относится к 1863 г. В начале XX в. харьковские армяне играли значительную роль в экономической жизни города. Центром общественной и культурной жизни общины была Армяно-Григорианская церковь. Попечительский Совет, созданный при церкви, был единственной структурой в Харькове, взявшей на себя функции по координации деятельности армяно-григорианской колонии и защиты ее интересов.

Примечания:

1. Багалец Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования. Т.2. Харьков, 1993. – С. 142.*
2. *Памятная книжка Харьковской губернии на 1865 год. 1865. Год 3.*
3. *Харьковский календарь на 1882 год. 1881. Год 10.*
4. *Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 47. СПб., 1904.*
5. *ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2851.*
6. *Вртанесян К. Геноцид армян в Турции: краткий исторический обзор // [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.genocide.ru/review.htm>]. Доступ – 24.04.2008.*
7. *Мухина І. Г. Участь національних меншин у суспільно-політичному та економічному житті Харківської губернії (XIX – поч. XX ст.). Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2005. – С. 44.*
8. *Там же. – С. 56.*
9. *Оноприенко Т. Из истории харьковских армян // Кеворкян К.Э. Первая столица. Харків, 2007. – С. 389.*
10. *Харьковский календарь на 1879 год. 1879. Год 7.*
11. *Адресная и справочная книга «Адресъ Харькова». Харьков, 1910.*
12. *Харьковский календарь на 1892 год. 1891. Год 19.*
13. *ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2488.*
14. *Багалец Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования. Т.2. Харьков, 1993. – С. 142.*
15. *ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2851.*
16. *ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2851.*
17. *Оноприенко Т. Храм Армянской апостольской церкви Сурб-Арутюн // Кеворкян К.Э. Первая столица. Харьков, 2007. – С. 398.*
18. *Адресная и справочная книга «Адресъ Харькова». Харьков, 1910; ГАХО. Р. 845. Оп. 2. Ед. хр. 926.*
19. *Адресно-справочная книга «Весь Харьков на 1914». Харьков, 1914.*
20. *Адресно-справочная книга «Весь Харьков на 1912». Харьков, 1912.*
21. *Список домовладельцев города Харькова. Харьков, 1895.*
22. *Список домовладельцев города Харькова. Харьков, 1901.*
23. *Харьковский календарь на 1897 год. 1896. Год 25; Адресная и справочная книга «Адресъ Харькова». Харьков, 1910; Адресно-справочная книга «Весь Харьков на 1916». Харьков, 1916.*
24. *Харьковский календарь на 1897 год. 1896. Год 25; Харьковский календарь на 1904 год. 1903. Год 31; Адресная и справочная книга «Адресъ Харькова». Харьков, 1910.*
25. *Харьковский календарь на 1903 год. 1902. Год 30.*
26. *Адресно-справочная книга «Весь Харьков на 1913». Харьков, 1913.*
27. *ГАХО. Ф. 313. Оп. 1. Ед. хр. 1.*
28. *ГАХО Ф.4. Оп. 2. Ед. хр. 540.*

ЧЕЛОВЕК АНТИЧНОГО БОСПОРА (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ)

Ключевые слова: Боспор, изобразительное искусство, культура, внешний вид человека, мир человека, эпитафии.

The key words: Bospor, fine art, culture, appearance of man, world of man, epitaphs.

На дальнем северо-востоке античного мира, на краю Великой Степи в сер. I тыс. до н.э. возникло уникальное во многих отношениях Боспорское государство. Внутренний мир человека здесь изучен крайне недостаточно. Одним из важных источников для его реконструкции являются изобразительные памятники.

На характере производства художественных изделий Боспора неизбежно должен был отразиться неоднородный состав населения данной области с двумя основными группами – греками-колонистами и местными скифо-сарматскими племенами. Поэтому именно предметы искусства выбраны нами для изучения мира человека на Боспоре, как его внешнего проявления, так и внутреннего содержания.

Два основных этнических элемента, из которых состояло Боспорское государство, были весьма различны по своему характеру и социальному укладу, особенно в раннее время, когда культурное взаимодействие между греками и туземцами еще находилось в начальной фазе¹.

Характерной чертой боспорского искусства является особая связь его с окружающим «варварским» миром: тонкая наблюдательность ювелиров, позволявшая им создавать правдивые и выразительные образы скифов. Здесь греческие мастера выходят за рамки классических традиций, создавая новую ветвь эллинского искусства². Правдивая и убедительная передача варваров свидетельствует о хорошем знакомстве с ними художника.

Местное художественное творчество – греческое по своему основному характеру, но вместе с тем не лишенное некоторых черт, которые следует толковать как воздействие туземных элементов. Это явление находится в связи с тем, что в раннее чисто греческое гражданство городов Причерноморья постепенно проникают представители местных племен.

Все известные нам местные догреческие и доскифские памятники скульптуры крайне схематизировано представляют нам фигуру человека. Характерны случаи, когда у подобных фигур более тщательно выполнено изображение предметов вооружения – акинака, горита, что возможно, свидетельствует о первенствующем восприятии боспорянина-война, а не боспорянина-человека. Важно также подчеркнуть, что подобная схематизация будет существовать и позднее, когда уже появятся более совершенные изделия, то есть, подобное изображение свидетельствует скорее о незначимости изображения индивидуальных особенностей человека.

Вопрос о том были ли предметы искусства с подобными чертами лишь социальным заказом варварской части общества или они отражали этнический тип современного боспорца остается пока не решенным нами и работа нам еще предстоит.

Выраженные античные черты в стиле изображений сказываются в первую очередь в трактовке фигур людей и животных. Главная особенность изделий Боспора – резко выраженная тенденция к реализму, проявляющаяся здесь так сильно, так своеобразно, как мы не встретим этого в искусстве Греции. Здесь чувствуется, прежде всего, стремление создать изображения, в которых была бы возможно точнее отражена подлинная жизнь населения Боспора. Характерен и сам выбор сюжетов. Изображаются не отдельные фигуры или группы, а полные движения сцены, особенно часто сцены боя, борьбы, нападения; художник при этом не останавливается при этом ни перед какими трудностями, он как будто особенно охотно воспроизводит напряженные позы, изогнутые и вывернутые фигуры. Реалистические черты сказываются и в так называе-

мом этнографическом реализме. На большинстве изделий IV в. до н.э. изображены сцены из жизни скифов. Изображения эти резко отличаются от изображения тех же скифов на чисто греческих памятниках. На вазовых рисунках мы узнаем скифов по чисто условным деталям костюма и вооружения, из которых главная – обязательная острокопечная шапка на голове; в самом же их облике, фигуре, лице не чувствуется отличия от внешности греков. Иной характер имеют те металлические изделия северного Причерноморья, о которых ведем речь мы.

Боспорскому гражданину классического периода было свойственно, как и всякому греку того времени, постоянное занятие атлетическими упражнениями, он носил эллинскую одежду и оружие. Иную картину мы наблюдаем на Боспоре в римское время. Эллинского атлета сменяет одетый в кочевнический кафтан и рейтузы конный воин, вооруженный луком со стрелами, длинным мечом и тяжелым копьем.

Изображение местного божества в классических формах эллинского искусства обогащало представления туземца, вкладывая в него новое, эстетическое содержание. В силу этого туземная культура, не теряя своей самобытности, получала дальнейшее развитие.

Нередки большие краснофигурные сосуды (леканы) со сценами из жизни гинекея (женской половины дома).

В позднеэллинистическую эпоху II-I вв. до н.э. появляются фигурные изображения, которые сосредоточиваются, главным образом, на люнетах. Изображаются мифологические сюжеты или покойник и его домочадцы. В эпоху позднего эллинизма исполняются рельефные надгробия. Как сюжеты, так и стиль имеют своим истоком греческую надгробную скульптуру из Малой Азии северо-восточной части Балканского полуострова и прилежащих центров.

В римскую эпоху значение туземцев в городах Боспора возросло настолько, что они теперь стали явно доминировать. Они накладывают печать на религиозные представления, одежду, вооружение и бытовой уклад³.

В римский период скульптура в значительной мере служит для декоративных целей, для чего часто копируются прославленные греческие статуи. Потребность в произведениях искусства метрополии, видимо, падает, что косвенно свидетельствует о повышении уровня жизни боспорцев, о перенесении акцента на эстетическое восприятие элементов культуры и о развитии собственного вкуса. Преобладает местная художественная продукция, разумеется, испытывающая известные воздействия извне.

Мы видим сцены, представляющие покойных супругов за трапезой, музыкантов, играющих на флейтах и переносном органе, двух всадников, пляшущих уродливых карликов-пигмеев и другие изображения. Но особенно интересна картина, представляющая живописца за работой в своей мастерской: он сидит перед мольбертом возле ящика с восковыми красками; около художника – жаровня, на которой он разогревает свой инструмент. Вероятно, живописец пишет портрет – три подобных произведения висят на стене его мастерской. Интересна мраморная статуя, найденная в Афинах. Это портрет бородатого мужчины; драпирующая его античная одежда сочетается с туземным украшением: на шею надето массивное ожерелье (гривна) с головой животного посередине. Еще сильнее веяния новой туземной культуры сказываются в передаче тела: узкие плечи и впалая грудь резко отличается от более коренастых торсов атлетических фигур греческой классики. Скорее всего, это портрет Неокла – сына Геродота, правителя Горгиипии и была поставлена в 187 г. н.э. Стиль статуи близок восточно-греческой скульптуре II века. Чувствуется продолжение эллинистической традиции со свойственным ей этнографическим интересом к изображению иноземцев – в данном случае, по всей вероятности, представителя греко-синдской знати.

Особенно показательны в отношении передачи реализма случаи передачи в мимике лица отражения различных острых ощущений и переживаний, главным образом боли.

С III в. н.э. мы все больше и больше чувствуем появление и рост специфического местного искусства причерноморских городов, в создании которого играют роль и греки, и представители местного населения.

Характера изображения человеческих лиц особенно четко может быть прослежен у фигур в плащах на вазах. Несмотря на упрощенный характер рисунка, в этих изображениях чувствуется сознательное воспроизведение вполне определенных, постоянно одних и тех же типов, не встречающихся в греческом искусстве. Типов этих два. Один из них характеризуется круглой головой, очень большими, широко раскрытыми глазами, вздернутым и широким носом: у другого выражен характерный «длинноголовый» тип, лицо узкое, нос большой и длинный. Интересно, что те же два типа воспроизводятся и на других памятниках Боспора, по большей части относящихся к несколько более позднему времени – на терракотовых статуэтках, в росписи склепов. Особенно часто встречается первый круглоголовый тип. Таким образом, вполне логично, что образы были подсказаны окружающей средой⁴.

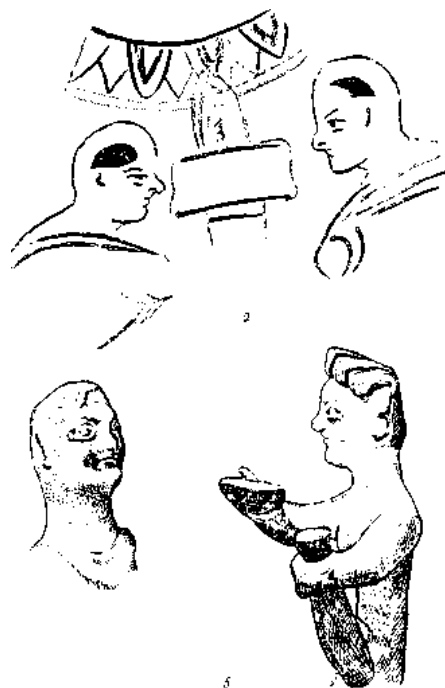
В данном явлении может быть уловлен и момент борьбы с условными и трафаретными типами греческих вазовых изображений. Это отступление от условности встречается и в изображениях человеческих лиц в крупном плане. Их несходство между собой и выраженные индивидуальные черты говорят о попытках воспроизведения живой природы, о чем-то приближающемся к портрету.

Таким образом, главной тенденцией, которая просматривается в искусстве Боспора, это частое сочетание выразительности и экспрессивности с упрощенностью и небрежным исполнением деталей. Это может служить свидетельством обращения именно к внутреннему миру человека, когда его внешний образ и правильность пропорций отходит на второй план, а главный упор делается на передачу эмоций с помощью изображения лица.

Рис. 1. Изображение местных этнических типов населения Боспора

а – на керченской полихромной пелике III-II вв. до н.э.

б – терракотовые фигурки первых веков нашей эры.

Примечания:

1. Блаватский В.Д. *Искусство Северного Причерноморья античной эпохи*. М.: изд-во ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1947. - С. 33.
2. Там же. - С. 38.
3. Там же. - С. 65.
4. Книпович Т.Н. *Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры*. М.-Л.: изд-во Акад. Наук СССР, 1955. - С. 181.

Кременев Д.М. (Белгород)

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВАЛУЙСКОГО УЕЗДА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ И БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ К «ДЕКЛАРАЦИИ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)» В 1927 ГОДУ

Ключевые слова: Русская Православная церковь, декларация, съезд, патриарх, митрополит.

The key words: Russian Orthodox Church, the declaration, the Congress, the patriarch, the mitropolit.

К лету 1927 г. Русская Православная церковь (РПЦ) являла собой организацию, находящуюся в постоянном кризисном состоянии. За попыткой обновленческого переворота в начале 1920-х годов, следовал разрыв с теми иерархами РПЦ, которые в результате гражданской войны оказались в эмиграции. После смерти патриарха Тихона, раздоры внутри церкви были связаны с фактическим отсутствием централизованного руководства внутри самой церкви.

За всем этим процессами государство пристально следило, и во многих случаях являлось архитектором событий - обновленческий раскол или же преследование наиболее авторитетных иерархов РПЦ, что приводило к кризису руководства внутри патриаршей церкви.

К лету 1927 г. наметился новый раскол в церкви получивший название «Григорьевский». 22 декабря 1925 г. под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского), под предлогом того, что митрополит Петр был объявлен контрреволюционером, было объявлено о создании Временного высшего церковного совета (ВВЦС)¹.

Следует отметить, что все конфликты и расколы РПЦ использовались большевиками в рамках идеологической борьбы с православием. В частности начальник Белгородской уездной милиции Ковалев в 1925 г. отмечал, что борьба между церковными течениями: «благоотворно повлияла на развитие сектантства... и на отход от церкви части прихожан в основном молодёжи»².

На фоне всех этих событий «Декларация митрополита Сергия» была одним из эпизодов событий внутри церкви, которые последовали после смерти патриарха Тихона. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) вышла в свет на фоне непростых взаимоотношений внутри церкви. Яркими примерами раскола на противоборствующие течения внутри РПЦ является пример расстановки сил на период лето-зима 1927 г. в рядовых уездах Советского Союза - Белгородского уезда Курской губернии и Валуйского уезда Воронежской губернии.

Летом 1927 г. ещё до официального обнародования декларации митрополита Сергия (Страгородского), административным отделом НКВД Валуйского уезда было затребовано циркулярного разъяснение у волостной милиции - «О расстановке сил среди противоборствующих течений и группировок РПЦ», в котором говорилось: «...так например некоторые начальники волмилиции в своих сведениях совершенно не показывают религиозные организации, которые являются сторонниками ВВЦС, очевидно

считая их «тихоновцами». Другие же называя в графе религиозная община – синодальцы, и их же в графе ВВЦС, из чего нельзя установить к какой же группировке принадлежит та или иная община»³. Как следует из текста этого документа видна заинтересованность местной власти в развитии деятельности ВВЦС («григорьевцев»).

Следует так же отметить, что на территории Валуйского уезда в период 1920-х годов были сильны позиции обновленцев (упоминающиеся в официальных документах как «синодальцы»). В частности в это время во Владимировском соборе города Валуйки службу вёл обновленческий епископ Павел (Масленников).

Из 107 приходов зарегистрированных в Валуйском уезде, в 1927 г., относили себя к синодальцам 40; к ВВЦС 21; к Тихоновцам 41; к Старообрядцам-4 общины⁴. Так же можно проследить ориентацию духовенства и мирян во внутрецерковных течениях в различных волостях Валуйского уезда. Так например, приходы Никольской⁵ и Вейделевской⁶ волости полностью относили себя к синодальцам. В Валуйской волости из 19 общин лишь одна относилась к Тихоновцам, остальные же или признавали ВВЦС- 11 общин, или же относили себя к синодальцам-7 общин⁷.

В Никитовской волости можно наблюдать другую картину: из 12 общин -2 являлись старообрядческими, остальные 10 относили себя к тихоновцам⁸. В Уразовской, Волоконовской, Ливенской и Погромской волостях, общины были разделены с небольшим преобладанием тихоновского течения.

В Белгородском уезде, в отличие от Валуйского, такого раскола среди верующих не наблюдалась. Ещё в 1925 г. в своём отчёте «О религиозном движении в Белгородском уезде» начальник уездной милиции Ковалёв, отмечал о поражении обновленческого епископа в борьбе за власть и отсутствия у обновленческого духовенства поддержки среди прихожан⁹.

На основании протокола Съезда благочинных и членов благочинских советов от мирян белгородского викариата от 12 декабря 1927 г., можно проследить позицию белгородского духовенства в отношении декларации митрополита Сергия (Страгородского). После публикации декларации, белгородское духовенство заняло выжидательную позицию. Для разъяснения «современного положения Патриаршей православной церкви, имеющей в центре два течения ВВЦС и митрополита Сергия» в Москву был послан белгородский протоирей А. Попов. По возвращению, которого из столицы, был собран этот съезд.

Почётным председателем на съезде был епископ Белгородский Серафим (Игнатенко), председателем собрания был протоирей В. Спесивцев. В своём докладе А. Попов цитировал привезённые из Москвы документы, на основании которых предложил съезду держаться стороны митрополита Петра (имелся ввиду патриарший местоблюститель Петр (Полянский)), в лице которого представлен ВВЦС. Следующим аргументом являлось то, что ВВЦС была полностью легализована, и это позволит полностью легализовать приходы внутри викариата.

Но в тоже время им было высказано негативное мнение касающиеся обновленческой церкви: «которая хоть и зарегистрирована властью, но оказалась не приемлемой сознанием громадного большинства всех верующих. Обновленческие соборы 1923 и 1925 г. вызвали не успокоение, а ещё больший соблазн и раздор». Тезисы протоиерея А. Попова были полностью приняты большинством голосов (26-ю). Им было «придано руководственное положение при обязательном условии, что бы весь уклад церковной жизни Белгородского викариата в богослужебном и каноническом отношении остался по-прежнему в староцерковном духе».

По поводу «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), съезд согласился с её политической стороной, но выразил озабоченность по поводу того, что в ней, ни чего не сказано по поводу митрополита Петра и обновленцев. Признание власти съезд считал несколько запоздалым¹⁰.

На основании всего вышесказанного можно определить, что летом-зимой 1927 г. прихожане и духовенство как Белгородского уезда Курской губернии, так и Валуйского уезда Воронежской губернии, находилась в выжидательной позиции в отношении декларации митрополита Сергия (Страгородского). Особенностью Валуйского уезда является большое влияние на паству обновленческих священников. Духовенство Белгородского уезда во главе с епископом Серафимом (Игнатенко), поддерживало ВВЦС, в котором видело временно исполняющих обязанностей митрополита Петра. Но поддержка ВВЦС происходило при условии сохранения староцерковного порядка. У священников вызывало беспокойство, что декларация митрополита Сергия вызовет новый всплеск обновленчества. Поддержка ВВЦС со ссылкой на митрополита Петра показывает, что духовенство Белгородского уезда не владела полной информации о судьбе местоблюстителя патриаршего престола, и фактически была изолирована от происходящих внутри РПЦ событий.

Примечания:

1. Поспеловский Д. *Православная Церковь в истории Руси, России и СССР*. М.: Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея, 1996. – С. 261.
2. ГАБО. Ф. Р. 426. Оп.1. Д. 279. – Л. 420 об.
3. ГАБО. Ф. Р. 1522. Оп. 1. Д. 18. – Л. 284.
4. Там же. – Л. 285-286 об.
5. Там же. – Л. 291.
6. Там же. – Л. 296.
7. Там же. – Л. 297.
8. Там же. – Л. 290.
9. ГАБО. Ф. Р. 426. Оп.1. Д. 279. – Л. 421.
9. ГАБО. Ф. Р. 1512. Оп.1. Д. 19. – Л. 5-6.

Моргун О.В. (Харьков)

«ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР» В МОДЕРНИЗАЦИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ СЕЛИМА III

Ключевые слова: Селим III, традиционное общество, модернизация, европеизация (вестернизация), «низам-и джедид».

The key words: Selim III, traditional society, modernization, europization (westernization), "nizam-i djedid".

На рубеже Средневековья и Нового времени не только завершилась перегруппировка сил в лагере исламских государств, главенствующая роль в котором перешла к Османской империи, но и возобновилась конфронтация между христианским и исламским миром. Только теперь во главе экспансии на Запад стояли не арабы, а стремившиеся к новым завоеваниям османы, султан которых после покорения мамлюкского Египта стал считаться халифом, т.е. покровителем всех мусульман¹. До конца XVII в. Европа играла роль обороняющейся стороны. Католические страны терпели одно поражение за другим. Только это не помешало западной цивилизации принять брошенный ей вызов², в ее лоне уже зарождались зачатки капитализма, и она вступала на совершенно новый, более интенсивный путь развития. Трансформации же Османской империи согласно требованиям времени помешал традиционализм восточного общества. После смерти великого везира Соколлу Мехмед-паши в истории данного государства наступило время «Теваккуф деври», «периода остановки», хронологически охватывающего 1579-1683 гг., во время которого османы не предпринимали активных наступательных действий в направлении Европы. Но исламский мир на уровне своего подсознания еще чувствовал свое превосходство над «гяурами». Попытка нового наступления связана с именем великого везира султана Мехмеда IV, Кара Мустафой-пашой, чрезмерно гор-

дым и фанатичным человеком. По преданиям, он повторил перед походом на Вену обещание Баязида II о том, что накормит своего коня на алтаре Святого престола³. Но сокрушительное поражение от Яна Собеского развеяло все надежды о грядущей победе. Османская империя стала проигрывать одну войну за другой, что поставило ее к концу XVIII в. на грань краха. Окончательный триумф Европы в многовековой борьбе продемонстрировал превосходство западных структур над восточными. Правящие круги Османской империи уже в XVIII в. осознали необходимость модернизации их государства. Корень всех неудач виделся в разложении армии, которую необходимо было перестроить, используя европейский опыт⁴.

Существенная роль в процессе вестернизации Османской империи принадлежит Селиму III (1789-1807). Советские и некоторые современные российские историки отождествляют с его именем первый период реформ в истории османов⁵, акцентируя внимание на том, что попытки модернизации этого правителя существенно отличались от деятельности его предшественников, для которой характерны поверхностные и половинчатые нововведения. Данная точка зрения отображает тенденции монополюбно господствующие в мировой османистике до 2-й пол. 70-х гг. XX в. Альтернативный подход в изучении османской модернизации был выдвинут американским исследователем Ст. Шоу, разделившим попытки преобразований на два периода. Первый из них, во время которого проводились поверхностные нововведения, хронологически охватывает 2-ю пол. XVI - нач. XIX вв. Он подразделяется на два этапа. Во время первого из них (кон. XVI-XVII вв.) предпринимались попытки реставрации старых институтов империи. На втором этапе (нач. XVIII - нач. XIX вв.) начинается постепенное заимствование европейского опыта, которое в дальнейшем привело к кардинальным изменениям в жизни общества⁶. Следовательно, эпоха Селима была временем половинчатых преобразований, существенно не отличавшихся от предыдущих попыток модернизации, которые только готовили общество к ломке традиционных институтов. Подобной точки зрения придерживается и современный российский историк М.С. Мейер⁷.

Многообразие подходов в изучении деятельности Селима III, недостаточное внимание к данному вопросу в отечественной историографии порождают актуальность новых исследований. Цель данной работы заключается в рассмотрении и определении исторического значения исламской модернизации рубежа XVIII-XIX вв., тождественной вестернизации, существенную роль в которой пришлось сыграть султану-реформатору Селиму III.

Он считал, что на нем лежит миссия проведения преобразований. Еще до рождения сына, астролог предсказал султану Мустафе III, что его воспитаннику предстоит продолжить дело Османа и восстановить могущество империи. Селиму с детства внушали мысль о его предназначении. Мустафа III даже планировал передать престол перед смертью не своему брату Абдул-Хамиду, а 13 летнему сыну⁸. Но замысел умирающего правителя не удался. Селиму было суждено еще 15 лет просидеть в кафе. Его предшественники, проводя, как правило, в подобной «темнице» довольно большой промежуток времени, не проявляли значительных государственных инициатив, из-за ограниченного уровня образования и, соответственно, мировоззрения. Но будущий реформатор, находясь в кафе, не переставал знакомиться с европейскими идеями во время общения с врачом своего отца Лоренцо, а также начал вести переписку через французского посла в Стамбуле Шуазеля Гуфье с Людовиком XVI⁹.

Однако, получив власть, султану не сразу удалось реализовать свои идеи. Против реформ была настроена многочисленная реакционная прослойка. Удачный повод для воплощения планов Селима III подвернулся после поражения Османской империи в очередной русско-турецкой войне.

В 1792 г. он обратился к высшим чиновникам и духовенству с требованием составить записки – ляихи, которые должны содержать проекты выхода государства из кризиса. В ответ на данный запрос пришли 22 записки-проекта. Их авторами были 20

турок, 1 армянин и, что самое примечательное, 1 швед, находившийся на турецкой службе. Свои ляхи предоставили великий везирь Коджа Юсуф-паша, кетхуда Челеби Мустафа-эфенди, румелийский казаскер Татарджик Абдула-эфенди, башдефтердар Шериф Мехмед-эфенди и др. Все записки не сохранились до нашего времени в оригинале, большинство из них изложены в работах Джебдет-паши – официального дворцового историографа¹⁰.

Данные проекты преобразований слабо повлияли на взгляды Селима III. Для нас они могут быть интересны лишь как документы, по которым можно проследить за отношением высших чиновников к планам реформ. Среди авторов ляхи выделяют консервативный и прогрессивный лагерь. Ярким представителем первого является Татарджик Абдула. Он, правильно понимая суть кризиса и четко излагая его основы, стоит за реставрацию старых средневековых институтов, которые в XIV–XVI вв. [«классический период» османской истории¹¹] лежали в основе побед османского оружия. Шериф Мехмед-паша, напротив, выдвигает противоположную концепцию, предлагая упразднить тимарную систему и заимствовать европейский опыт в области государственного строительства. Как башдефтердар он уделял очень большое внимание области финансов¹².

Большее влияние на формирование реформаторских планов Селима III оказали итоги дипломатической поездки в Вену Ратиб-эфенди. Сразу после подписания мирного договора с Австрией в ее столицу было направлено специальное посольство, перед которым стояла задача изучить особенности государственного устройства могущественной европейской державы. Ратиб-эфенди пробыл в Вене более семи месяцев. По возвращению, он предоставил султану сефарет-наме (посольскую книгу), в которой были изложены результаты его работы. Ратиб-эфенди признавал превосходство европейских государств и объяснял данное явление более высоким уровнем общественного развития западных народов. В Европе власть правителей базируется на преданном ей административном аппарате и модернизированной армии. Государство гарантирует своим подданным право частной собственности, а они исправно платят налоги¹³.

Как уже указывалось выше, под понятием «реформ» в ту эпоху подразумевались преобразования в армии. Время показало, что попытки возродить былую силу данного института не возможно без заимствования европейского опыта. Селим III понимал это как никто другой. В 1796 г. в хатт-и хумаюне обращенном к великому везиру султан пишет: «Я владею оружием наших предков значительно лучше других. Умею пользоваться и луком, и стрелой, и ружьем, и саблей. Но я отлично знаю, что это оружие не сдержит войск, действующих по новой тактике»¹⁴. Такие настроения султана объясняются не его симпатиями к Западу, а логическим расчетом. Подобные действия со стороны власти были вынужденными. Реформы не должны были коснуться области быта. Селим III и его сторонники лишь хотели возродить былую мощь империи, не меняя в корне государственного устройства, а подняв боеспособность армии и активизировав внешнюю политику.

Опорой султана в процессе проведения преобразований стала образованная, по-реформаторски настроенная малочисленная прослойка центрального административного аппарата¹⁵. В руках высших чиновников концентрировался большой объем власти. Из них Селим III создал негласный консультативный орган – «совет трех», который имел намного больше влияния при решении важных государственных вопросов, чем официальные совещательные органы. Со временем «совет трех» был расширен и реорганизован в «совет двенадцати»¹⁶. Для заимствования западной практики было необходимо признать не только отставание Османской империи от Европы, что уже давно было пройденным этапом, а и развеять миф о превосходстве мусульманского мира над христианским, т.е., согласно концепциям мусульманских богословов, «дар ал-ислама» над «дар ал-харб»¹⁷. А это существенно противоречило догматам ислама. На наш взгляд, именно этим фактором можно объяснить характер реформ Селима III, их поло-

винчатость, незавершенность. Преобразования было необходимо проводить постепенно, чтобы избежать большой реакционной волны. Ведь прежде, чем приступить к масштабной инкультурации западных норм в традиционном восточном обществе, его необходимо было подготовить.

О том, что султану не удалось справиться с поставленной перед ним задачей, красноречиво свидетельствуют мемуары европейского путешественника, находившегося в Османской империи на протяжении 1825-1826 гг., который за столь длительный срок смог ознакомиться с традициями и обычаями исламского общества. Он пишет, что «... они [османы] почитают себя единственными божески избранными и думают, что все другие народы суть племена безбожные ...»¹⁸. Из приведенных строк видно, что приемник Селима III Махмуд II должен был столкнуться с той же преградой, что и его предшественник, впрочем, над данной проблемой приходилось задумываться не только всем реформаторам периода империи, она волновала и деятелей республиканской Турции. Европейская цивилизация, которая к XVIII в. уже во всем опережала исламскую, казалась правоверному мусульманину недостойной для подражания.

Совокупность реформ, проведенных Селимом III и его командой, получила наименование в соответствии с названием нового рода войск, созданного по европейскому образцу, который со временем должен был лечь в основу османской армии, – «низам-и джедид», «новая система»¹⁹.

Первым шагом султана стало издание в сентябре 1792 г. «Закона о тимарах и зеаметах», предполагавшего конфискацию земельных владений у сипахи, небрежно относящихся к несению своих служебных обязанностей. И лишь после этого вышел указ о создании корпуса «низам-и джедид» численностью в 12 тыс. чел. Но его комплектация проходила очень медленными темпами, в 1798 г. в корпусе числилось 3-4 тыс. чел., и только к 1804 г. удалось достичь запланированных результатов²⁰. С целью не раздражать янычар, которых современники уподобляли преторианской гвардии за склонность к государственным переворотам²¹, корпус вошел в состав дворцовой гвардии «бостанджи», а не янычарского войска. Одной из проблем государства, которое раздирали коррупция, при реализации военной реформы стал недостаток финансирования. Для получения дополнительных финансовых средств, предназначенных исключительно для проведения преобразований, была создана «ирад-и джедид», «казна новых доходов», которая пополнялась за счет налогов на товары массового пользования и доходов от конфискованных тимаров, сдававшихся на откуп, и некоторых других источников²². Для обучения корпуса «низам-и джедид» приглашались инструктора из Европы.

При комплектации и обучении новой армии возникло множество трудностей объективного и субъективного характера. К первой группе можно отнести природное нежелание юношей записываться в новое подразделение, не смотря на то, что жалование войск «низам-и джедид» было намного выше, чем у янычар. Хронически не хватало кадров для подготовки солдат. Практика приглашения зарубежных специалистов не решала корня проблемы. К факторам субъективного характера относятся сопротивление консервативных и реакционных кругов, поскольку проводимые реформы затрагивали их сословные интересы. Духовенство поднимало вопрос о несоответствии преобразований религиозным традициям.

В первую очередь необходимо было разобраться с объективной группой факторов. Данные действия власти не только сопутствовали воплощению ее планов, но и создавали основы дальнейших трансформаций.

Остро стал вопрос о реорганизации системы образования. В конце XVIII в. обучение в Османской империи можно было получить только в мектебах, начальных учебных заведениях, и медресе, высших духовных училищах. Понятия о специальном среднем образовании не существовало. Сама система имела религиозный характер. Для получения кадров, способных работать в реорганизованных структурах, необходимо было создать светскую систему образования. При реализации задуманных планов, как и в

случае с военной реформой, остро поднялся кадровый вопрос. При проведении европеизации образования нельзя было только пригласить зарубежных специалистов, требовалось воспитать собственную образованную молодежь. С этой целью в Европу на обучение была отправлена группа турок. Далее началось открытие специальных учебных заведений. В 1792 г. возобновило свою деятельность Морское военное училище, основанное бароном де Тоттом в Ускюдаре, пригороде Стамбула. При Селиме III в нем было открыто артиллеристское отделение. Следующим шагом власти в данном направлении стало основание в 1795 г. Султанского сухопутного инженерного училища. Срок обучения курсантов в обеих организациях составлял 4 года. Для организации учебного процесса были приглашены специалисты из Франции, Англии, Германии, Австрии, Италии и Швеции. Курсантам преподавали турецкий, французский, арабский языки, арифметику, географию, топографию, геометрию, баллистику, саперное и фортификационное дело и прочие дисциплины²³.

Попытки модернизировать армию по западному образцу поднимали необходимость постижения европейской научной мысли. Но большинство офицеров и курсантов военных училищ, преподавателей и учащихся специальных учебных заведений, чиновников не знали европейских языков. Научные труды ученых Запада необходимо было перевести на турецкий язык и размножить. Данная задача дала толчок развитию печатного дела. В 1792 г. возобновила свою деятельность типография Ибрагима Мутеферрики, основанная в 1729 г. Сразу она выпустила три трактата мастера военного дела Себастьяна Вобана: в 1792 – «Военное искусство», в 1793 – «Фортификационное искусство», в 1794 – «Искусство ведения осады»²⁴. Вскоре, в 1796 г. открылась новая типография при инженерном училище.

Для дальнейшего проведения реформ Селим III нуждался в расширении социальной базы, чего в свою очередь нельзя было достигнуть без использования политической публицистики. В 1798 г. выходит трактат Махмуда Раифа «Картина нового устройства Османской империи», в 1803 г. издается работа Сеида Мустафы «Памфлет инженера Сеида Мустафы о современном состоянии военного искусства, инженерного дела и науки в Константинополе». Оба автора были сторонниками реформ и благожелательно относились к изменениям. Они с самой лучшей стороны характеризовали политику власти. Сеид Мустафа на собственном примере обосновывал необходимость заимствовать европейский опыт²⁵. Трактаты издавались на французском языке, что очень ограничивало круг читателей в Османской империи, т.е. данные работы были ориентированы на прослойку образованной бюрократии и офицеров. Но султан также хотел поднять интерес к своей деятельности в Европе. Так в 1802 г. работа Махмуда Раифа была издана в Париже и Страсбурге, переведена на немецкий язык и напечатана в Берлине²⁶.

Но даже такие осторожные и половинчатые шаги султана вызывали недовольство в глазах традиционного мусульманского общества. Селим III отрекся от престола 29 мая 1807 г. вследствие государственного переворота²⁷, но его деятельность не прошла бесследно.

Анализируя причины неудач реформ, А.Ф. Миллер в своем исследовании «Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века» четко выделяет 4 основные группы факторов, способствовавших свержению Селима III, которые заключались в стремлении султана к централизации и росте национально-освободительных движений; слабости социальной базы; силе реакционных элементов; внешнеполитических обстоятельствах²⁸, которым посвящена целая глава его работы, поэтому мы не будем концентрировать на них наше внимание. Большой интерес поднимает другой тезис А.Ф. Миллера, о том, что неудачи реформ можно связать со слабыхарактерностью султана²⁹. При первой же опасности Селим III начинал отступление, о чем ярко свидетельствует второй Адрианонопольский инцидент. Конечно, в данном случае нельзя списывать со счетов личные качества султана, но во многом такие действия с его стороны вытека-

ли из самого характера реформ: их половинчатости, незавершенности. Реализуя нововведения, команда Селима III боялась масштабной вспышки народного недовольства. Преобразования было необходимо проводить постепенно, готовя к ним общество, реагируя на все проявления недовольства со стороны народа.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что азиатская модернизация, в отличие от европейской, которая проходила на естественных началах, была вынужденным явлением в жизни общества. Поскольку государствам Востока присуща преимственность³⁰, предполагающая эволюционный путь развития, то изменения в традиционном обществе происходят плавно на протяжении веков и являются слабо заметными для современников. Контакты Востока с современной Европой, которая стремилась к мировому господству, ускорили темп общественного развития. Османская империя, находившаяся на стыке цивилизаций, была вынуждена намного раньше других государств Востока испытать на себе данную тенденцию. Бескомпромиссная борьба с Западным миром привела к истощению исламского государства, не сумевшего перестроить свои институты согласно требованиям времени. Передовые круги Османской империи превосходно понимали то, что было недоступно мусульманским ортодоксам. Для них необходимость заимствования европейского опыта была бесспорной.

Но дефиниция «европейский опыт» тогда воспринималась довольно ограничено. Для Селима III она означала, прежде всего, организацию современной армии. Он считал, что с помощью побед на поле боя сможет восстановить былое могущество его империи. Исторический опыт подтвердил неверность данных размышлений. За реформами в армии следовала трансформация области финансов, системы образования и печатного дела. Но и этого оказалось недостаточно. Требовалась ломка традиционных институтов, на что уже были готовы решиться следующие поколения реформаторов. Эпохе Селима III суждено было стать лишь начальным («подготовительным») этапом в истории вестернизации османского общества. Вопрос же о том, почему последователям султана-реформатора не удалось в полной мере справиться с поставленной перед ними задачей уже не входит в рамки данного исследования.

Примечания:

1. Орешкова С.Ф. *Османская империя в XVI-XVII в.* // *История Востока. Т. 3. М., 1999.* – С. 71.
2. Иванов Н.А. *Цивилизации Востока и Запада на рубеже Нового времени* // *История Востока. Т. 3. М., 1999.* – С. 44-45.
3. Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи.* М., 1999. – С. 367.
4. Ибрагим Мутаферрика. *Основы мудрости в устройстве народов* // *Письменные памятники Востока, 1976-1977. М., 1984.* – С. 139-153.
5. Петросян И.Е., Петросян Ю. А. *Османская империя. Реформы и реформаторы.* – М., 1993. – С. 6.;
- Петросян И.Е., Петросян Ю.А. *О периодизации «эпохи реформ» в Османской империи* // *Turkologia. Л., 1986.* – С. 220-221.
6. Барсукова О.Б. *Рец. на: St.J. Shaw History of the Ottoman Empire and Modern Turkey* // *Народы Азии и Африки. 1979. №1.* – С. 226-227.
7. Мейер М.С. *Османская империя в XVIII в.* // *История Востока. Т. 3. М., 1999.* – С. 287-288.
8. Миллер А.Ф. *Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века.* М. 1947. – С. 368.
9. Новичев А.Д. *История Турции. Т. 2. Л., 1963.* – С. 19.
10. Новичев А.Д. *Подготовка реформ Селима III* // *Тюркологический сборник. М., 1966.* – С. 216.
11. Иналджик Г. *Османська імперія: класична доба 1300-1600.* Киев, 1998. – С. 13-14.
12. Новичев А.Д. *Подготовка реформ Селима III* // *Тюркологический сборник. М., 1966.* – С. 217-218.
13. Петросян Ю.А. *Османская империя. Могущество и гибель.* М., 1990. – С. 170.
14. Хатт-и хумаюн Селима III, 1796г. // *Хрестоматия по новой истории. Т. 1. М., 1963.* – С. 488-489.
15. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. *К вопросу о движущих силах реформаторского и конституционного движения в Османской империи* // *Тюркологический сборник, 1979. М., 1985.* – С. 111.
16. Миллер А.Ф. *Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века.* М., 1947. – С. 76.

17. Иванов Н.А. *Цивилизации Востока и Запада на рубеже Нового времени // История Востока. Т. 3. М., 1999. – С. 42.*
18. [К. Д.] *Два года в Константинополе и Море (1825-1826) или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагим-паши, Сулейман-бея и прочих. СПб., 1828. – С. 28.*
19. Миллер А.Ф. *Мустафа-паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М., 1947. – С. 75.*
20. Гастарян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. *Очерки истории Турции. М., 1983. – С. 82.*
21. [К. Д.] *Два года в Константинополе и Море (1825-1826) или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагим-паши, Сулейман-бея и прочих. СПб., 1828. – С. 105.*
22. Новичев А.Д. *История Турции. Т. 2. Л., 1963. – С. 29-31.*
23. Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. *История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX веков) М., 1965. – С. 16.*
24. Желтяков А.Д. *Печать в общественно-политической жизни Турции (1795 – 1908). М., 1972. – С. 39-40.*
25. Петросян Ю.А. *Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи. М., 1985. – С. 35-37.*
26. *Там же. – С. 36.*
27. *См. подробнее: Новичев А.Д. История Турции. Т. 2. Л., 1963. – С. 55-59.*
28. Миллер А.Ф. *Мустафа-паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М., 1947. – С. 98.*
29. *Там же. – С. 107.*
30. Иванов Н.А. *Цивилизации Востока и Запада на рубеже Нового времени // История Востока. Т. 3. М., 1999. – С. 30.*

Пастушенко А.А. (Харьков)

О СОСТАВЕ КОРАБЕЛЬНЫХ КОМАНД И ПРИЧИНАХ КОРАБЕЛЬНЫХ БУНТОВ В АНГЛИИ XVI В.

Ключевые слова: пираты, рыбаки, акт, мятеж
The key words: pirates, fishermen, Act, mutiny

Изучение истории конфликтов на море в Англии времен царствования Елизаветы I влечет исследование не только широкого круга проблем связанных с причинами конфликта и социальным составом групп конфликтующих, но также обозначение свойственной конфликту психологической остроты «наболевшего». Все это проливает свет на общие тенденции развития и характер морского сообщества Англии второй половины XVI в.

Среди работ западной историографии посвященных морской социальной проблематике Елизаветинского периода английской истории следует выделить работы Ч. Фьюри, Д. Уильямсона, К. Эндрюса, В. Штокмар¹. Для имеющихся исследований характерен комплексный и проблемный подход в освещении темы. Но, затрагивая вопросы, связанные с социальным составом или социальными возмущениями во флоте, указанные историки не рассматривали эти вопросы в их взаимосвязи.

Прежде всего, есть необходимость разобраться в том, какими путями пополнялись в раннее Новое время команды тюдоровских кораблей и как социокультурная среда обуславливала возникновение корабельных бунтов.

В историографии широко распространено мнение о том, что рост морских команд был непосредственно связан с так называемой «аграрной революцией», сгоном крестьян с огораживаемых земель, что в XVI в. получило свое наиболее сильное развитие (Л. Джексон, В. Штокмар²). Однако в этом вопросе не совсем ясна аргументация того, как в XVI в. необученные морскому делу крестьяне могли в массовом порядке пополнять судовые экипажи.

При всей очевидной важности морских вояжей как дополнительных источников накопления капитала, вполне возможно, что порожденные «аграрной революцией» массы обезземеленных крестьян принимали в морских плаваниях лишь минимальное уча-

стие, если подразумевать под крестьянами только разоренных земледельцев, а не их потомков, которые по существу уже крестьянами не являлись.

Уместно вспомнить пример с Френсисом Дрейком. Будучи сыном сельского приходского священника, он большую часть детства провел в полуразвалившемся корабле, затем ему удалось стать юнгой на работорговом судне и пройти морскую науку непосредственно на практике³. Впрочем, из всей плеяды знаменитых «морских псов» Елизаветы I пример с фермерским сыном Дрейком является лишь единичным случаем, исключением, а не правилом.

Согласно испанским и английским источникам, в кругосветном плавании Френсиса Дрейка принимали участие только опытные мореходы⁴. По уверениям алькальда Гуатулько Гаспара де Варгаса, сам Дрейк хвалился тем, что «в целом мире не найдется человека, который понимает искусство навигации лучше, чем он»⁵.

Между тем в Англии описываемого времени не существовало никаких учебных заведений рассчитанных на обучение морскому делу. Все обучение, как и в случае с Дрейком, сводилось к непосредственной практике. Ученики, вероятно, выполняли на кораблях работу «сваберов», то есть мойщиков палубы, или «юнkerов», которых губернатор Виргинии Джон Смит называет «молодыми людьми, или людьми фок-мачтовыми, которые заведуют топселями, или топами и реями, убирают паруса, сбрасывают, подтягивают или привязывают реи и помогают рулевому»⁶.

Несмотря на большую потребность в квалифицированных моряках, за все столетие королевская власть издала только один статут, затрагивающий вопросы морского обучения – «Ремесленный акт» (Statute of Artificers) (1563 г.). Указ, который отменял все предшествующие разрозненные акты «относительно удержания, увольнения, заработной платы и принятия на службу учеников, служащих и чернорабочих». Согласно статутному предписанию, на учебу должно было отводиться не меньше семи лет⁷.

По мнению Ч. Фьюри, причина отсутствия стандартов обучения и специальных заведений заключалась в том, что за всю предшествующую историю в Англии так и не сложилось мореходного цеха⁸.

Предписывающий обязательную занятость «Ремесленный акт» был одной из попыток поставить на государственную службу, в том числе и на службу во флоте, многочисленных бродяг и нищих. Впрочем, усилия королевской власти наталкивались на глухое нежелание мореплавателей брать на службу людей без опыта работы, что отмечал известный меркантилист конца XVI в. Томас Мэн: «Никто из наших купцов, ведущих торговлю с чужими странами, не принимает новичков, которые никогда не были на море», а это в свою очередь могло бы избавить страну от нищеты⁹.

При создавшихся условиях единственным выходом казалось поощрение рыболовецкого промысла, как формы индивидуального приобретения морского опыта. Сначала правительство издало Акт о навигации (1563 г.), затем в 1581 г. – Акт «Об увеличении численности моряков и о поддержании судоходства», в котором уже раздавались жалобы о том, что Англия скоро останется без необходимого числа моряков. Согласно первому указу, всех рыбаков и моряков, ходивших в море, запрещалось принуждать против их воли служить солдатами на суше и на море. Вторым Актом правительство запрещало английским подданным ввозить пойманную иностранцами рыбу, допуская ее ввоз только теми, кто ее ловил. Но уже в 1597 г. закон 1581 г. был отменен, поскольку сами англичане не могли заготовить и одной десятой части нужной им рыбы¹⁰.

Учитывая соотношение зарплат и стоимости кораблей, занятие рыболовством в открытом море для частного лица было крайне проблематичным. Так, например, в начале XVI в. стоимость самых маленьких кораблей в тюдоровском флоте «Мэри Фортун» и «Суипстэйк» составляла 110 фт. ст. и 120 фт. ст., при следующих зарплатах: адмирал получал во флоте 10 шиллингов в день, капитан – 18 пенсов в день, лоцман – 20 шиллингов в месяц, матрос – 5 шиллингов в месяц и на такую же сумму провизии¹¹.

Пугало также, что многие рыбаки в условиях жесткой конкуренции со стороны иностранцев предпочитали заниматься опасным, но зато более прибыльным пиратством. В 1575 г. королевская власть издала прокламацию, в которой наряду с жалобами о том, что на иностранной службе многие моряки и рыбаки становятся пиратами, раздавались призывы ко всем работающим за границей английским мореходам вернуться обратно на родину¹².

Между тем к XVI в. в прибрежных водах и особенно в Ла-Манше сложилась ситуация, когда ни один капитан не мог быть спокоен за безопасность своего судна. В распоряжениях английских Тюдоров конца XV - XVI вв. касательно пиратства неоднократно упоминалось слово «ежедневное» (daily, dayly)¹³. Особенно в этом отношении преуспевали разбойники с родины многих знаменитых «морских псов» – Девона и Корнуэлла, где пиратство издавна было традиционным промыслом. Следовательно, складывалась ситуация, когда альтернативным источником пополнения судовых экипажей военно-морского и торгового флотов становились банды пиратов. В этом отношении характерен приказ от 8 июля 1563 г. вице-адмиралу Девона сэру Артуру Чэмперноуну о зачислении на королевскую службу «лиц арестованных по обвинению в преступлениях на море»¹⁴. Так подтверждается тезис английских историков о том, что корсарство в тюдоровской Англии было самой значительной «английской школой навигации и военно-морских предприятий»¹⁵. Но истоки этой школы заключались отнюдь не в патриотическом подъеме масс.

Таким образом, следует выделить два магистральных источника пополнения судовых экипажей – рыбаки и преступники. При этом, учитывая слабость рыболовецкого промысла, вполне логично отводить в этом вопросе первое место преступникам.

Формируемые указанным путем команды должны были быть весьма своеобразными образованиями, но, как отметил К. Эндрюс, морских бунтов при Елизавете I наблюдалось значительно меньше, чем при Стюартах, при которых мятежи получили особенное развитие в предреволюционные годы правления Карла I. Сравнительно небольшое количество возмущений вполне объяснимо, если учитывать описанное М. Ябровой широкое распространение колониальной пропаганды и антииспанскую политику елизаветинской Англии, позволявшей матросам наживаться за счет каперских призов¹⁶. К. Эндрюс утверждает, что бунты во второй половине XVI в. в большей степени возникали из-за споров при разделе добычи¹⁷. Характерен в этом отношении мятеж судна «Контент» 19 ноября 1587 г., начавшийся после захвата Томасом Кавендишем манильского галеона «Санта-Анна». Бунтующих удалось усмирить предоставлением им третьей части от захваченной добычи¹⁸.

Но если мятеж на «Контенте» сводился только к перераспределению добычи, то бунт, поднятый против Дрейка в 1587 г. на судне «Голден Лайон», выражал совсем иные чаяния. «Я был на палубе вместе с капитаном Мэрченом, – сообщает в показаниях участник возмущения вице-адмирал Уильям Бороу, – когда один из квартирмейстеров вручил упомянутому капитану письмо, составленное от лица всей компании, в котором они сообщали о, претерпеваемых ими, слабости и немощности по причине очень плохого питания. Далее они говорили, что на корабле осталось слишком мало продовольствия и что уже заболело 46 человек. Поэтому, за неимением иного выхода, они вынуждены с попутным ветром самовольно вернуться в Англию»¹⁹.

Мятеж был вполне закономерен, поскольку обычный рацион на английских военных судах того времени включал только сухари, говядину, рыбу и пиво. И это при том, что в постоянной сырости мясо неизменно червивело. В английском рационе отсутствовали полезные для иммунитета вино, чеснок и лук, – продукты весьма распространенные в испанском флоте. Если сравнивать с рационом французских моряков XVI в. то оказывается, что ассортимент французов включал сухари, свежий хлеб, муку, сидр, пиво, вино, соль, говядину, баранину, свинину, масло, горох, рыбу и кислый сок²⁰. Очевидно, что состояние провианта на английском флоте оставляло желать лучшего.

Среди причин бунтов значится еще один мотив – антагонизм между привилегированной джентльменской прослойкой и рядовым составом экипажа. Примером тому могут послужить разногласия на кораблях Дрейка в 1578 г. в Магеллановом проливе, когда адмирал был вынужден умирять споривших внушительной речью о том, что он не потерпит тех джентльменов, которые отказываются «тянуть канат вместе с братом моряком», и о том, что «все должны работать в гармонии, джентльмен с моряком, а моряк с джентльменом»²¹.

Итак, из всего выше изложенного со всей очевидностью следует, что в XVI в., при росте объемов торговли и постоянных войнах с Францией, а затем с Испанией, Англия не располагала стандартной и стабильной системой подготовки новых кадров для морского флота. Традиционное обучение, будучи исключительно индивидуальным и ситуативным, готовило новые кадры слишком медленными темпами. Складывалась ситуация, когда при быстром росте маргинальных масс в городах судоходство, которое остро нуждалось в опытных матросах, не могло эти массы поглощать. Попытки сделать ставку на сравнительно малочисленных рыбаков в условиях жесткой конкуренции со стороны иностранцев давали слишком незначительные результаты. Поэтому уже в 60-е гг. XVI в. власть обращает внимание на пиратов, в частности, на разбойников из Девоншира и Корнуэла, где пиратство уже давно стало профессиональным помыслом. Однако при этом стоит отметить, что среди набранных таким путем команд бунты в XVI в. происходили намного реже, чем в XVII в. По нашему мнению, здесь сыграла свою роль колониальная пропаганда и высокая каперская активность. При этом для XVI в. можно выделить три причины, толкавшие к мятежам: во-первых, споры при разделе добычи, во-вторых, низкое качество питания и высокий уровень заболеваний и, наконец, растущий социальный антагонизм между привилегированной джентльменской прослойкой и рядовыми членами экипажа.

Примечания:

1. Fury Ch.A. *Tides in the affairs of men: the social history of Elizabethan seamen, 1580-1603*. Westport, 2002; Williamson J. *Maritime enterprise 1485-1558*. Oxford, 1913; Andrews K.R. *Ships, money, and politics: seafaring and naval enterprise in the reign of Charles I*. Cambridge, 1991; Штокмар В.В. *Очерки по истории Англии XVI века*. Л., 1957.
2. Jackson L.P. *Elizabethan Seamen and the African Slave Trade* // *The Journal of Negro History*. Vol. 9. № 1. January, 1924. – P. 4; Штокмар В.В. *Очерки по истории Англии XVI века*. Л., 1957. – С. 79.
3. Wood W. *Elizabethan Sea-Dogs. A Chronicle of Drake and His Companions*. New York, 1918. – P. 95-98.
4. *New Light on Drake. A Collection of Documents Relating to his Voyage of Circumnavigation 1577-1580* / trans. and ed. by Zelia Nuttall. L., 1914. – P. 424-428.
5. Wilson D. *The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577-1580*. L., 1977 – P. 29.
6. *The Travels of Captain John Smith*. Glasgow, 1907. Vol. 2. – P. 260.
7. *An Act Touching Divers Orders for Artificers, Labourers, Servants of Husbandry, and Apprentices (Statute of Artificers, 1563:5 Eliz. I, c. 4)* // *The Tudor constitution: documents and commentary* Geoffrey Rudolph Elton. Cambridge, 1982. – P. 478-482.
8. Fury Ch.A. *Tides in the affairs of men: the social history of Elizabethan seamen, 1580-1603*. – P. 3 – 4.
9. Яброва М.М. *Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления капитала*. Саратов, 1966. – С. 46.
10. Штокмар В. *Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его развития*. Л., 1962. – С. 103-104.
11. Williamson J. *Maritime enterprise 1485-1558*. – P. 343, 363.
12. 1575. *Proclamation Recalling English Seamen from Serving Foreign Princes*. – S. P. Dom. Elizabeth, Vol. 1 cv, No. 83. // *Documents Relating to Law and Custom of the Sea. 1205-1648* / Ed. by R.G. Marsden. L., 1915. – Vol. 1. – P. 202-204.
13. *Documents Relating to Law and Custom of the Sea. 1205-1648*. / Ed. by R.G. Marsden. L., 1915. Vol. 1. – P. 145, 147, 221, 253, 258.
14. *Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign Edward VI., Mary, Elizabeth. 1547-1580*. L., 1856. – P. 226.
15. Woodward W.H. *A short history of the Expansion of the British Empire 1500-1923*. Cambridge, 1926. – P. 21-22.

16. Яброва М.М. *Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления.* – С. 30-45.
17. Andrews K.R. *Ships, money, and politics: seafaring and naval enterprise in the reign of Charles I.* – P. 62-63.
18. Герхард П. *Пираты Новой Испании. 1575-1742.* М., 2004. – С. 91-92.
19. *Borough's Statement in Answer to the Charge of Having Procured the Mutiny and Desertion of the Lion // Papers Relating to the Navy During the Spanish War, 1585-1587 / Ed. by Julian S. Corbett. L., 1898.* – P. 150.
20. Williamson J. *Maritime enterprise 1485-1558.* – P. 363; Konstam A. *Spanish Galleon 1530-1690.* New York, 2004. – P. 35.
21. Wilson D. *The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577-1580.* – P. 93.

Петров С.Д. (Харьков)

РЕФОРМА СЛОБОДСКИХ ПОЛКОВ 30-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА: ПРОВЕДЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: реформа, указ, слободские полки, административное управление, регулярные роты, полковые канцелярии, социально-экономические преобразования, модернизация.

The key words: reform, edict, Slobidsky regiments, administrative management, regular companies, regimental office, social and economic changes, modernization.

В середине 30-х годов XVIII в. на территории слободских полков происходит ряд преобразований, которые в исторической науке названы «модернизацией» слободских полков. Эти преобразования были направлены на унификацию законодательных положений автономии слободских полков с законодательством Российской империи, т.е. ликвидацию внешних признаков казацкой автономии на Слободской Украине.

Слободские полки – своеобразные иррегулярные военные формирования, образовавшиеся на украино-русском пограничье в результате массового переселения на междуречье Псла, Ворсклы, Северского Донца и Дона, находившихся во владении Русского государства, значительного количества населения с украинских земель в середине XVII – середине XVIII вв. Территория, на которой располагались слободские полки, получила название Слободской Украины, и охватывает нынешнюю северную часть Харьковской, Луганской, Донецкой, южную – Сумской областей Украины, западную часть Курской и южную часть Белгородской и Воронежской областей Российской Федерации. На территории слободских полков действовала такая же система управления, как и на бывших землях украинских переселенцев. В то же время политическое развитие этих земель происходило под влиянием царской власти.

После прихода к власти Петра I был провозглашен курс на интеграцию автономных окраин в единое государство. Сначала этот процесс был довольно слабым, но с началом проведения реформ в России (особенно после губернской реформы 1708 г.) процесс унификации государства усиливается. Политика унификации в отношении автономных слободских полков в 1710-х – 1720-х гг. имел характер частичных преобразований полков на регулярные части путем их подчинения бригадиру слободских полков, Украинской дивизии, а в 1726 г. и Военной коллегии, причем не затрагивалась традиционная система управления на Слободской Украине.

Именно в таком состоянии полки подошли к рубежу 1720-х – 1730-х гг. Именно в это время усиливается политика централизации государства российским правительством. В 1727 г. была проведена административная реформа местного управления. Ю.В. Готье в отношении ее употребляет термин «областная реформа»¹, но современный исследователь Л.В. Милов называет ее «контрреформой», т. к. она, по его мнению, ликвидировала петровскую систему местных учреждений и уничтожила начавшийся

тогда в России процесс разделения судебной и исполнительной функций местных учреждений². Причиной областной контрреформы стало то, что в середине 20-х гг. XVIII в. Россию охватил финансовый кризис, вызванный постоянно растущими доимками. Среди причин контрреформы также была громоздкость петровской системы управления империей на местном уровне, отсутствие достаточного числа квалифицированных чиновников нижнего эшелона. Негативно к ней относилось дворянство России, которому «реформа пришлось не ко двору»³. Империя нуждалась в сокращении «лишних расходов» и реформировании «дорогих и малополезных» петровских областных учреждений⁴. По реформе от 15 марта 1727 г. создавался минимум местных учреждений для «обобщающего» и «дешевого» управления регионами страны, подчиненные жёсткой системе регламентации и централизации. Минусом этой системы местного иерархического управления была перегрузка учреждений делопроизводством. По-прежнему не доставало достаточного количества квалифицированных канцелярских служащих, причем государство не предоставляло им стимулов к работе, что делало эту профессию не привлекательной. Реформа 1727 г. не была одномоментной, и имперское законодательство приводилось к нормам новой системы местного управления по оформлению унифицированной структуры аппарата местной власти и делопроизводства до 1733-1736 гг. Подобные реформы проводились в армии: происходила регуляризация службы, создавалась система для обеспечения армии финансами и продовольствием, унифицировалось делопроизводство. Унификация, регуляризации и централизации административной, финансовой, судебной и военной сферы Российской империи дали в целом положительные результаты в управлении государством и отчасти в армии.

Преодолев внутренние проблемы в государстве, в начале 30-х XVIII в. правительство императрицы Анны активизирует внешнюю политику на южном направлении, а также проводит в ходе военных приготовлений реформы в армии. Идея новой русско-турецкой войны за выход к Черному морю вызрела в российских кругах еще при Екатерине I, а при Анне эта идея была реализована. Подготовка к войне вызвала большой интерес к южным границам Российской империи (в т.ч. к Слободской Украине), которые предполагалось сделать главным плацдармом для русско-турецкой войны, а потому управление этими землями необходимо было подчинить центральной власти. Кроме того, Слободская Украина в условиях военных действий должна была стать одним из главных поставщиков продовольствия и фуража для армии.

Осуществлению в полном объеме этих планов российскому правительству «мешала» автономия слободских полков, данная им рядом царских грамот, которая одним из пунктов предполагала осуществление местной власти и судопроизводства по «черкасской обычности». Следственно, необходимо было сломить сопротивление традиционного слободского общества.

Подготовка к проведению реформы началась в июне 1732 г. с проведения переписи слободских полков и «малороссиян» (украинцев), проживающих в великорусских губерниях, руководство которой было поручено майору лейб-гвардии Семеновского полка Михаилу Хрущеву⁵. Перепись явилась началом «модернизации» автономных слободских полков.

Исходя из всех приведенных выше фактов, реформа, которую проводил князь А. Шаховский, была продуманной заранее, и ждала момента для воплощения в жизнь. Князь Алексей Шаховский, генерал-лейтенант и полковник Конной гвардии, – видная фигура среди российских управленцев 1-й пол. XVIII в., сделавший карьеру, особенно после прихода к власти Екатерины I. Князь Шаховский, начиная с 1727 г. и до своей смерти занимается вопросами, связанными с управлением украинскими казацкими автономиями Гетманщины и Слободской Украины.

Преобразования же начались с указа императрицы Анны от 23 декабря 1732 г., согласно которому А. Шаховскому было необходимо «привести в лучшее состояние и

содержание слободские полки»⁶. Также ему была дана тайная инструкция о регуляризации казачьих подразделений.

Зимой 1733 г. князь А. Шаховский прибыл в г. Сумы, бывшие тогда самым большим городом на Слобожанщине. Далее указом от 10 апреля 1733 г.⁷ ограничивалось количество казаков во всех полках в 4200 чел. Остальные казаки переводились в подпомощники. В каждом полку создавались при полковнике регулярные драгунские роты численностью 100 чел., возглавляемые капитаном (ротмистром). На смену полковым ратушам учреждены полковые канцелярии. Суд должна была вершить полковая старшина во главе с полковником согласно Уложению 1649 г. и законодательству Российской империи.

По указу от 7 июня 1733 г.⁸ назначения (аттестация) на старшинские должности происходили в Военной коллегии путем выбора из 3-х кандидатов, каждый из которых должен был иметь аттестат – список их достижений. Полковым старшинам воспрещалось быть сотниками. Подпомощники распределялись на «присяжные двory» (1 двор – 50 душ), и должны были платить в доход полка или владельца этого двора по 1 порции и 2 рации в год, или 9 руб. 43 коп. 8 четей, а с одного человека – 18 коп. 3 чети. Определялись согласно занимаемой должности «должностные двory» всем полковым старшинами, сотникам и чиновникам полковой канцелярии. Казаки, имевшие свои земли, не могли претендовать на подпомощников. Устанавливался сбор в размере 10 коп. с казачьих детей и свойственников. По узаконению 23 октября 1733 г. регуляризовалась система подачи апелляций, которые должны были подаваться в другие полковые канцелярии⁹.

По указу 31 июля 1734 г. количество казаков в полках оставалось 4200 чел. Подтверждались старые жалованные грамоты слободским полкам, а таможенные, шинкарские и мостовые сборы теперь оставались в ведении полковых канцелярий. Запрещалась раздача земель без разрешения высших инстанций¹⁰. Указ от 27 августа 1734 г. создавал Канцелярию комиссии учреждения слободских полков, в которую, помимо возглавлявшего ее А. Шаховского, входило еще 2 «великороссиянина». Канцелярия комиссии должна была рассматривать апелляционные судебные дела и регистрировать земельные акты. А. Шаховский получал право назначения на старшинские должности, кроме полковничьих и обер-офицерских чинов, которые утверждались в Военной коллегии¹¹.

Таким образом, реформа, проведенная А. Шаховским, значительно изменила «традиционную» автономную систему управления слободскими полками в административной, судебной, бюрократической, военной и фискальной сферах. Ниже мы покажем, какие изменения произошли после реформы в вышеназванных сферах.

В ходе преобразований в административной сфере полковые ратуши стали полковыми канцеляриями. Это была смена названия учреждений на русский манер. В полковых канцеляриях делопроизводство должно было вестись по общероссийскому образцу. Такими должны были быть и полковые печати. В это же время проф. Бекенштайн пытался создать новые гербы слободским полкам, но это дело так и не было доведено до конца, и в слободских полках в основном остались старые гербы¹². Наконец, учреждалась Канцелярия комиссии учреждения слободских полков, которая сосредоточила в своих руках высшую административную и судебную власть в Слободской Украине. Она создавалась по образцу губернских канцелярий. В этой Канцелярии у ее главы было 2 товарища «великороссиянина», что объясняется не размерами территории слободских полков (как было согласно Воеводской инструкции), а важностью этого региона и самим процессом унификации системы управления в регионе с общероссийской. Из этого можно сделать вывод, что Шаховский фактически становился губернатором слободских полков и главой «губернской» канцелярии. Таким образом, можно говорить о создании квази-губернии в структуре Российской империи, т.к. фактически произошло законодательное оформление статуса Комиссии учреждения слободских

полков. На наш взгляд, именно создание из слободских полков «особой губернии» было главной целью данной реформы, а из этого вытекали преобразования в полках по унификации системы управления в них.

Судебные дела полковые канцелярии должны были рассматривать не по обычному праву украинского казачьего общества, а согласно Уложению и российскому законодательству. Это уничтожало судебную казачью традицию, что вызвало недовольство всего слободского украинского общества, ведь отличия между обычным правом украинских земель и Уложением были существенными в правовом положении различных групп населения и в их ответственности перед законом. Кроме того, теперь на судебных заседаниях председательствовал полковник, а должность полкового судьи становилась лишь офицерским чином¹³. Апелляций на судебные дела сначала подавались в другие полковые канцелярии, а позже – в Канцелярию комиссии учреждения слободских полков, а оттуда в Юстиц-коллегию и Сенат.

В бюрократической сфере также произошли значительные изменения. В частности, это введения системы аттестаций для старшины (как происходили назначения российских гражданских и военных чиновников). В состав полковой старшины был включен ротмистр, возглавлявший регулярную сотню. Ликвидировался обычай, когда полковая старшина являлась одновременно сотниками, хотя в то же время в России губернаторы были провинциальными и городскими воеводами провинции и уезда, центром которой был губернский город. В августе 1734 г. назначение старшины, кроме полковника, было передано А. Шаховскому.

Военные изменения ограничивали количество казаков в Ахтырском полку в 1000 чел., а в Харьковском, Сумском, Изюмском и Острогжском – по 800 чел., а также создавали в каждом полку регулярную роту драгун, в которую записывали самых обеспеченных казаков, а потому в полках оставались средние и бедные казаки, записанные в компанейцы.

Регуляризировалась система налогообложения: неказачье население платило налог в 18 коп. и 3 чети в год, в свойственники и дети казаков – по 10 коп.

Таким образом, реформа Шаховского касалась лишь административного реформирования полков. Создавалась запутанная система надзора и управления Слободской Украиной, когда в гражданском управлении слободские полки подчинялись Канцелярии комиссии учреждения слободских полков, а в военном – бригадиру слободских полков и командованию Украинской дивизии, через которую они управлялись Военной коллегией.

Вскоре после осуществления реформы было проведено ряд дополнительных мер административного, военного и социально-экономического характера. Указом от 11 февраля 1736 г.¹⁴, устанавливалось, что количество подпомощников должно быть всегда таким, каким оно было по переписи 1732 г., а также правила рассмотрения земельных споров. Необходимо заметить, что в 1735 г. при полковых канцеляриях были созданы крепостные конторы, в которых в течение 1,5 лет можно было официально беспроцентно оформить и закрепить за собой земли, а по истечению этого периода – за уплату пошрины¹⁵. Право же вольной заимки было запрещено еще во время реформы Шаховского, но полностью ликвидировано в 1736 г.

В 1737 г. из пяти регулярных рот, численность каждой из которых была увеличена до 200 человек, был создан Слободской драгунский полк, который комплектовался из казаков. Этот полк, содержался из налогов, уплачиваемых населением слободских полков. Кроме того, население слободских полков содержало 4 великороссийских полка: 3 драгунских и Белгородский гарнизонный полк,

После этого внимание правительства было уделено на преобразования в социально-экономической жизни региона. Так, указом от 29 мая 1738 г. запрещалось принимать «малороссиян» из слободских полков в Гетманщине и великороссийских губерниях, а находившихся там необходимо было отсылать на прежние места жительства за их

счет, определялась правовая ответственность за побеги крестьян, а также за их прием и сокрытие¹⁶.

В 1742 г. снова вышла серия указов об изменениях в правовом отношении крестьян в слободских полках. Указами мая – июля 1742 г. запрещалось владельцам закрепощать крестьян, которые должны были быть в их услужении¹⁷. Наконец, в указом от 18 августа 1742 г. на Гетманщине разрешались переходы крестьян с места на место, но на слободские полки этот пункт не распространялся (упоминается лишь Генеральная войсковая канцелярия)¹⁸.

Таким образом, после проведения реформы по улучшению управления слободскими полками правительство берет за ограничение права крестьян на вольные переходы с места на место, и от одного владельца к другому, которое распространяется лишь на территорию слободских полков.

Слободская Украина стала первой территорией в Российской империи, в которой была осуществлена полномасштабная модернизация по ограничению ее автономии, потому что эта автономия была самой слабой из всех административных единиц, пользующихся ею¹⁹. Казацкая автономия на Слобожанщине была, в отличие от Гетманщины, не завоеванной, а дарованной царем, который мог ее отменить. Следовательно, Слободская Украина не имела другого выхода, как ранее или позднее попасть под «модернизационные течения».

Реформа рушила традиционные устои общества Слободской Украины. Было ликвидировано право слободской старшины на распоряжение полковыми землями. Этим фактически старшина лишалась права управлять территорией своих полков, но ответственность за исполнение административных функций полковых канцелярий, напротив, увеличивалась. Увеличиваются землевладения «великорусского» дворянства, которое, получая тут земли, относилось к крестьянам, как к крепостным, а потому выходит ряд указом о запрещении «крепить в холопство». Усиливалось фискальное давление на слободские полки в связи с русско-турецкой войной 1735–1739 гг., в которой Слободская Украина была одним главных плацдармов и продовольственных баз для русских войск, а также для содержания полков, расквартированных на ее территории. Большой удар по слободским полкам нанесла чума 1736–1738 гг., унесшая примерно 40–60 тысяч жизней.

Экономическое «изнеможение» слободских полков усиливается внутривластными распрями. Причиной этому послужили несколько факторов. Вскоре после проведения реформы слободских полков Военная коллегия начала назначать старшину в ранг без должности (ваканс-должности), которая получала эту должность после ухода с нее лица, занимавшего ее в данный момент. Это приводило к различным должностным злоупотреблениям, по факту которых с конца 1730-х – начала 1740-х гг. неоднократно проводились правительственные следствия. В 1730-х гг. правительство начинает практику назначения в полковники старшины, что вносило сложности в управлении полками и взаимопонимания между старшиной. Это не давало возможности старшине консолидироваться, и она становилась все более разобщенной. С концентрацией земельных распорядительных функций в Канцелярии комиссии учреждения слободских полков, усиливается коррупция в стремлении получить земли.

«Изнеможение» слободских полков вызвало необходимость отмены данной реформы, что было сделано императрицей Елизаветой в сентябре – ноябре 1743 г.²⁰, но эта отмена была лишь частичной. Слободские полки, как и раньше административно подчинялись Белгородской губернской канцелярии, а в военном плане – Военной коллегии. Количество казаков в слободских полках увеличивалось до 5 тыс. чел. Отменялись лишь все новации, непосредственно связанные с административными и судебными функциями Канцелярии комиссии учреждения слободских полков, остальные положения реформы продолжали действовать. Расформировывался также Слободской драгунский полк.

Реформу слободских полков следует рассматривать как своего рода эксперимент в «модернизаторской политике» в окраинных регионах Российской империи, пользовавшихся тогда автономией. «Модернизация» слободских полков, в свете ее последствий, на наш взгляд, является «неудавшимся экспериментом», который привел к негативным последствиям в социально-экономической и демографической сферах в слободских полках. Необходимо также учесть и факт неготовности старшинской элиты к радикальным изменениям, рушившие традиционные устои общества. Неготовность старшины была вызвана глубокой традиционностью слободского общества и старшинских привилегий. Попытка навязать чуждую для Слободской Украины модель и методы управления ударили по сознанию старшины в области политической и моральной стойкости и единства привилегированной группы населения, что вылилось в дальнейшем в постепенном политическом ослаблении старшины, и отчуждением одного представителя старшины от другого. А потому количество злоупотреблений в дальнейшем увеличивалось. Получило распространение доноительство т.к. продолжались раздаваться ваканс-должности. И с конца 1740-х гг. постоянны были следствия о злоупотреблениях различных представителей старшины. Реформы в области налогообложения слободских полков вызвали значительное бегство крестьян из региона, а потому преобразования в социально-экономической сфере имели характер постепенного ограничения его прав и свобод, в частности, свободы переходов.

Таким образом, результаты реформ показали, что столь радикальные и резкие изменения в отношениях империи и автономии были еще преждевременными, т. к. не вызрели социально-экономические отношения, которые бы подготовили почву для распространения всеимперского законодательства на всю территорию автономии.

Примечания:

1. Готье Ю.В. *История областного управления России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727-1775 гг.* М., 1913. – С. 18
2. *История России XVIII-XIX веков / Л.В. Милов, Н. И. Цимбаев; под ред. Л.В. Милова.* М., 2008. – С. 178-179.
3. Готье Ю.В. *Указ. соч.* – С. 18.
4. Там же. – С. 20-21; Павлова-Сильванская М.П. *Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Авсolutизм в России.* М. – С. 460-461.
5. ПСЗ. Т. VIII. № 6099. – С. 858 – 859, от 20 июня 1732 г.; № 6105. – С. 863-864, от 27 июня 1732 г.
6. ПСЗ. Т. VIII. № 6289. – С. 1002, от 23 декабря 1732 г.
7. ПСЗ. Т. IX. № 6366. – С. 78, от 10 апреля 1733 г.
8. ПСЗ. Т. IX. № 6430. – С. 156-159, от 7 июня 1732 г.
9. Маслійчук В.Л. *Провінція на перехресті культур.* Харків, 2007. – С. 135.
10. ПСЗ. Т. IX. № 6610. – С. 383-387, от 31 июля 1734 г.
11. ПСЗ. Т. IX. № 6619. – С. 403-404, от 27 августа 1734 г.
12. Однороженко О. А. *Територіальна геральдика Слобідської України козацької доби (2-а половина XVII – середина XVIII ст.).* Харьков, 2002. – С. 9-10.
13. Маслійчук В.Л. *Козацтво Слобідської України // Історія українського козацтва.* Т. 1. Київ, 2006. – С. 669.
14. ПСЗ. Т. IX. № 6891. – С. 745-748, от 11 февраля 1736 г.
15. Головинский П. *Слободские казачьи полки.* СПб., 1864. – С. 167.
16. ПСЗ. Т. X. № 7588. – С. 500-501, от 29 мая 1738 г.
17. ПСЗ. Т. XI. № 8555. – С. 602, от 21 мая 1742 г.; № 8578. – С. 625, от 3 июля 1742 г.
18. ПСЗ. Т. XI. № 8600. – С. 638-641, от 18 августа 1742 г.
19. Маслійчук В.Л. *Провінція на перехресті культур.* – С. 119.
20. ПСЗ. Т. XI. № 8796. – С. 923-925, от 4 октября 1743 г.; № 8823. – С. 948-951, от 23 ноября 1743 г.

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В АДМИНИСТРАЦИИ г. БЕЛГОРОДА

Ключевые слова: система электронного документооборота, традиционный документооборот, автоматизация, регистрация документов, контроль исполнения документов, управление документами.

The key words: system of electronic document circulation, traditional document circulation, automation, registration of documents, control of fulfillment of documents, administration of documents.

Администрация города Белгорода — исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления, наделенный полномочиями по решению вопросов местного значения. В результате возрастания объема документации в администрации возникла необходимость в формировании более оперативной системы работы с управленческой документацией. Решить эту проблему можно только с помощью внедрения системы электронного документооборота, которая должна быть гибкой, обеспечивать оперативность делопроизводства, ориентированного на повышение динамичности и эффективности управления.

Система электронного документооборота — комплекс устройств, программ и технологий, позволяющих создать эффективную организацию и взаимодействие процедур формирования, обработки, пересылки и хранения электронных документов¹. Можно выделить следующие преимущества электронного документооборота: исчезают случаи потери документов; увеличивается скорость движения документов; упрощается и ускоряется подготовка документов; обеспечивается точная маршрутизация документов; налаживается учет документов на местах, появляется возможность хранить и обрабатывать огромные массивы информации; появляется возможность формирования отчетов, рассылки необходимого количества документов по каналам электронной почты; оптимизируется работа с документами в электронном виде от проекта до рассылки подготовленного документа².

Решение о внедрении системы электронного документооборота в администрации возникло после долгого изучения рынка программных продуктов. В результате Администрация г. Белгорода выбрала для внедрения систему «Мотив». Это разработка российских специалистов комплексного продукта для построения единого информационного пространства организации. «Мотив» - это система оперативного управления организацией, реализованная в виде web-приложения, что позволяет организовать доступ к ней с любой рабочей станции, подключенной к сети Интернет³. Обработка информации в системе построена на нескольких простых для освоения понятиях - таких как: проект, задача, действие, сотрудник, отчет и т.д. Комплектация системы «Мотив» включает в себя модуль электронного документооборота, что позволяет Администрации г. Белгорода, эффективно управлять большим потоком документов. Администратором системы выступает профессионал - делопроизводитель, обладающий минимальными навыками работы с офисными пакетами программного обеспечения. Применение модуля электронного документооборота «Мотив» помогает увеличить эффективность работы персонала на 20-25% и уменьшить затраты на хранение документов на 80%. Система «Мотив» обеспечивает возможность коллективной работы над документами, значительное ускорение поиска документов по различным атрибутам, улучшение контроля исполнения документов, повышение сохранности документов; улучшение условий их хранения⁴. С помощью системы «Мотив» в Администрации г. Белгорода решаются следующие задачи: регистрация документов; накопление, хранение и синхронизация информации, необходимой для

принятия управленческих решений; управление документацией; согласование документов; отправка документа другим должностным лицам или возврат их на доработку.

Ключевая цель системы - оперативность управления. Система «Мотив» призвана помочь руководителям подразделений контролировать процессы, происходящие в администрации, а также максимально эффективно выстроить взаимодействие сотрудников в рамках работы над проектами и задачами. В связи с этим разработчики реализовали наиболее используемые функции целого ряда систем управления, таких как: CRM, система групповой работы, управления документооборотом, проектами, корпоративными знаниями. Начальнику канцелярии предоставляется возможность управлять регламентированными процессами с помощью документов или напрямую ставить задачу рабочей группе, участвующей в проекте. В момент рассмотрения документа сотрудники могут не только отправить его на следующий этап или вернуть на доработку, но и вести активное обсуждение. Таким образом, руководитель всегда может понять, на какой стадии находится согласование документа, ознакомиться с его различными версиями и принять решение на основе предоставленной сотрудниками информации. Сотрудники канцелярии могут четко отследить выполнение всех заданий, распоряжений и резолюций руководителя.

В целом модуль электронного документооборота системы «Мотив» позволяет значительно ускорить поиск и выборку документов. Администрирование маршрутных схем и регистрационных форм осуществляется при помощи простых визуальных средств и не требует навыков программирования. Как и другие составные части системы «Мотив», модуль электронного документооборота интегрирован со службами доставки электронной почты и SMS-сообщений.

Основные предполагаемые результаты автоматизации документооборота в Администрации г. Белгорода с помощью системы «Мотив» заключаются в следующем:

Во-первых, система может сопровождать традиционно принятый в учреждении документооборот, упорядочивая технологию делопроизводства и облегчая рутинные операции по обработке поручений и отчетов по документам, движение документов между подразделениями администрации, включая движение бумажных оригиналов и копий документов.

Во-вторых, система позволит существенно расширить рамки традиционной организации документооборота за счет частичного или полного использования функций электронного документооборота и обработки документов на персональном компьютере.

Примечания:

1. Кочеткова А.П. Автоматизированная система документооборота и делопроизводства // Делопроизводство. 2006. № 3. - С. 25.
2. Артамонова И.Л. Из опыта внедрения автоматизированной системы регистрации // Секретарское дело. 1997. №3. - С. 23.
3. Мотив — система управления компанией — Режим доступа: <http://www.motiw.ru/>
4. Бобылева М.П. Вопросы анализа документооборота организации в условиях использования автоматизированных систем // Делопроизводство. 2001. №1. - С. 36-41.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936-1939 ГГ. НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОГО ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., Франко, русская политическая эмиграция, эмигрантская пресса, «Часовой».

The key words: The Spanish Civil War of 1936-1939, Franco, Russian political emigration, emigration press, "The Sentry".

Гражданская война в Испании, начавшаяся в июле 1936 г., в скором времени привлекла внимание всех политических сил Европы. Русская политическая эмиграция не была исключением. События в Испании в полной мере нашли отражение на страницах белоэмигрантской печати. Представляет интерес рассмотрение прессы правого, едва ли не самого активного в политическом плане, крыла. Одним из влиятельных периодических изданий данного направления был «Часовой». Он начал выходить с 1929 г. в Париже, одном из центров тогдашней российской эмиграции. «Иллюстрированный военный журнал-памятка, орган связи русского воинства и национального движения за рубежом» – так анонсировало себя издание. Журнал был официальным печатным органом РОВСа¹, и ориентировался на русских военных эмигрантов. Его основателями являлись: С.К. Терщенко, Е. Тарусский и В.В. Орехов. Ключевой фигурой был капитан Василий Васильевич Орехов. Именно он бессменно исполнял обязанности главного редактора журнала в 1929-1941 гг. и 1947-1988 гг. (в 1941-1947 гг. журнал не издавался).

Впервые война в Испании была упомянута в номере от 20 июля 1936 г., т.е., через два дня после её начала². С этого времени испанские события регулярно освещались на страницах журнала, к ним проявлялся устойчивый интерес. Последняя до начала второй мировой войны заметка о ситуации в Испании была опубликована в номере «Часового» в июле 1939 года, т.е., через несколько месяцев после его окончания³. В начале журнала с июля по ноябрь 1936 г., обычно, помещалась статья главного редактора В.В. Орехова, в которой он комментировал Испанскую войну, т.е., читателям давалось видение конфликта представителями правого крыла российской эмиграции. Большую часть статей об испанских событиях составляли письма российских эмигрантов, сражавшихся на стороне Франко. В заметках рубрики «Военный отдел» рассматривались тактика и стратегия воюющих сторон, использование тех или иных видов вооружений, анализировались действия различных родов войск.

Уже в первой информации об испанских событиях (июль 1936 г.) в редакционной статье В.В. Орехова главной причиной начала конфликта называлось стремление Коминтерна, направляемого Советским Союзом, привести к власти в Испании левые силы, тем более, что испанский Народный фронт воспринимался большинством европейского общественного мнения как «коммунистическое правительство»⁴. В этом контексте мятеж против республиканского правительства трактовался как «восстание испанского офицерства против агентов III Интернационала»⁵. Гражданская война, соответственно, интерпретировалась как продолжение борьбы с коммунизмом. Испанская война, по мнению правого крыла белоэмиграции, развивалась по российскому сценарию, отсюда - постоянные сравнения с Гражданской войной в России.

Стремление русских добровольцев принять участие в войне на стороне Франко мотивировалось желанием реванша за поражение в России и вступить в борьбу с большевизмом. «...Знаю или, точнее, чувствую, – каждый из нас, Русских военных, вероятно, знает и чувствует тоже, – что за все 16 лет, истекших со дня нашего поражения, ещё никогда, ни в какой точке земного шара не пришлось белому и красному снова сплестись в столь трагическом поединке... Да, из всего, что было за эти шестнадцать лет... доблестное восстание Испанских офицеров и всех, кто с этими офицерами идёт, особенно нам родственно и близко...», - писал в августе 1936 г. в статье «Привет ис-

панским корниловцам» один из ярких представителей белоэмиграции генерал Н.В. Шинкаренко, принявший участие в испанской войне⁶. Впоследствии, под псевдонимами Белый и Н. Белогорский в «Часовом» Шинкаренко регулярно публиковал статьи об Испании. Бывший поручик Н. так объяснял своё участие в войне: «Я, бывший русский офицер, горд и счастлив тем, что выполняю свой долг», считая, что там идет борьба с большевизмом «не словами, а оружием»⁷.

Соответственно, участие российских белоэмигрантов во внутрииспанском конфликте расценивалось как первое испытание «возрождённой белой армии», начало крестового похода против большевизма, успех которого «приблизит час так долго нами ожидаемого падения московской интернациональной власти»⁸. «... Мы должны рассматривать героическую борьбу испанской белой армии ... и как огромного значения антибольшевистскую акцию, от успеха которой в какой-то степени зависти приближение решительного удара против красной тирании в России», – отмечал В.В. Орехов⁹. Подобные высказывания нередко встречаются на страницах журнала.

Всего, по данным издания, за годы войны в армии Франко сражались 72 русских добровольца, из которых 34 были убиты, а 9 ранены. Большинство добровольцев было сконцентрировано в отряде Донья Мария де Молина. Главный итог их участия в войне определён в журнале следующим образом: «... они доказали испанцам, что Россия - это не СССР, как все прочие считали до их прибытия и что русский и коммунист – не одно и то же»¹⁰.

Негативно характеризовался в издании республиканский лагерь. Правительство Народного фронта было представлено крайне непопулярным, не имеющим сколько-нибудь значительной поддержки населения: «Несомненно, что в Испании имеется немало лиц, сочувствующих идее Народного фронта, социализму и коммунизму и анархистам. Но большинство их в другом лагере». Большинство населения, вопреки сообщениям зарубежной прессы, «в полной мере сочувствует борьбе за восстановление Национальной Испании, а главное той борьбе, которая обещает освободить его от террора и насилия красных»¹¹.

Реальная власть в «красной Испании» принадлежала советским представителям: «полномочный посол СССР в Мадриде товарищ Розенберг является фактическим диктатором красной Испании и распоряжается от имени товарища Кабаллеро [Ларго Кабаллеро – *А.П.*] всеми политическими демаршами “республиканского” правительства», другим влиятельным лицом назван Антонов-Овсеенко – «известный специалист по гражданской войне»¹². Об этом же писал собственный корреспондент журнала в Испании: «... я подчёркивал силу влияния Москвы в якобы демократической республике г. Азаны [Мануэль Асанья – *А.П.*]. Я думал, особенно после падения правительства Ларго Кабаллеро, что к власти придут люди трезвые, люди открытого рассудка и крепких рук, которые поставят советские симпатии рядом с симпатиями Мексики, Великобритании или Франции. Однако правительство Негрина пошло по пути уступок советам ещё дальше...». На республиканской территории «свирепствовала цензура», по указанию советских эмиссаров преследовали иностранных журналистов, которые «хотели открыть миру глаза на красных поджигателей, пытающихся после России, разжечь пожар на другом конце Европы»¹³.

В редакционной статье журнала от 15 октября 1936 г. со ссылкой на итальянского представителя в Комитете по невмешательству в дела Испании Д. Гранди сообщалось о нарушении СССР Соглашения о невмешательстве. Подчеркивалось, что уже в начале сентября в Барселону прибыла группа советских офицеров, а по состоянию на 25 сентября их число достигло 40. По итальянским данным, Республиканская Испания получила из Советского Союза к началу октября 1936 г. 30 самолётов, 500 тонн винтовок и патронов, большое количество взрывчатых веществ и другие материалы, доставляемые, преимущественно морским путём. Советская помощь республиканцам трактовалась как «пароксизм отчаяния», проявившийся под влиянием поражений «испанских

большевиков». По мнению В.В. Орехова, подобные действия нельзя было назвать иначе, как провокационными¹⁴. В действительности, как известно, решение об оказании помощи Испанской Республике было принято политбюро ЦК ВКП (б) только 28 сентября 1936 г. И лишь 4 октября в Картахену прибыло судно с первой партией советского оружия¹⁵. В дальнейшем журнал неоднократно писал о преобладании в республиканской армии советского вооружения и его использовании, однако отсутствовала какая-либо информация о поставках. Вопросы деятельности Комитета по невмешательству также не поднимались в издании на всём протяжении войны.

Нелестные характеристики давались «Часовым» политическим деятелям Республиканской Испании. Так, президент Испанской республики М. Асанья – это «испанский Керенский», а его правительство – «клика адвокатско-учительских политиканов, стремящихся захватить чужие дворцы и чужие лимузины и с неслышанным упорством толкающих несчастный испанский народ на кровавый танец войны». Премьер-министр правительства Народного фронта Ларго Кабальеро назывался «испанским Лениным», а лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури – «жрицей свободной любви»¹⁶.

В журнале помещалось достаточно много сообщений о репрессивной политике правительства Народного фронта. «Здесь на испанском юге всё население против большевиков. ... Красные зверствуют, как и у нас. Мы, вот, прошли уже десятка два селений, и я лично видел разрушенные, сожжённые и загаженные храмы, трупы детей и женщин», – сообщалось в письме русского добровольца в Испании¹⁷. В статье о наступлении войск Франко в Астурии было отмечено, что перед оставлением Сантандера республиканцы «расстреляли 1300 заложников»¹⁸. На территории, контролируемой республиканцами, население было недовольно правительством, так как «там постоянные реквизиции, там бессудные расправы, там угнетение, там голод, там произвол», на стороне же Франко «всё диаметрально противоположное»¹⁹. Соответственно население повсеместно приветствовало войска Франко: «В освобождённых от власти Коминтерна селениях наши войска встречали с колокольным звоном (в сёлах, где ещё уцелели колокольни)... Радость и восторг были неопишуты»²⁰.

Любопытна позиция «Часового» по вопросу организации республиканской армии. Большое внимание данной проблеме уделил польский журналист, публиковавший свои материалы в журнале под псевдонимом Аргус. По словам Аргуса, советское влияние в армии являлось преобладающим. В ней по советскому образцу введён институт политических комиссаров, на 97 % состоявший из коммунистов, к контролю над ним имеют непосредственное отношение представители советского посольства в Валенсии. По данным автора, 13 из 17 преподавателей офицерской народной школы являлись советскими офицерами, советские специалисты преобладали также в инженерных частях, в подводном флоте (57 из 80 офицеров), в авиационных и танковых соединениях, состоящих из советской же техники. Особо подчёркивалось привилегированное положение советских военных специалистов, их преимущества перед представителями других стран, находившихся в Республиканской Испании²¹.

Боевые и моральные качества республиканских войск оценивались крайне низко. «Войско-банда», «убийцы стариков и детей, поджигатели церквей, грязнейшие насильники», «подонки рода человеческого», – так характеризовал «Часовой» армию Народного фронта²². Солдаты-республиканцы противопоставлялись защитникам крепости Алькасар: «А на красной баррикаде и сыто и пьяно и весело... А кругом расселись обезьяны: ждут, когда им в лапы попадёт добыча, и издеваются...»²³. По мнению полковника Али Гурского, бойцы-республиканцы ещё более жестоки, чем индейцы: «... выкалывают глаза, вставляя туда найденные на убитом св. образки, режут на кусочки тело и т.д.», «мурашки бегают по спине при одном воспоминании, что бы было бы с русским, если бы его захватили красные». По словам авторов корреспонденций, многие бойцы республиканских войск не желали сражаться и надеялись на скорую победу Франко²⁴. Любопытно, что информация об интербригадах была более объективной. В разговоре с

генералом Шинкаренко один из офицеров армии Франко признал, что «не мог не проникнуться уважением к их [бойцов интербригад – *А.П.*] жертвенной идее, которую они защищают»²⁵. По мнению генерала Нисселя, создание интернациональных бригад установило «равенство сил обеих сторон»²⁶.

Диаметрально противоположны сообщения о франкистском лагере. Мятежники фигурировали на страницах журнала как «испанские патриоты», «националисты», «белые», осуждалась их квалификация в качестве мятежников. Армия Франко изображалась как образцовая, превосходящая республиканские войска по всем параметрам. Национальные войска, по словам авторов корреспонденций, никогда не прибегали к реквизициям (в отличие от «красных»): «Всё, что необходимо Армии покупается за наличные деньги»²⁷. Генерал Шинкаренко отмечал высокий уровень организации армии Франко: «Большая чистота. Такая, что годилась бы в полк Преображенский или Семёновский... И большое отдание чести... Ещё, – очень большая строгость... И ещё, – чрезвычайно хорошо едят. Лучше, чем во всех армиях всего мира. Всё равно кто, и простой легионер и офицеры... Всё хорошо. Всё первый сорт». Причины успехов национальной армии усматривались не только в её боевых качествах, но и в «превосходном духе»²⁸.

Репрессивной политике Республики журнал противопоставлял «гуманную политику» Франко. В частности, освещая сцены суда над попавшими в плен советскими лётчиками: их приговорили к смертной казни, «но Генералиссимус Франко, олицетворяющий в своём лице верховную власть Национальной Испании, принял во внимание подневольность их действий и, найдя моральное оправдание их вины, помиловал осуждённых...»²⁹. В одной из статей опровергались сообщения иностранных газет о жестоким обращении с пленными республиканцами. По мнению автора, военнопленные не заслуживали того гуманного отношения, которое проявлялось к ним со стороны франкистов. «... Каждый может видеть, насколько новая антикоммунистическая Испания не злопамятна и не мстительна к своим побеждённым и сдавшимся врагам», – отмечалось в заключении³⁰.

Об иностранной помощи Франко и политике Италии и Германии в Испании в журнале писалось лишь дважды. И.Ф. Патронов указывал, что финансовый вопрос поставок был решён с помощью испанских миллионеров, а «чрезвычайно важный или, вернее играющий решающее значение вопрос снабжения боевыми припасами и современными техническими средствами, не представил затруднений» для франкистов, так как им «приходят на помощь Германия, Италия и Португалия, заинтересованные в том, чтобы в Испании не победил большевизм». Автор признавал, что эти государства помогают Франко и живой силой, при этом он выражал сомнение в достоверности данных официального Рима, согласно которым, в Испании находилось 40тыс. итальянских добровольцев³¹. Второе упоминание об итальянской помощи мятежникам содержалось в 1938 г. в рубрике «Военный отдел». Генерал Ниссель при анализе положения на фронте сообщал и о присутствии там подразделений из Италии: «Главные части итальянских добровольцев (за исключением одного отряда, оставшегося на юге) расквартированы в Наварре, между Пампелуном и долиной Эбра, дабы была возможность быстрой переброски их на Арагонский фронт»³². Более конкретной информации о германской и португальской помощи франкистам не в журнале встречается.

Подчеркивая желание мятежников якобы не прибегать к иностранной помощи, журнал в номере от 15 ноября 1936 г. поместил следующую информацию: «На основании самых точных данных, полученных из первоисточника, редакция журнала “Часовой” считает своим долгом оповестить всех заинтересованных лиц, что никакого приёма в испанскую национальную армию иностранных офицеров и солдат не производится. Не в пример красным отрядам Мадрида и Барселоны, вербующим во всех странах подонков человеческого общества, испанские патриоты считают для дела освобождения Испании своим патриотическим долгом и, во избежание международных

осложнений, решительно отказываются от приёма в свои войска иностранцев»³³. Тем самым издание противоречило само себе, поскольку ранее уже сообщало об иностранных (в частности, русских) добровольцах в армии Франко. Заметки об их участии публиковались на страницах журнала и в дальнейшем.

Антикоммунистическая направленность журнала, открыто выраженные симпатии лагерю Франко предопределили односторонний характер освещения событий Гражданской войны в Испании, затруднили адекватное восприятие и анализ её событий. Отсюда - выборочный характер информации: выдвигание на первый план тех или иных проблем (успехи войск Франко, участие в боевых действиях на его стороне русских добровольцев, репрессивная политика правительства Народного фронта, политика СССР в испанском вопросе) и замалчивание или недостаточное освещение других (политика фашистских государств в Испании, успехи республиканских войск, проблемы национальных меньшинств и др.). Основными в освещении испанских событий стали две тенденции: резкая и необъективная критика Республиканской Испании и демонстрация преимуществ франкистского лагеря.

Примечания:

1. *РОВС – Российский общевоинской военной союз, старейшая российская военная антикоммунистическая организация, образованная в эмиграции 1 сентября 1924 г. для продолжения дела Белого движения приказом Главнокомандующего Русской Армии генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем.*

2. Орехов В. В. *Двуликий Янус // Часовой. 1936. № 171. – С. 3-4.*
3. Гренадёр. *Письма из Испании // Часовой. 1939. № 238-239. – С. 14-15.*
4. Орехов В. В. *Двуликий Янус // Часовой. 1936. № 171. – С. 3-4.*
5. Н. *Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. – С.5.*
6. Белогорский Н. *Привет испанским «корниловцам». San jago! Espagna! // Часовой. 1936. № 172. – С. 2-3.*
7. Белогорский Н. *Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. – С.5.*
8. Орехов В. В. *Два фронта // Часовой. 1936. № 173. – С.4.*
9. Орехов В. В. *Общее дело // Часовой. 1936. № 177. – С.3.*
10. Гренадёр // *Часовой. 1939. № 234. – С. 5-6.*
11. Белый. *Гражданская война в Испании // Часовой. 1937. № 185. – С. 10.*
12. Орехов В.В. *Ещё об Испании // Часовой. 1936. № 176. – С. 2.*
13. Аргус. *Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 196. – С. 22; № 197. – С. 20.*
14. Орехов В. В. *Ещё об Испании // Часовой. 1936. № 176. – С. 2.*
15. *Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Каталог. Т.2. - С. 808; Коминтерн и Гражданская война в Испании. М.: Наука, 2001. - С. 11.*
16. Аргус. *Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 196. – С. 22-23.*
17. *Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. – С. 5.*
18. *Падение Сантандера // Часовой. 1937. № 196. – С.10.*
19. Белый. *Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 187. – С. 10.*
20. Гренадёр. *Письма из Испании // Часовой. 1939. № 238. – С. 14.*
21. Аргус. *Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 196. – С. 22.*
22. Орехов В.В. *От редакции «Часового» // Часовой. 1936. № 178. – С. 2; Белогорский Н. Под Мадридом // Часовой. 1938. № 206. – С.9; Он же. Пленные // Часовой. 1938. № 219. – С. 14.*
23. Белогорский Н. *Чудо Альказара // Часовой. 1936. № 176. – С. 5.*
24. Гурский А. *Ночь в карауле // Часовой. 1939. № 220. – С.15; 36. Он же. В боях в Испании // Часовой. 1939. № 235. – С. 14; Гренадёр. Письма из Испании // Часовой. 1939. № 238-239. – С. 15.*
25. Белогорский Н. *Гражданская война в Испании // Часовой. 1937. № 185. – С. 10.*
26. Ниссель А. *Война в Испании // Часовой. 1937. № 200. – С. 9.*
27. Н. *Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. – С. 5; Орехов В.В. От редакции «Часового» // Часовой. 1936. № 178. – С.2; Ниссель // Часовой. 1936. № 206. – С. 3; Геруа Б.В. Уроки Испанской войны // Часовой. 1939. № 230. – С.5; Белый. Вива, Эспанья! // Часовой. 1937. № 187. – С. 10.*
28. Белогорский Н. *Девятая бандера // Часовой. 1937. № 199. – С.19; Орехов В.В. Победа под Мадридом // Часовой. 1937. № 195. – С. 4.*
29. А.Е. *Суд над красными лётчиками // Часовой. 1937. № 199. – С. 21; Гурский А. В боях в Испании // Часовой. 1939. № 235. – С. 15.*
30. Белогорский Н. *Пленные // Часовой. 1938. № 219. – С. 14.*
31. Патронов И. Ф. *Генерал Франко и мы // Часовой. 1938. № 205. – С. 16-17.*

Родивилов А.А. (Белгород)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНЫХ МЕДАЛЕЙ «ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ – ТРЕТЬЕ РАТНОЕ ПОЛЕ РОССИИ»)

Ключевые слова: награда, субъект РФ, Белгородская область, статут, «Прохоровское поле - третье ратное поле России», кавалеры.

The key words: decoration, constituent entity of the Russian Federation, Belgorod region, statute, “Prokhorovka battlefield (Prokhorovskoe pole) – the third battlefield of Russia”, decoration holder.

История – это колоссальный массив многовекового духовно-нравственного, культурного и социального опыта человечества. Научное познание окружающего социума - значимый компонент взаимодействия человека с миром. Социальный опыт, передаваемый от поколения к поколению, каждый раз осмысливается заново. Историческое образование даёт не только знание исторических фактов, но и представление об историческом процессе, о ключевых моментах предшествующего развития общества в определённых категориях и концепциях, обеспечивая тем самым мировоззренческие ориентиры, взаимосвязь и преемственность поколений¹.

Поскольку в государственном устройстве любой страны награды занимали, занимают и будут занимать достаточно важное место, хотелось бы напомнить, что в современном русском языке понятие «награда» имеет два основных значения. Во-первых, это то, что даётся, получается в знак особой благодарности, признательности. Другое это благодарность, воздаяние за что-нибудь или почётный знак, орден, которыми отмечены чьи-нибудь или почётный знак, орден, которыми отмечены чьи-нибудь заслуги².

В.И. Даль под наградой также понимал «самый предмет, чем кто - либо награждён: мзда, возмездие (т.е. награда или плата за заслуги), воздаяние, вознаграждение³.

Но в целом хотелось бы отметить, что награда – это признание заслуг человека: его полезной деятельности, благодарных поступков. Это знак отваги и мужества, проявленных в интересах государства, народа.

Всё разнообразие наград, существующих в Российской Федерации, можно разделить на две большие группы:

1. Награды, учреждённые государством, в том числе награды, учреждённые государственными органами от имени государства;
2. Награды, учреждённые органами местного самоуправления, негосударственными организациями и частными лицами.

Под наградой государства в РФ следует понимать установленную федеральными законами и законами субъектов РФ, а также нормативными правовыми актами федеральных государственных органов и государственных органов субъектов РФ, форму государственного поощрения физических лиц и коллективов за заслуги перед государством⁴.

В конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации устанавливается право субъектов Российской Федерации на свои награды или право на учреждение наград субъекта Российской Федерации; определяются предметы ведения субъектов Российской Федерации, в числе которых находится учреждение и присвоение наград субъекта Российской Федерации, или определяются полномочия органов государственной

власти субъектов Российской Федерации по учреждению (установлению) наград субъектов Российской Федерации.

Высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ (администрации, правительства и др.) самостоятельно учреждают собственные награды, как правило, на основании соответствующей нормы закона о наградах субъекта РФ, предусматривающей возможность учреждения высшим органам исполнительной власти субъектов РФ своих наград⁵.

Белгородская область, как субъект Российской Федерации также имеет свою систему награждения, в которую входят следующие награды и почётные звания:

1. "Коллекция памятных медалей: "Прохоровское поле - Третье ратное поле России"(3 степеней);
2. Медаль "За заслуги перед Землей Белгородской"(2 степеней);
3. Почетный знак Белгородской области "Материнская слава"(3 степеней);
4. Звание "Почетный гражданин Белгородской области";
5. Почетную грамоту Белгородской области;
6. Премию Белгородской области;
7. Благодарность губернатора Белгородской области⁶.

Хотелось бы обратить особое внимание на высший знак отличия нашей области, а именно «Коллекция памятных медалей: Прохоровское поле – Третье ратное поле России». Согласно закону Белгородской области, знак отличия Белгородской области "Коллекция памятных медалей Прохоровское поле - Третье ратное поле России" (далее - знак отличия), является высшей формой общественного признания и вручается гражданам Российской Федерации и иностранным гражданам за выдающиеся заслуги в экономике, науке, культуре, искусстве, воспитании, просвещении, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной деятельности и иные выдающиеся заслуги перед Белгородской областью⁷.

Высший знак отличия Белгородской области "Коллекция памятных медалей: Прохоровское поле - Третье ратное поле России" состоит из трех круглых медалей: одной большой и двух малых.

Большая медаль имеет форму круга диаметром 50 мм, с выпуклым бортиком с обеих сторон и шириной гурта 5 мм. На лицевой стороне медали - рельефное изображение Храма Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла и рельефные надписи: по окружности, на полосе - "Храм Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла", по окружности внутреннего зеркального поля - "Прохоровское поле".

На оборотной стороне медали - рельефное изображение Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла и рельефная надпись по окружности зеркального поля: "Святые Первоверховные Апостолы Петр и Павел".

Малая медаль, расположенная первой, слева от большой медали, имеет форму круга диаметром 38 мм, с выпуклым бортиком с обеих сторон и шириной гурта 3 мм. На лицевой стороне медали - рельефное изображение Скорбящей матери и рельефная надпись из двух частей по окружности зеркального поля: верхняя - "Прохоровское поле", нижняя - "Матерям, женам и сестрам воинов".

На оборотной стороне медали рельефное изображение Колокола единения и рельефная надпись из двух частей по окружности зеркального поля: верхняя - "Колокол единения", нижняя - "Любовью и единением спасемся".

Малая медаль, расположенная третьей, справа от большой медали, имеет форму круга диаметром 38 мм, с выпуклым бортиком с обеих сторон и шириной гурта 3 мм. На лицевой стороне медали - рельефное изображение Памятника танкистам и рельефная надпись из двух частей по окружности зеркального поля: верхняя - "Прохоровское поле", нижняя - "Памятник танкистам".

На оборотной стороне медали рельефное изображение Памятника Победы - Звонницы и рельефная надпись в две строки по окружности зеркального поля: наруж-

ная строка - "Нет больше той любви, как если кто", внутренняя строка - "положит душу за други своя".

На гурте (боковой стороне) медалей - номер Высшего отличия (коллекция памятных медалей) высотой, на большой медали 2 мм, на малых 1 мм.

Медали помещены в прозрачные футляры и размещаются в большом наградном футляре темно - бордового цвета высотой 35 мм, шириной 145 мм и длиной 225 мм, на темно - бордовом бархате в специальных углублениях по размеру медалей, большая медаль в центре, малые медали по бокам.

На внутренней стороне крышки наградного футляра, на серебряной парче тиснение золотыми прописными буквами - надпись в три строки: первая строка "ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ", размер букв 7,5 х. 7 мм; вторая строка "ТРЕТЬЕ РАТНОЕ ПОЛЕ", размер букв 5 х. 4,5 мм; третья строка "РОССИИ", размер букв 5 х. 4,5 мм.

На верхней стороне крышки наградного футляра тесненный герб Белгородской области, высотой 71 мм и шириной 86 мм.

Наградной футляр имеет замок - защелку.

Материалы медалей: 1 степени - серебро (проба - 925, качество - "пруф"); 2 - томпак (сплав меди с цинком), цвет золотисто - желтый; 3 - нейзильбер (сплав меди с никелем и цинком), цвет белый с зеленовато - желтоватым отливом.

Таким образом, необходимо отметить, что символика главной награды нашей области включает в себя в большей степени местную историю, которая, естественно, не может быть изолирована от общероссийской.

Апостолы (апостол, греч. *απόστολος* — «посол, посланник») — ученики и последователи Иисуса Христа. В узком смысле термин апостол употребляется для обозначения двенадцати непосредственных учеников Христа; в более широком — 70 ближайших сподвижников⁸.

Храм Святых Апостолов Петра и Павла сооружен на народные пожертвования к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 годов в память о погибших в танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 г.⁹

«Колокол единения славянских народов». Идея его создания принадлежит архиепископу Белгородскому и Старооскольскому Иоанну и главе администрации области Е.С. Савченко. Замысел воплотили архитекторы В.В. Перцев и В.А. Турченко. Памятник представляет собой почти пятнадцатиметровое сооружение из трех арок, которые органично вписаны в круг и увенчаны куполом с православным крестом. Под куполом — Колокол единения народов России, Украины, Белоруссии¹⁰.

Памятник танкистам. Монумент был сооружен по инициативе председателя Попечительского совета музея-заповедника Н.И. Рыжкова, и представляет собой пятиметровые фигуры танкиста и поддерживаемого им тяжелораненого солдата-пехотинца выполнены авторским коллективом под руководством Ф.М. Согояна, заслуженного деятеля искусств Украины, заслуженного художника Армении, лауреата Ленинской премии¹¹.

Звонница – символ Победы в Прохоровском сражении. Высота – 59 метров. Она состоит из четырех белокаменных пилонов, олицетворяющих четыре года войны. Венчает пилоны золотая сфера – символ солнца, исторический символ Русской державы¹².

Прохоровское сражение — танковый бой между частями германской и советской армий в ходе Курской битвы — одной из крупнейших битв Второй мировой войны. Произошло 12 июля 1943 г. в районе станции Прохоровка на территории совхоза Октябрьский (Белгородская область РСФСР). Считается крупнейшим в человеческой истории танковым сражением. Ни одной из сторон не удалось достичь целей поставленных на 12 июля, немцам не удалось захватить Прохоровку, прорвать оборону советских войск и выйти на оперативный простор, советским войскам не удалось окружить группировку противника. Непосредственное командование войсками во время сраже-

ния осуществляли генерал-лейтенант танковых войск Павел Ротмистров и группенфюрер СС Пауль Хауссер¹³.

Среди кавалеров высшей награды Белгородской области следует отметить таких как Григорий Левин, посвятивший службе в вооружённых силах 21 год. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в боях на Западном, Первом и Четвертом Украинских фронтах. Совершил 130 боевых вылетов, уничтожил более 50 танков, 10 самолетов, множество автомашин и вражеские эшелоны¹⁴.

Ещё одним кавалером высшей награды является Анатолий Зеликов, ранее - руководитель Фонда индивидуального жилищного строительства, ныне председатель областной Думы, которому был вручён ему за большие достижения в экономическом и социальном развитии области¹⁵.

Данная награда, согласно закону также может быть вручена людям, которые своим творчеством повышают патриотизм, любовь к Родине. Губернатор области Е.С. Савченко в связи с 75-летием, «за большой литературный вклад в формирование высокой гражданственности и патриотизма» наградил В.Н. Ганичева высшим знаком отличия Белгородской области «Коллекция памятных медалей «Прохоровское Поле - третье ратное поле России» III степени¹⁶.

Примечания:

1. *Российская повседневность: от истоков до середины XIX века: учебное пособие / Под ред. Л.И. Семенниковой. 3-е изд. М.: КДУ, 2009. – 240 с.*

2. *Награда // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов или 7500 фразеологических выражений. М.: Дрофа, 1992. - С. 387.*

3. *Награда // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Т.2. СПб., 1998. - С. 395.*

4. *Винокуров В.А. Награды современного российского государства. В 2-х ч. Ч.2. СПб.: А-Принт, 2007.*

5. *Винокуров В.А. Учение о наградах государства в РФ. В 2-х ч. Ч.2. СПб.: А-Принт, 2007.*

6. *Закон Белгородской области от 29 декабря 2001 г. Сборник нормативных актов № 19 от 22 сентября 2002 года // <http://www.belregion.ru/>*

7. *Положение о высшем знаке отличия Белгородской области "Коллекция памятных медалей: Прохоровское поле - Третье ратное поле России". Принят областной Думой 28 декабря 2001 г. Сборник нормативных актов № 19 от 22 сентября 2002 года // <http://www.belregion.ru/>*

8. *Оценов В. Апостолы // <http://ru.wikipedia.org/wiki>*

9. *Бектов В.П. Храм над ратным полем // Альманах Памятники Отечества № 50. Вся Россия. Святое Белогорье. - С. 121-133.*

10. *Павлова В. Любовью и единением спасаемся // Альманах Памятники Отечества № 50. Вся Россия. Святое Белогорье. - С. 3-4.*

11. *Гончарова Л. Памятник танкистам // Альманах Памятники Отечества № 50. Вся Россия. Святое Белогорье. - С. 3-4.*

12. *Глуценко Н.Д. Монумент Победы – Звонница // Альманах Памятники Отечества № 50. Вся Россия. Святое Белогорье. - С. 4-5.*

13. *Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). — СПб.: Нестор, 1998.*

14. *Васильева Л. Герой Советского Союза // Белгородские известия № 62. - С. 5.*

15. *Голодько С. Юбилей // Белгородские известия. № 20. - С. 3.*

16. *Сереченко Е. Писатели XX века // Красный Октябрь. № 42. - С. 6.*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗВОСПИТАНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Старооскольский государственный педагогический институт, Белгородский государственный педагогический институт, кафедра физического воспитания, учебные занятия, секционные тренировки, специальное образование, профессиональная специализация, часовая нагрузка, материально – спортивная база, повышение квалификации, спортивное мастерство, оздоровительный лагерь, нормативы ВФК ГТО СССР.

The key words: the Stary Oskol State Pedagogical Institute, the Belgorod State Pedagogical Institute, Chair of Physical Training, classes, section training, special education, professional specialization, hour load, material-sports base, improvement of professional skills, sports skills, sports camp, specifications of RLD of the USSR.

Летом 1957 г. Старо-Оскольский государственный педагогический институт был переведён в Белгород, где разместился по адресу: улица Коммунистическая, 78 (ныне это здание социально–теологического факультета БелГУ). С того момента и до 7 июля 1967 г. это учебное заведение пребывало уже в ранге Белгородского государственного педагогического института (далее – БГПИ)¹. «В конце 1950 – начале 1960-х гг. это был небольшой по численности студентов и преподавательскому составу институт. На начало первого 1957/1958 года работы в Белгороде ВУЗ включал только 2 факультета: физико–математический и филологический с общим числом около 560 студентов»². В институте работали межфакультетские кафедры: марксизма–ленинизма, педагогики и психологии, биологии и химии, французского, немецкого и английского языков, обеспечивавших преподавание дисциплин на факультетах.

Проведение занятий по физической культуре в конце 1950-х гг. в БГПИ осуществлялось в 14 группах I и II курсов филологического и физико–математического факультетов преподавателями со специальным образованием, которые состояли в штате кафедры педагогики. Собственно кафедры физического воспитания не было, поскольку часовая нагрузка на преподавателей физкультуры не превышала предельную норму и штатные специалисты вполне справлялись с проведением занятий в группах первокурсников и второкурсников БГПИ. В годы пребывания педагогического института в Старом Осколе и первое время деятельности его в Белгороде набор на I курс факультетов ВУЗа составлял 50 человек. Из этого следует, что в 1957/1958 учебном году занятия по физической культуре посещало около 200 человек.

По мере укрепления БГПИ, обретения им определённой стабильности в работе на новом месте, набор на I курсы стал увеличиваться. В начале 1960–х гг. план набора возрос с 50 до 100 человек³. Таким образом, увеличивалось и количество студентов на учебных занятиях по физической культуре. По данным плана работы кафедры физического воспитания на 1961/1962 учебный год, в начале учебного года в основной и специальной медицинской группах физкультурой занималось 312 человек⁴. До начала 1960–х гг. в БГПИ не было острой необходимости в наборе преподавателей - специалистов физической культуры и выделения их в отдельную кафедру.

С первого года работы педагогического института в Белгороде в штате кафедры педагогики состояло двое преподавателей физического воспитания. Это Колосов Василий Александрович, который работал старшим преподавателем кафедры педагогики с сентября 1954 г., когда институт находился в Старом Осколе и Максаков Вячеслав Николаевич, поступивший на работу в ВУЗ ассистентом кафедры педагогики для выполнения нагрузки преподавателя физической культуры, который начал работу в Белгороде с 1 сентября 1957 г.

В.А. Колосов - выпускник 1953 г. Львовского государственного института физической культуры с профессиональной специализацией «волейбол». После годичного опыта работы в Луцком государственном педагогическом институте он 1 сентября 1954 г. был избран по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры педагогики БГПИ. Именно он стоял у истоков создания секции волейбола для девушек в г. Белгороде⁵.

В сентябре 1957 г. на кафедру был принят преподаватель физического воспитания В.Н. Максаков, специализировавшийся по спортивной гимнастике. Он окончил Ленинградский ордена В.И. Ленина государственный институт физической культуры им. Лесгафта в 1955 г. С сентября 1956 г. работал тренером по спортивной гимнастике детской и молодёжной спортивной школы ДСО «Спартак» г. Белгорода. По запросу Белгородского пединститута, поданному в «Спартак», с 1 сентября 1957 г. В.Н. Максаков был направлен ассистентом физического воспитания на кафедру педагогики в БГПИ⁶.

В 1959/1960 учебном году в Белгородском пединституте начинает свою профессиональную деятельность ещё один преподаватель физкультуры Наметченко Александр Григорьевич – выпускник Харьковского института физической культуры 1957 г., профессиональный легкоатлет – копьеметатель. После окончания этого ВУЗа он два года работал преподавателем физического воспитания в Харьковском политехническом институте. В июне 1959 г. вместе с женой, Наметченко Аллой Константиновной, окончившей в 1958 г. тот же ВУЗ, что и муж, со специализацией «плавание», они переехали в г. Белгород. Александр Григорьевич был принят на работу старшим преподавателем физического воспитания на кафедру педагогики БГПИ⁷.

А.К. Наметченко с сентября 1959 г. проработала два с половиной года инструктором при Белгородском облсовете ДСО «Динамо». В апреле 1962 г. она была принята в БГПИ преподавателем физкультуры⁸. По воспоминаниям А.Г. Наметченко, супруги помимо учебных пар вели в БГПИ секционные занятия по лёгкой атлетике и плаванию в группах повышения спортивного мастерства. Группами повышения спортивного мастерства назывались группы студентов, посещавших дополнительно секции по видам, помимо обычных учебных занятий по физкультуре. Эти студенты имели право ходить на секционные тренировки и не посещать учебные занятия. В то же время В.Н. Максаков вёл секцию спортивной гимнастики⁹.

С увеличением набора студентов на I курс и ростом числа обучающихся на факультетах в институте в начале 1960-х гг. остро встал вопрос необходимости набора новых квалифицированных кадров на кафедру педагогики БГПИ. В связи с этим 1 сентября 1961 г. был принят на работу Андреев Валерий Дмитриевич - профессиональный бегун – барьерист. Выпускник Смоленского государственного института физической культуры 1961 г., он трудоустроился по личному заявлению от 30 августа на имя ректора Белгородского педагогического института. Просьба принять его на работу ассистентом кафедры физического воспитания была удовлетворена ректором на следующий день и В.Д. Андреев был утверждён в этой должности¹⁰.

К началу 1961/1962 учебного года – в штате кафедры педагогики БГПИ состояло 5 специалистов – физкультурников, проводивших занятия для 312 студентов I - го и II - го курсов в основных и специальных медицинских группах физико–математического и филологического факультетов.

Как вспоминает В.А. Колосов, «В начале 1960-х гг. набор студентов на I курс института увеличился с 50 до 100 человек, а общее число студентов БГПИ к началу 1961/1962 академического года составляло 650–700 человек»¹¹. К 1963/1964 учебному году планировалось открытие нового факультета - иностранных языков, в результате чего последовало бы более существенное увеличение общего числа студентов в БГПИ. А.Г. Наметченко вспоминает: «Решение Министерства просвещения об открытии кафедры физического воспитания в том или ином ВУЗе зависело жёстко от количества студентов, в нём обучающихся»¹².

В начале 1961/1962 учебного года контингент преподавателей физвоспитания с профильным образованием, насчитывал 5 человек, стал юридически количественно и качественно достаточным для открытия специальной кафедры физического воспитания и отделения от кафедры педагогики. По словам В.А. Колосова, «Для того чтобы Министерство дало разрешение на открытие кафедры физического воспитания, в институте должно быть определенное количество преподавателей, составивших бы свою кафедру...»¹³. Кроме количественного показателя штат преподавателей – физкультурников подходил для организации самостоятельной кафедры физвоспитания и по своей качественной составляющей. Из вышесказанного видно, что преподаватели физической культуры имели разнообразную специальную подготовку, что давало им возможность комплексно совершенствовать у студентов спортивное мастерство по разным видам спорта.

К началу 1961/1962 учебного года преподавателями физической культуры была определена организационная основа кафедры физического воспитания. В плане работы кафедры физического воспитания БГПИ на 1961/1962 учебный год сформулированы принципы её деятельности, конкретизированы основные направления работы по учебной и спортивно - массовой части, строительству материально – спортивной базы, повышению квалификации преподавателей и совершенствованию учебного и тренировочного процесса. По этому же плану зафиксирован и кадровый состав будущей кафедры в числе преподавателей: А.Г. Наметченко, В.А. Колосова, А.К. Наметченко, В.Д. Андреева, В.Н. Максакова, распределены их поручения в сфере учебной и секционной работы, а также установлена академическая часовая нагрузка¹⁴.

В конце 1961 г. ректорат БГПИ подал в Министерство Просвещения РСФСР прошение об образовании при ВУЗе самостоятельной кафедры физического воспитания, в котором говорилось о наличии в институте всех необходимых условий для создания кафедры. Министерство Просвещения рассмотрело ходатайство БГПИ и своим приказом К-2 № 60 от 21 февраля 1962 г. утвердило создание в ВУЗе кафедры физического воспитания¹⁵.

Таким образом, к моменту учреждения Министерством просвещения РСФСР в Белгородском государственном педагогическом институте специальной кафедры физического воспитания 21 февраля 1962 г. сложились необходимые объективные и субъективные предпосылки. Объективными предпосылками создания самостоятельной кафедры физического воспитания в БГПИ являлись рост числа первокурсников и второкурсников, посещавших учебные занятия по физкультуре в результате увеличения планов набора студентов на факультеты с начала 1960-х гг., и ожидаемое с начала 1963/1964 учебного года появление в Белгородском педагогическом ВУЗе нового факультета иностранных языков. К числу субъективных предпосылок образования кафедры физического воспитания в БГПИ относятся наличие в ВУЗе количественно и качественно достаточного кадрового состава преподавателей – физкультурников и создание преподавателями физической культуры организационной основы для деятельности специальной кафедры физвоспитания.

Первым заведующим новообразованной кафедры был назначен В.А. Колосов, который возглавлял ее до сентября 1963 г., когда подал заявку на конкурс по занятию должности заведующего кафедрой физического воспитания в Южно-Сахалинском педагогическом институте. С освобождением его обязанностей на место заведующего кафедрой назначили А.Г. Наметченко, возглавлявшего кафедру в течение 10 лет до 1974 г. В.А. Колосов в ноябре 1963 г. был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой в Южно-Сахалинском пединституте, но проработав там до конца 1963/1964 академического года и в сентябре 1964 г., вернулся назад на работу старшим преподавателем кафедры физического воспитания в БГПИ¹⁶. Первоначальный кадровый состав кафедры физической культуры до ее официального образования насчитывал 5 человек. Это были: ассистент Андреев В.Д. с академической нагрузкой 950 часов, заведующий

кафедрой Колосов В.А. с академической нагрузкой 858 часов, ассистент А.Г. Наметченко с академической нагрузкой 950 часов, ассистент В.Н. Максаков с нагрузкой 360 часов. А.Г. Наметченко вёл занятия по физкультуре на филологическом факультете, а В.Н. Максаков – на физико-математическом¹⁷.

Кадровый состав кафедры поменялся 26 марта 1962 г., когда со своей должности, по ходатайству перед ректором заведующего кафедрой физического воспитания БГПИ В.А. Колосова, был уволен В.Д. Андреев в связи с тем, что 26 марта 1962 г. совершил прогул¹⁸. После увольнения В.Д. Андреева часть его часовой нагрузки перешла к А.Г. Наметченко и В.Н. Максакову. К А.Г. Наметченко перешла и секция баскетбола, которую до этого вёл В.Д. Андреев.

Согласно первому плану на 1961/1962 учебный год и последующим планам, работа кафедры физического воспитания в 1962-1967 гг. основывалась на принципах «всестороннего физического развития студентов на основе ВФК ГТО СССР, привития студентам БГПИ любви к систематическим занятиям физкультурой, передачи обучающимся навыков работы в средней школе и оздоровительных лагерях, совершенствования у них спортивного мастерства по видам спорта»¹⁹. Исходя из этих принципов, кафедра в 1962-1967 гг. решала поставленные перед ней задачи по следующим направлениям:

- «1. Учебная работа;
2. Развитие факультативов и секционных занятий, проводимых преподавателями этой кафедры, и другой спортивно-массовой деятельности;
3. Повышение квалификации преподавателей и совершенствование профессионального уровня проведения занятий по физическому воспитанию;
4. Развитие материально-спортивной базы БГПИ».

Учебные занятия в 1962-1967 гг. кафедрой физического воспитания БГПИ проводились для студентов I и II курсов факультетов. На I курсе студенты изучали основы теории и методики физического воспитания, овладевали знаниями и практическими приемами по использованию средств физической культуры и спорта в режиме учебных занятий, труда и отдыха. Первокурсники сдавали нормативы ВФК ГТО второй степени, приобретали навыки судейства для получения в необходимом объеме судьи по лыжам и легкой атлетике. На II курсе студенты должны были выполнить требования, предъявлявшиеся к инструктору-общественнику по гигиенической гимнастике, культурно-массовой работе в школе и пионерских лагерях»²⁰.

В 1961/1962 учебном году физкультура велась в 14 учебных группах физико-математического и филологического факультетов, из которых 273 студента по результатам медицинского осмотра были отнесены к основной и подготовительной группам, а 39 человек – к специальной группе – около 14% от общего количества студентов I и II курсов. Вместе с освобожденными от занятий число составляло примерно около 17%. В дальнейшем динамика количества первокурсников и второкурсников с ограничениями по состоянию здоровья показывала, что оно находится в пределах 20% всех студентов. Например, в 1965/1966 учебном году спецгруппники и освобожденные составили 115 человек из 587, что равно 19,5 %, в 1966/1967 гг. соответственно $111:612 = 18,1$ %²¹. Эти показатели говорят в целом о нормальном физическом состоянии первокурсников и второкурсников БГПИ. Специальная медицинская группа занималась отдельно от основной и приобретала навыки судейства соревнований по легкой атлетике, лыжам. В 1965/1966 учебном году 40 спецгруппников выполнили нормативные требования к судье по виду спорта. Этими судьями были проведены многие соревнования института и горспортсоюза по лыжам и легкой атлетике²².

Первоначально учебные занятия по физическому воспитанию проводились кафедрой 2 часа в неделю вместо планировавшихся 4 часов. В первые годы работы это несоответствие норме было связано с отсутствием у кафедры необходимой материальной базы: полностью тогда арендовавшейся в средних школах №19, №20, ДСШ «Спар-

так», на стадионах «Строитель», «Динамо», спортзале «Локомотив». С 1963/1964 учебного года академические занятия для основных и специальных медицинских групп проводить 4 часа в неделю.

На летних каникулах студенты, хорошо посещавшие физкультуру и успешно выполнявшие требования инструктора - общественника проходили практику в пионерских лагерях. Спортивно-оздоровительные лагеря создавались силами студентов БГПИ под руководством преподавателей кафедры физического воспитания. Первый такой лагерь, как вспоминает В.А. Колосов, был создан в селе Соломино в 30-35 км от Белгорода в период до еще образования факультета физкультуры и спорта. Спортивные площадки и палаточный городок лагеря располагались между лесом и озером. Там всегда была возможность проводить тренировки и соревнования по плаванию, туризму, легкой атлетике, игровым видам спорта.

День студентов в лагере начинался с подъема в 7.00 часов и утренней гимнастики, которую проводили сами инструктора-общественники. Затем все студенты и преподаватели работали в колхозах, возвращались в лагерь, обедали, а затем наступало время спортивных тренировок и соревнований. За работу в колхозах лагерь получал продукты²³. Во время практики в пионерских лагерях инструктора – общественники проводили соревнования по пионерским ступеням ВФК ГТО²⁴. Под руководством преподавателей кафедры некоторые студенты – разрядники, отличившиеся в спартакиадах, проводили занятия в средних школах²⁵.

В рамках учебно-академических занятий кафедрой физического воспитания в 1962-1967 гг. решалась задача создания условий профессиональной специализации студентов по отдельным видам спорта. Каждый студент должен выбрать для себя вид спортивной специализации, по которому на занятиях совершенствовал свои навыки и впоследствии по нему выполнял нормативы инструктора общественника. В 1966 г. Министерство просвещения СССР издало приказ № 431, согласно которому все советские ВУЗы должны были проводить занятия по физической культуре для I и II курсов по избранному студентами видам спорта. Кафедра физического воспитания БГПИ перешла на занятия по спортивной специализации с начала 1966/1967 учебного года. Академические занятия в институте проводились регулярно по 4 часа каждую неделю в строгом соответствии с расписанием. Была разработана программа по видам спорта, куда вошли требования по приобретению профессиональных навыков инструктора-общественника и необходимый теоретический курс. Были созданы группы обучающихся по спортивным направлениям: в 1966/1967 учебном году занималось баскетболом – 21 человек; спортивной и художественной гимнастикой вместе – 96 человек; лыжным спортом – 135 человек. В этом же году в соответствии с приказом № 431 Министерства Просвещения СССР кафедрой физического воспитания БГПИ был создан план, по которому каждый студент института должен был выполнить нормативы спортивного разряда по избранной специализации²⁶.

Улучшилась и организация курса спортивного совершенствования или секционной работы, проводимой преподавателями кафедры физического воспитания по различным видам спорта для студентов, стремившихся углубить свои спортивные навыки для того, чтобы применить их на соревнованиях, занять там призовые места. Студенты, посещавшие 6 часов в неделю дополнительные занятия курса спортивного совершенствования или спортивные секции, могли не ходить на обычные академические пары по физкультуре. По отчетам кафедры физического воспитания за 1964/1965 и 1965/1966 учебные годы видно, что при проведении занятий спортивного совершенствования испытывало организационные трудности. Эти занятия не вносились деканатами БГПИ в регулярные факультетские расписания, и потому наблюдались наложения тренировок с консультациями и парами по медицинской подготовке²⁷.

До определенного времени ректорат и многие деканы не считали секционную работу важной и обязательной. По словам А.Г. Наметченко: «Кафедра физического

воспитания стала поднимать» спорт на факультетах и вовлекать в секции само руководство БГПИ, создавать волейбольные команды с участием преподавателей. Стало существенно меняться отношение к физкультуре на факультетах. Появилось стремление руководства вовлечь в это и студентов, создать сильные сборные команды для участия в спартакиадах. Были люди и понимающие и способствующие развитию спорта. Например, на физико-математический факультет пришел работать Ю.К. Василенко, на факультете иностранных языков был В.И. Луев – прыгун в высоту, перворазрядник. Поэтому секции кафедры развивались, приобретали организационную основу»²⁸. Официальный статус и регулярность курс спортивного совершенствования получил в 1966 г., когда приказ Министерства просвещения СССР № 431 на ряду со спортивной специализацией академических занятий установил и переход на занятия спортивного совершенствования по стабильному плану, внесённому в учебные расписания²⁹.

Примечания:

1. *Здравствуй, БелГУ!: Путеводитель/ Л.Я. Дятченко и др. – Белгород: Издательство БелГУ, 2007. - С. 11.*
2. *Воспоминания А.Г. Наметченко Аудиозапись от 07. 04. 2008 г. Приложение 3 к курсовой работе.*
3. *Воспоминания В.А. Колосова Аудиозапись от 18. 04. 2008 г. Приложение 4 к курсовой работе.*
4. *Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р 1163, Оп. 1. Д. 178. - Л 1.*
5. *Копия трудовой книжки В.А. Колосова лл. 2–5. Приложение 1 к курсовой работе.*
6. *Архив управления делами Белгородского государственного университета (АУД БелГУ). Оп.1. Д. «Уволенные на «М». Личное дело Максакова В.И. - Лл 41-54.*
7. *Воспоминания А.Г. Наметченко Аудиозапись от 07. 04. 2008 г. Приложение к курсовой работе № 3.*
8. *АУД БелГУ. Оп.1. Личные карточки 1998 – 1999 гг. - Лл 30-31.*
9. *Воспоминания А.Г. Наметченко Аудиозапись от 07. 04. 2008 г.*
10. *АУД БелГУ. Оп.1. Личные дела рабочих и служащих, выбывших из института в 1963 году с «А» по «Ш». - Лл 35-42.*
11. *Воспоминания В.А. Колосова Аудиозапись от 18. 04. 2008 г.*
12. *Воспоминания А.Г. Наметченко Аудиозапись от 07. 04. 2008 г. Приложение к курсовой работе № 3.*
13. *Воспоминания В.А. Колосова Аудиозапись от 18. 04. 2008 г.*
14. *ГАБО. Ф. Р- 1163, Оп. 1. Д. 178. Лл 1–4.*
15. *Там же.*
16. *Копия трудовой книжки В.А. Колосова лл. 2 – 5. Приложение к курсовой работе № 1; Воспоминания Наметченко А.Г. Аудиозапись от 07. 04. 2008 г.*
17. *ГАБО. Ф. Р-1163, Оп. 1. Д. 178. Л. 1.*
18. *АУД БелГУ. Оп. 1. Д. Личные дела рабочих и служащих, выбывших из института в 1963 году с «А» по «Ш». Лл 35-42.*
19. *ГАБО. Ф. Р-1163, Оп. 1. Д. 178. – Л. 1.*
20. *Там же. Д. 296. – Л. 1.*
21. *Там же. Д. 335. - Лл 3 – 5; Д. 448. – Лл. 3 5.*
22. *Там же. Д. 448. - Лл 1–3.*
23. *Воспоминания Колосова В.А. Аудиозапись от 18. 04. 2008 г.*
24. *ГАБО. Ф. Р-1163, Оп. 1. Д. 178. - Лл 9 11.*
25. *Там же. Д. 335. - Лл 1-4.*
26. *Там же. Д. 448. - Лл 3–6.*
27. *Там же. Д. 296. – Лл. 3–6; Д. 335. Лл 1–4.*
28. *Воспоминания Наметченко А.Г. Аудиозапись от 07. 04. 2008 г.*
29. *ГАБО. Ф. Р-1163, Оп. 1. Д. 448. - Лл 1–5.*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД Н.П. КОНДАКОВА*

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, искусство, памятник, монастырь.
The key words: Byzantium, Ancient Rus, art, monument, monastery.

Дела и имя академика Н.П. Кондакова (1844–1925), великого русского ученого, уроженца современной Белгородчины (с. Халань Чернянского района), навсегда вошли в историю искусствознания как дела и имя человека, совершившего решительный переворот в исторической науке. Именно он создал новую дисциплину – историю византийского и древнерусского искусства, заложив основу для изучения художественного наследия связанных с Византией стран, в первую очередь Закавказья и Балкан¹.

С 1873 г. начинается ряд кондаковских поездок на христианский Восток, которые во многом сделали из Кондакова учёного и знатока восточно-христианского археологического материала. Постоянные научные поездки не прекращались на протяжении всей жизни Кондакова, обогащая и без того его богатые знания всё новыми фактами и знакомством со всё новыми памятниками.

Почти каждая такая поездка приносила впоследствии издание какой-либо монументальной работы, дававший огромный, совершенно новый материал. Таким образом, задачей этих книг являлось, в первую очередь, издание материалов². Именно из материалов этих поездок Кондаков и создал постепенно концепцию истории византийского искусства, одну из первых в России и мире.

В 1873 г. Н.П.Кондаков совершил поездку в Грузию с целью изучения архитектуры грузинских церквей, а ее результаты обобщил в статье «Древняя архитектура Грузии». Позднее, по Высочайшему повелению императора Александра III, Н.П.Кондаков, вместе с грузинским археологом Д.З. Бакрадзе, совершил поездку на Кавказ для составления описи ризниц монастырей Мингрелии, Имеретии, Грузии с целью помешать начавшемуся расхищению древностей: богатейшие собрания подвергались расхищению со стороны коллекционеров. Было решено, по предложению Н.П. Кондакова, составить рабочую опись важнейших предметов древности, хранившихся в ризницах главных монастырей Грузии, с тем, чтобы, «по напечатании этой описи, епархиальное ведомство предписало монастырям хранить по ней то, что будет отмечено».

Ученый обнаружил значительное число памятников, ранее оставшихся неизвестными. В личном деле Кондакова хранится докладная записка, свидетельствующая, что за сентябрь месяц указанного года им было исследовано 14 монастырей и составлена подробнейшая «Опись древностей в некоторых храмах и монастырях Грузии». Описание ризниц издано под названием «Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» (1890 г.)³.

В 1891 г. Н.П. Кондаков совершил научную поездку в Сирию и Палестину для изучения христианских древностей Святой земли. Основной задачей исследования было изучение типичных форм, характера и степени участия различных стран Востока в создании христианского искусства⁴.

Древности Палестины и Сирии имеют важнейшее значение для истории христианского искусства в период от начала IV в. до середины VII в. Восточный характер византийского искусства, который достаточно четко устанавливается, наряду с другими, имеет свой источник, как в малоазиатских центрах, так и в Иерусалиме и Антиохии.

Сирия, как считается искусствоведами, в довизантийский период никогда не имела характерного самостоятельного искусства. Она была, скорее, «фабрикой для

---

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского Гранта БелГУ ВКАС № 52-08 и программы «Развитие научного потенциала высшей школы».

массового воспроизведения художественно-промышленных изделий Египта (по преимуществу) и Передней Азии»⁵.

Раннехристианский период в искусстве был временем вызревания будущего византийского стиля. По различным видам искусства здесь зарождались все фундаментальные основы стиля, которые получили развитие в дальнейшем.

В области архитектуры с IV в. начинается переходное время от античности к собственно византийской архитектуре, которую многие ученые начинали с VI в., времени масштабного строительства Юстиниана, когда произошел переворот в принципах организации церковного здания (в основном благодаря применению купола, который в массовом порядке утвердился позднее).

Объектом основного внимания и исследования экспедиции Кондакова в Палестину был храм Гроба Господня. Именно здесь, в работе с данным памятником проявился комплексный подход ученого, выразившийся в стремлении охватить одной работой весь курс источников, связанных с памятником⁶.

Таким образом, в ранневизантийском периоде Кондаков видел генезис и разнообразие архитектурных форм, их декоративного убранства и подчеркивал его важную роль для формирования архитектуры более позднего времени.

Вышедшая впоследствии в свет книга «Археологические путешествия по Сирии и Палестине» представляет собой введение в изучение церковных древностей Палестины, а шире в ее «художественную археологию» византийского времени. Задача книги – издание полученных материалов и введение их в научный оборот⁷.

В мае–июне 1898 г. Н.П. Кондаков возглавил русско-французскую экспедицию по изучению афонских монастырей. В результате поездки был произведен осмотр 18 монастырей и одного скита, главным образом со стороны их ризниц, икон и церковной утвари.

Целью данной поездки явилось изучение и систематизация памятников христианского архитектурного искусства на Афоне: их скульптурных украшений, памятников иконописи и др. Научная важность этой поездки может быть объяснена изучением художественного наследия Византии и ролью византийских древностей и их отношением к древностям других стран Европы, воспринявших культуру и искусство Византии. Материалы этой экспедиции обобщены в книге «Памятники христианского искусства на Афоне»⁸.

В 1900 г. под руководством Н.П. Кондакова была совершена археолого-этнографическая экспедиция Петербургской Академии наук в Македонию. Изолированность Македонии от внешнего мира способствовала сохранению памятников христианского искусства вокруг Охридского озера⁹. В заключении к отчету о путешествии в Македонию Н.П. Кондаков сформулировал общие задачи для изучения славянских древностей на Балканах как особой автономной ветви византийской археологии¹⁰.

В результате «археологических поездок» в страны христианского Востока от Балкан до Передней Азии был сделан огромный вклад в мировую историческую науку. Опубликованные по результатам поездок работы Н.П. Кондакова ввели в научный оборот большой, неизвестный ранее материал и наметили пути решения ряда важнейших вопросов истории искусства Византии.

Сегодня, несмотря на устаревшие методы работы столетней давности, идеи и концепции Кондакова продолжают быть «строительным материалом» для новых исследований.

Примечания:

1. Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. - С. 5.
2. Клейн Л.С. Византиец // Кондаковские чтения – I. Проблемы культурной преемственности. Материалы международной научной конференции / Под ред. Н.Н. Болгова. Белгород, 2005. - С. 13.
3. Возвращение на Родину: академик Н.П. Кондаков (1844–1925). Документы и материалы // Белгородский историко-археологический сборник. Вып. 2. Белгород, 2004. - С. 69.
4. Там же. - С. 78.

5. Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. - С. 47.
6. Клейн Л.С. Византиец. - С. 13.
7. Там же.
8. Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. М., 2004. - С. 62.
9. Возвращение на Родину: академик Н.П.Кондаков (1844–1925). Документы и материалы // Белгородский историко-археологический сборник. Вып. 2. Белгород, 2004. - С. 78.
10. Там же. - С. 80.

Семенист И.В. (Киев)

США: ПОИСКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX В.

Ключевые слова: США, Внешнеполитическая стратегия, «Односторонний подход», «Многосторонний подход», «Выборочный подход».

The key words: United States of America, foreign policy strategy, one-sided approach, multi-lateralism, selective approach.

Один из классиков теории политического реализма - профессор Гарвардского университета С. Хофман очень удачно высказался относительно термина «мир после "холодной войны"» (post-Cold War world): «Мы живем в совсем беспрецедентном мире. Его как-то тяжело даже обозначить. Если ты не знаешь, что это за штука, ты его называешь после чего-нибудь еще»¹.

Действительно, слом четко структурированной биполярной системы привел к хаосу в международных отношениях, которые, откровенно говоря, даже не укладываются в никакие системы. Такая аморфность, «транзитность» привела к разладу всех бывших ясных представлений о внешней политике каждого из центров экономического и военно-политического могущества. Не случайно, что ни в Москве, ни в Токио, ни в Бонне, ни в Вашингтоне не могли четко сформулировать подходы для данного этапа международных отношений и, соответственно, выработать собственную стратегию и тактику в мире².

Внешнеполитический курс администрации Клинтона вызвал серьезную критику. Основанием для нее является аргумент, который в общей форме высказан Е. Фэ́льнером: «Америка сейчас имеет внешнюю политику настолько же хаотичную, как хаотичный и сам мир».

В обозначенный период в США существовало немало подходов к оценке международной ситуации, а также и к самой внешней политике США, которые довольно серьезно отличались от официальной линии Вашингтона.

Таких направлений вообще можно выделить три:

«Многосторонний подход» (интернациональный). Представители данного подхода к внешней политике акцентируют на том, что внешняя политика США должна базироваться на сотрудничестве со своими союзниками, а также на взаимодействии с международными организациями.

«Глобально-коллективистский гегемонизм». На теоретическом уровне данный подход был обоснован У. Кристофером и Э. Лейком, и П. Тарнофом (помощник госсекретаря). Сторонники данного варианта «многостороннего подхода» настаивали на массивном или глубоком привлечении США на всему земному шару и ко всем проблемам, которые так или иначе касаются национальных интересов Америки. Т.е. стратегия США, с одной стороны, должна базироваться на коллективистских принципах сотрудничества, прежде всего со своими союзниками, а также с использованием международных организаций, а с другой стороны - она должна носить глобальный характер. Таким образом, в основе данного подхода лежит идея привлечения других ресурсов для реализации американских интересов (так называемая «доктрина Тарнофа»). Кроме этого, источником этого подхода послужила и т.н. «доктрина Гальперина» (по

имени М. Гальперина – члена Совета по национальной безопасности), суть которой основывается в том, что необходимо опираться на международные организации для получения моральных и законных оснований для проведения американской политики. Именно этой стратегии придерживалась администрация Б. Клинтона.

Критика другого рода, но также с требованием расширить сферу глобализма, прозвучала в статье П. Кеннеди. Ее суть заключается в том, что, не уменьшая своих усилий с укрепление сотрудничества с основными ключевыми актерами мира, необходимо одновременно усилить активность относительно «важных для США стран», которыми есть Мексика, Бразилия, Алжир и Египет, а также ЮАР, Турция, Индия, Пакистан, и Индонезия. Эта «девятка» должны быть компонентом «периферийной национальной безопасности». Понятно, что речь идет о сотрудничестве в контексте национальных интересов США, которое припускает более плотное переплетение военно-политических и экономических связей, которые разрешают США более в полной мере контролировать ход событий в «жизненно важных странах».

«Выборочный подход» (неоизоляционизм). Теоретическую основу данного подхода заложил Дж. Шлессинджер (министр обороны в администрациях Никсона и Форда) и Г. Киссинджер. По мнению, Д. Шлессинджера в проведении внешней политики США не должны вмешиваться в дела, которые не имеют прямого отношения к национальным интересам США. Исходя из этого, он неодобрительно отнесся к вторжению в Гаити и втягивание в Сомалийские дела. Скептически Д. Шлессинджер высказался и относительно политики «демократии» и «прав человека», которым администрация Клинтона предоставляла «приоритетное значение»³.

В свою очередь Г. Киссинджер отмечает, что нынешний ВВП США составляет приблизительно 20-22% от мирового ВВП. Хотя это тоже немало, но «Соединенные Штаты фактически оказались не в лучшей позиции, чтобы диктовать в одностороннем порядке глобальную повестку дня, так как это было в начале "холодной войны". И хотя ныне Америка имеет большее преимущество, чем это было десять лет назад, однако, ирония заключается в том, что сила также стала более размытой. Таким образом, способность Америки использовать ее, чтобы влиять на весь мир, фактически уменьшилась»⁴. И это заставляет Америку, считает Г. Киссинджер, «быть разборчивой (селективной), т.е. знать, что касается американской безопасности, а что нет»⁵.

В целом бывший госсекретарь США считает, что необходимо отказаться от глобализма и строить свои отношения на основе баланса сил с акцентом на двусторонние связи, не отказываясь при этом от участия и в международных организациях.

К «выборочному подходу» можно отнести и Вильяма Мейнеса (помощник госсекретаря при президенте Дж. Картере, а со временем - главный редактор журнала «Foreign Policy»). По его мнению, внешняя политика США в 90-е гг. определялась не доктринами, а простыми реакциями на события. По его мнению, альтернативой концепции «нового мирового порядка» и доктрине «расширение» должна быть система взглядов, которая базируется на таких четырех фундаментальных целях США: «защитить страну от нападения; сохранить или создать среду, в которой демократия Соединенных Штатов может процветать; защитить, и если возможно, улучшить благосостояние американского народа; поддерживать послевоенную роль Америки как руководителя международной системы, избегая необоснованных затрат на это».

В. Мейнес считает также, что постоянное утверждение о том, что США является единой сверхдержавой в мире, может только раздражать этот мир, а политика в области прав человека и демократии носит слишком двусмысленный характер.

В целом, по мнению В. Мейнеса, исходя из возможностей США и их жизненных интересов, необходимо придерживаться баланса в отношениях, прежде всего с теми странами, «которые определяют характер международной системы: Китай, Япония, Россия, члены ЕС, и некоторые новосоздаваемые государства наподобие Индии и Индонезии».

Следует отметить, что хотя среди экспертов по внешней политике не так уже и много приверженцев данного подхода, то среди конгрессменов, их можно встретить немало. Так, глава сенатского комитета по внешней политике Д. Хелмс, встревоженный критической ситуацией в США (огромный федеральный долг и бюджетный дефицит, преступность, массовая неграмотность, межэтнические конфликты и т.п.), требует резко сократить внешнеполитическую активность США и прекратить нести «несправедливую ответственность за другое человечество». «Или действительно так уже необходимо, - спрашивают много американцев, - каждый год платить 5 млрд долл. Израилю и Египту ради мира на Ближнем Востоке? Или не лучше эти деньги израсходовать на реконструкцию американских общественных школ? Надо ли финансировать миротворческие операции в Хорватии или лучше их израсходовать на полицейских в Чикаго? Чему бы не забыть о Гаити и сфокусироваться на безработице в Лос-Анджелесе?»⁶.

Таким образом, неоизоляционистов мало волнует большая роль США в мире. Больше беспокоят собственные американские проблемы, которые являются недооцененными по их мнению.

«Односторонний подход» (гегемонизм). Общей парадигмой этого направления является лозунг «Америка превыше всего». Представители данного направления настаивали на «массированном или глубоком вовлечении» в международные дела, полагаясь только на национальную военно-экономическую мощь США, без учета интересов и даже сотрудничества с официальными союзниками, не говоря о всяческих международных организациях.

Главным выразителем данного подхода к внешней политике в 90-е гг. стал сенатор-республиканец Б. Доул, который в концентрированной форме выложил ее в статье «Создавая глобальное будущее Америки»⁷.

В начале статьи он отмечает: «Кто может сомневаться в том, что политика США сыграла центральную роль в распаде советского коммунизма? Наибольший успех Америки и ее демократических союзников в "холодной войне" - это что-то, чем надо гордиться, и о цене этой победы нельзя забывать»⁸. «Ценой» он называет затраты США на активность в Афганистане, Польши и «в других местах».

Б. Доул считает, что никто, кроме самых США не сможет защитить их собственные интересы. США - это единое глобальное государство, и она должна быть сильной как внутри, так и за рубежом. Это тем более актуально, поскольку вместо «нового мирового порядка» на смену пришло «новый мировой беспорядок». Ответственность за этот беспорядок Б. Доул возлагает на Дж. Буша и Б. Клинтона, которые, по его мнению, проигнорировали шесть принципов и четыре «идеала» обеспечения американских интересов.

Эти принципы можно свести к шести пунктам: 1) недопущение господства одного государства в Европе; 2) установление баланса сил в Восточной Азии; 3) обеспечение безопасности и стабильности в Западном полушарии; 4) сохранение доступа к природным ресурсам, в частности, к сердцу энергетики - Персидского залива; 5) усиление международной свободной торговли и расширение доступа США на глобальные рынки; 6) защита американских граждан и собственности за рубежом. Идеалы: воля, демократия, законность и соблюдения прав человека, - естественно, по американским меркам.

Б. Доул подчеркивает, что защита упомянутых «идеалов» имеет смысл только тогда, когда это затрагивает ключевых стратегических союзников США, например, в западной части Тихого океана. Иначе говоря, когда затрагиваются стратегические интересы самих США.

Сенатор приводит красноречивый пример: зачем тратить 2 млрд. долл. на Гаити, где американские интересы маргинальные, и так должно было тратить на поддержку свободной торговли и демократии «в такой стратегически важной стране как Украина». Сразу же за этой фразой идет: «Оборонительные доллары тратятся на проекты по защи-

те окружающей среды и оборонительную "конверсию" в то время как военная готовность, модернизация и персонал не имеют достаточного финансирования. Внешняя помощь и оборонительные доллары должны быть инструментами национальной политики, чтобы усилить американскую безопасность они не должны "транжириться" на бессмысленные программы».

Если относительно России строится лишь предположение, то другие «угрозы», с которыми США может встретиться в ближайшей или среднесрочной перспективе, пересчитываются в виде утверждений: возобновление иракской угрозы нефтяным буровым скважинам Саудовской Аравии; стремление фундаменталистского Ирана к господству в Персидском заливе; угроза Южной Кореи и Японии со стороны Северной Кореи; конфликт между Индией и Пакистаном, который может перерасти в первую мировую ядерную войну; экономическое соперничество между Японией и Китаем, который может обернуться военным конфликтом.

«Поскольку США приближаются к следующему столетию, необходимо сохранить два принципа: защита американских интересов и обеспечение американского лидерства. Конец "холодной войны" дал нам историческую возможность. Такая возможность не должна быть утрачена ради проведения утопической многосторонности или намеренного изоляционизма. Мы уже видели опасности американским интересам, престижу и влияния через эти подходы. Вместо этого мы имеем вынести урок из "холодной войны", чтобы сориентировать нашу будущую внешнюю политику: поставить американские интересы на первый план и лидировать. Будущее не будет ждать Америки, но оно может быть построено непревзойденной Америкой»⁹.

К представителям «одностороннего подхода» следует также отнести спикера палаты представителей, республиканца Н. Гингрича, который предлагал выходить, прежде всего, из интересов американской безопасности и американских ценностей, не проникаясь интересами своих союзников или партнеров. В частности, они настаивают на более твердых позициях США в переговорах с Японией. Кроме того, они считают, что когда затрагиваются интересы безопасности и ценностей США, отстаивать их надо самостоятельно, без обязательного согласования своей политики с союзниками. В конце концов, американская внешняя политика должна строиться независимо от мысли ООН и других международных организаций.

Однако есть немало политиков и ученых, которых тяжело отнести к какой-нибудь группе. Среди них Р. Хаасс, который работал в Совете безопасности при президенте Дж. Буше. Сам Р. Хаасс дает более детальную классификацию разных направлений по вопросам внешней политики, с идеями которых он не соглашается. Его собственная идея сформулирована в формуле «реализм плюс», что расшифровывается так: лидировать, конечно, США необходимо - от этого как бы куда не денешься - но лидировать надо мудро, реалистически, т.е. концентрироваться на ключевых направлениях, которыми, в его понимании, есть Персидский залив, Северо-Восточный Азия и Европа¹⁰.

На отдельное рассмотрение заслуживает и позиция З. Бжезинского. С одной стороны, он, и это естественно, выступает за безоговорочную гегемонию США, с другой стороны - проблема утверждения этого лидерства, исходя из его соображений, решается скорее не на основе массивного привлечения в события, а на основе тонкой военно-стратегической игры со своими союзниками против потенциальных угроз США. Это прослеживается в его конкретных рекомендациях относительно ключевых стран.

Ныне по прошествии некоторого времени можно сказать, что в отношении выбора внешнеполитической стратегии в США победил «срединный путь». Причиной этого стало то, что США не имеют возможности играть роль глобального дирижера, а поэтому возникло природное желание перенести часть тяжести на своих союзников. Кроме этого, в США начинают наблюдаться экономические трудности, последствием

которых стало сокращение военных затрат, а соответственно и сокращение возможности влияния на геостратегическую ситуацию в мире.

Примечания:

1. Цит. за Арин О. А. *Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность*. М.: Флинта, Наука, 1997.
2. Там же. – С. 188.
3. Алиев Р.Ш.-А. *Безопасность в Восточной Азии: подходы США, КНР и России // Проблемы безопасности в Азии*. М.: ЗАО ИИЦ «Европеум-Пресс», 2001. – С. 127.
4. Kissinger Henry. *Diplomacy*. NY... Singapore // Simon & Schuster, 1994. – P. 809.
5. Kissinger Henry. *Diplomacy*. – P. 833.
6. Time. April 17, 1995. // www.time.com/time/magazine/article/0,9171,982819,00.html
7. Dole Bob. *Shaping America's Global Future*. Foreign Policy, Spring 1995.
8. Dole Bob. *Shaping America's Global Future*. – Foreign Policy, Spring 1995.
9. Цит. по: Устинова Т. Н. *Политика США и Японии в АТР и проблемы безопасности // Проблемы безопасности в Азии*. М.: ЗАО ИИЦ «Европеум-Пресс», 2001. – С. 179.
10. Там же. – С. 205.

Снежко В.В. (Белгород)

КУРСКОЕ ЖЕНСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ КАК ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: Курск, Епархиальное училище, воспитанница, земство, учебный год.
The key words: Kursk, eparchial School, pupil, zemstvo (local government), academic year.

Актуальность темы обусловлена меняющейся концепцией современной педагогики. Российское образование переживает время реформ. Приведут ли эти изменения к новому качеству образования, усилят ли его важнейшую функцию - повышение интеллектуального и духовного потенциала нации, зависит, прежде всего, от тех приоритетов, которые будут избраны для его развития.

Знакомясь, с учебно-воспитательным процессом в Курском женском епархиальном училище мы сможем убедиться, что образование как социокультурный феномен, должно содержать признаки национального менталитета. Обращение к проблемам женского образования в России способствует и развитию гендерных исследований, т.к. они связаны с историей женского движения, с ролью женщин в создании учебных заведений и вкладом образованных женщин в культурное развитие России.

Задачи настоящего исследования заключаются в том, чтобы:

- во-первых, определить место женских епархиальных училищ в образовательной системе России;
- во-вторых, изучить особенности учебно-воспитательного процесса в женском училище и тенденции его развития на протяжении исследуемого периода.

Источниками исследования стали документы Государственного архива Курской области, дореволюционные выпуски газеты «Курские епархиальные ведомости, которые позволили воссоздать программу обучения и воспитания в епархиальном училище.

В 1841 г. был утвержден императором Николаем I Устав духовных консисторий, по которому епархиальному начальству вменялось в обязанность «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ в виде простом и приспособленном к народному быту для обучения детей поселян чтению, письму, молитвам и начаткам катехизиса». Такие училища предписано открывать преимущественно при монастырях мужских – для мальчиков, женских – для девочек. Открывавшиеся женские школы, которые частично содержались на средства епархиальных попечительств, прежде всего, предназначались для сирот из духовного звания.

В 1855 г. было уже 22 школы. Образцом служила возникшая в 1843 г. Царскосельская школа, попечительницей которой стала супруга Николая I императрица Александра Федоровна.

По уставу Царскосельского училища к 1866 г. было создано 11 подобных учебных заведений: Ярославское, Казанское, Иркутское, Виленское, Киевское, Могилевское, Полоцкое, Волынское, Подольское, Минское. Они находились под покровительством императрицы и получали содержание из духовно-учебных средств. В других епархиях также стали открываться учебные заведения для дочерей духовенства, но в отличие от первых они не имели поддержки от государства, содержались на местные средства, не имели единого устава и поэтому устраивались по усмотрению епархиального духовенства. В Курске женское образование начало осуществляться с 14 февраля 1869 г., когда в память императора Александра II был открыт Александровский женский приют на 33 воспитанницы при Курском женском монастыре. В «Курских епархиальных ведомостях» в 1871 г. были помещены отчеты об открытии в Курской губернии при имеющихся женских монастырях женских духовных училищ. В разделе этого издания «Женские училища при женских монастырях» говорится, что «открытие женских училищ есть явление отрадное... Помогая делу образования русского народа, монастыри этим самым возвращаются к тому первоначальному и истинному идеалу, который они осуществляли в первые времена их возникновения».

Открытие духовных школ для девочек соответствовало потребностям времени. С одной стороны, государство не затрачивало средств на их содержание, так как монастыри самостоятельно обеспечивали учащихся всем необходимым. С другой стороны, учитывалось, что женщины больше нуждались в элементарном образовании, монастыри не только давали это образование, но и нравственно воспитывали учениц.

В 1868 г. был утвержден Устав женских епархиальных училищ, дающий право выпускницам училищ занимать должности учительниц. Статус епархиального училища получали только те заведения, чья педагогическая деятельность соответствовала программе Устава. Преобразованию Курского епархиального училища посодействовало земство. Преосвященный Курской епархии обратился за помощью к председателю местной земской управы с предложением открыть при училище педагогический курс с целью приготовления воспитанниц к званию учительницы народной школы. Предложение Преосвященного было поддержано, и в 1871 г. земство ассигновало на содержание педагогического класса сначала 2000 р., а в 1872 г. 3000 р. и 400 р. на училищную библиотеку. С 1873 г. земство постановило выдавать ежегодно в помощь училищу 3000 рублей на жалование преподавателям и на возвышение учебной части в училище, и 200 рублей на устройство училищной библиотеки.

Пособие земства дало возможность расширить училищную программу до уровня трехклассного епархиального училища и перейти к подготовке учителей по программам епархиальных училищ.

В отчете обер-прокурора Свящ. Синода гр. Д.А. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год указывается статус Курского епархиального училища. Таким образом, мы можем говорить о создании в Курске женского трехклассного (с двухгодичным курсом в каждом классе) епархиального училища в 1871 или 1872 году.

В 80-е годы учебное заведение в Курске было преобразовано в шестиклассное с одногодичным курсом в каждом классе. Продолжая получать поддержку от земства, которое еще и контролировало постановку учебного дела, проводя ревизионные проверки. В 1875 году отзыв о ревизии был представлен Преосвященному. В нем говорилось, что заведение, несмотря на скудные средства, находится в цветущем состоянии и поэтому ежегодные затраты земства на училище вполне целесообразны.

Наибольшего расцвета Курское епархиальное училище достигло в 90-е годы XIX века, хотя поддержка земства уже сократилась. Финансирование училища осуществлялось в основном за счет епархии, а также из пожертвований предприятий и частных лиц:

владельцев заводов, купцов, священников, редакции газеты «Курские епархиальные ведомости», городской управы. Например, на строительство нового училищного корпуса в 1906 г. средства были получены от: свечного завода 300 000 руб., от курской духовной консистории 158 532 руб., от купца Н.А. Терещенко 10 000 руб. Помимо того, средства на содержания училища поступали с процентов от вкладов и ценных бумаг, размещенных в банках, от купленных лотерейных билетов.

Воспитанницы епархиального училища разделялись на своекоштных и казеннокоштных. Первые вносили плату за обучение и содержание для девиц духовного сословия – 150 рублей, и прочих сословий – 200 рублей. Приходящие ученицы платили 25 рублей в год. Часть учениц получала бесплатно одежду и обувь. Некоторые по окончании курса получали денежное пособие.

Наибольших расходов требовало питание пансионеров, прислуги и воспитателей. В январе 1892 г. сумма на эти цели составила 12492 рублей 37 копеек. На жалование преподавателей было израсходовано 4445 рублей. На покупку одежды и обуви для девочек потребовалось 3563 рублей 44 копеек. Отопление и освящение здания обошлось в январе 1892 г. в 3 201 рублей. Примерно одинаковые суммы были выделены на больницу и библиотеку – по 400 и 300 рублей соответственно. По данным Ведомости о расходе января 1892 г. при Курском епархиальном училище содержались коровы и лошади, на содержание которых было выделено 266 рублей 20 копеек.

Особенностью женского епархиального училища было создание так называемого штата призреваемых девиц, который существовал с момента основания училища. Формировался он из взрослых девиц – сирот духовного звания в количестве 20 человек, не имевших никакого образования. Призреваемые получали от училища полное содержание: стол, одежду и обувь. Они исполняли обязанности комнатной прислуги при училище. Таким способом курское духовенство, с одной стороны, давало кров и пищу 20 сиротам, а с другой – значительно экономило на оплате труда обслуживающего персонала. Подобная практика была упразднена по указу Св. Синода как не соответствующая Уставу епархиальных училищ после очередной ревизии в 1907 г. Кроме призреваемых сирот при епархиальном училище существовало два приюта: мужской на 10 человек и женский на 15 человек для малолетних сирот, открытые в 1879 г. в честь чудесного спасения жизни Александра II. Мальчики в приюте готовились для поступления в духовное училище, а девочки в епархиальное женское училище. Курское епархиальное училище в конце XIX века играло значительную роль не только в развитии образования, но и в призрении сирот духовного сословия.

В 1912 г. на деньги пожертвователей и ссуды Св. Синода было построено новое здание епархиального училища. Но из-за первой мировой войны, а потом революции воспитанницы практически не пользовались новым помещением.

Численность воспитанниц Курского епархиального училища постоянно возрастала благодаря тому, что заведение не было строго сословным: помимо дочерей священства, за плату учились девочки из других сословий. Правила приема, установленные в 12 главе Устава требовали, чтобы к прошениям о приеме в училище прилагались «метрические свидетельства о летах девиц и чтобы принимаемые девицы имели соответствующие классу познания и возраст».

В 1870 г. в Курском монастырском училище насчитывалось 22 воспитанницы. Ученицы были разделены на два отделения по возрасту: на старшие – 10 учащихся и 12 в младшем. В 1877/78 учебном году здесь уже обучалось 89 воспитанниц; в 1879/1880 учебном году контингент учащихся достигал 108 человек; в сентябре 1913 г. число учащихся составляло 350 человек.

Согласно постановлению Народного комиссариата просвещения РСФСР от 2 декабря 1917 г. училище было передано из церковного ведомства в ведение Наркомата просвещения и просуществовало до декабря 1919 г.

Программа открытого в Курске в 1866 г. училища была сходной с программой уездных училищ. Выпускниц этого заведения ждала скромная жизнь в селе в замужестве за сельским священником или дьяконом. В 1868 г. был учрежден Устав женских епархиальных училищ с более обширным шестилетним учебным курсом. После окончания которого выпускницы получали звание домашней учительницы. По инициативе преосвященного владыки Сергия и при финансовой поддержке земства была изменена учебная программа училища, был открыт педагогический класс, что позволило заведению получить статус епархиального училища.

Первый выпуск воспитанниц этого курса, состоявшийся в 1872 г., дал положительные результаты: из 15 воспитанниц 1 получила звание учительницы сельской школы и 14 – звание учительницы городского начального училища. Все выпускницы этого курса начали работать на ниве народного просвещения: две из них были оставлены при училище в качестве воспитательниц, а остальные 13 получили места учительниц в уездных городах и селах.

По программе трехклассного училища с двухгодичным курсом в каждом классе преподавались следующие предметы: Закон Божий, арифметика, география, геометрия, история, педагогика, русский язык, физика.

Трехклассная форма обучения имела свои недостатки. Так как, курс обучения в каждом классе был двухгодичным, то прием осуществлялся через год. Если обучающиеся проявляли неуспеваемость, то их оставляли на второй год. Когда епархиальное училище было преобразовано из трехклассного в шестиклассное с одним годом в каждом классе, приём стал производиться ежегодно и число воспитанниц стало быстро увеличиваться.

Согласно § 80 Устава, в училище стали преподавать следующие предметы: Закон Божий, литературу, словесность, русский язык с церковно-славянским, географии, историю, арифметику, геометрию, физику дидактику, церковное пение, чистописание, рукоделие. В качестве необязательных предметов преподавались французский язык, гимнастика и скрипичная игра. Большое внимание уделялось и внеклассному чтению, которое по Уставу являлось обязательным. Воспитательницы наблюдали за тем, чтобы в свободное время учащиеся занимались чтением, делали конспект книг в дневниках и излагали впечатления от прочитанного. В конце месяца эти записи предоставлялись преподавателям или инспектору классов.

Существенное внимание в Курском епархиальном училище уделялось музыкально-эстетическому воспитанию, основой которого было церковное пение. Этот предмет относился к обязательным и преподавался по 2 часа в неделю на 1–4 курсах, а в 5-6 году обучения – во внеклассное время. Преподавание церковного пения отличалось от преподавания в светских учебных заведениях и проводилось в строго религиозно-православном духе. Согласно учебному плану, этому предмету было отведено 12 часов в неделю. В 1886 г. по распоряжению Синода было рекомендовано в старших классах знакомить воспитанниц с приемами образования певчего хора и управление им.

Потому как многие выпускницы по окончании курса становились сельскими учительницами и для них желательно было умение составить церковный хор или организовать церковное пение.

В епархиальных училищах вводилось обучение инструментальной игре. Этот необязательный предмет назывался «Музыка» и преподавался желающим воспитанницам за отдельную плату. В каждом училище программу разрабатывал конкретный педагог в соответствии со своими методическими взглядами, опытом, квалификацией. Наиболее популярными инструментами были фортепиано и скрипка. Занятия скрипичной игрой, как правило, проводились в групповой форме по 6-8 человек.

Много часов уделялось обучению девочек рукоделию: кройке, шитью, вышивке. Все принадлежности для обучения: гарусь, канва, бумага, нитки, шелка выдавались девочкам безвозмездно. С 1888 г. по распоряжению Святейшего Синода воспитанницы

должны были овладеть искусством шитья церковных облачений и других принадлежностей церковной ризницы. В Курском училище воспитаниц обучали шитью детской и женской обуви. Учебный комитет осуждал чрезмерное увлечение «изящным» рукоделием и настаивал на том, чтобы программа по рукоделию была приближена к требованиям повседневной жизни.

Во внеурочное время преподаватели общеобразовательных дисциплин рассказывали о Ломоносове, Колумбе, о чудесах природы и т.п. Устраивались в училище и вокально-литературные вечера с хоровыми выступлениями, чтением стихотворений религиозно-нравственного содержания. Подобные вечера укрепляли в воспитанницах религиозное настроение, вырабатывали привычку к вдумчивому чтению книг.

С 1895 г. в училище вместо педагогики вводилась дидактика. Основная задача новой программы дидактики состояла в том, чтобы подготовить христиански воспитанных и образованных будущих матерей, воспитательниц, учительниц. Ученицы изучали особенности детского возраста, усваивали основы религиозно-нравственного, умственного и физического воспитания, знакомились с устройством и внутренней организацией школы. Девушки обязаны были знать учебники и пособия, по которым велось обучение в начальной школе.

Ученицы старших классов проходили педагогическую практику в образцовой школе при Училище, обучая детей русскому языку, арифметике, чистописанию и церковному пению. Девочек приучали к домашнему труду, ведению хозяйства, уходу за детьми. Каждой из воспитанниц было дано свое послушание: в трапезной, в прачечной, на огороде, по уборке комнат. Таким образом, воспитанницы во всех домашних делах приобретали опыт.

В 1913 г. в Курском епархиальном училище были открыты дополнительные педагогические классы. Наряду с изучением методики преподавания разных предметов и проведением практических занятий, слушательницы 7 и 8 классов изучали краткий курс богословия, педагогическую психологию, литературную деятельность русских писателей XIX века, новейшую историю России и Европы, краткий курс химии и гигиену. Практику воспитанницы 7 класса проходили в Ахтырской церковно-приходской школе, где давали уроки, а также в школе, находившейся при училище. После окончания училища выпускницы получали аттестаты на звание домашних учительниц.

Учебный год в епархиальном училище начинался 17 августа приемными испытаниями и презэкзаменованиями, которые продолжались до 28 августа. Классные занятия начинались с 1 сентября. В конце года проводились переводные испытания. Для письменных экзаменов заблаговременно сообщались темы инспекторам классов. Работы проверяли наставник и члены экзаменационной комиссии. Каждый из них ставил оценку и выводился средний балл, который отмечался в ведомости. В случае получения низкого балла существовала летняя переэкзаменовка, либо ученицу оставляли на второй год.

Продолжительность уроков и количество классных часов было оптимальным: утром с 9 до 12 и после обеда с 14 до 16 часов. Умственный труд чередовался с физическим: во второй половине дня ученицы занимались рукоделиями. Обязательным был двухчасовой обеденный перерыв, позволявший ученицам отдохнуть и набраться сил для дневных занятий.

Епархиальные училища в своей деятельности подчинялись правящему архиерею, местному духовенству и совету училища, куда входили: начальница, инспектор классов и два представителя из духовенства. Совет составлял инструкции для всех должностных лиц, рассматривал учебные программы, представленные учителями, выбирал инспектора классов. Съезд епархиального духовенства избирал начальницу, как правило, известную своей педагогической деятельностью и безукоризненным поведением. В помощь начальнице назначались воспитательницы, в чьи обязанности входило знакомство с методами и приемами обучения по каждому предмету, контроль за дисциплиной.

плиной в классе, чтение ученицам во время уроков рукоделия, наблюдения за поведением воспитанниц, устройство игр и развлечений, помощь слабоуспевающим и многое другое. Воспитательницы находились постоянно рядом с девочками, абсолютно не имея свободного личного времени и даже возможности для отдыха.

Епархиальные училища по своему устройству представляли собой интернат, где воспитанницы проводили все время, уезжая домой только на каникулы, праздники и выходные. От начальницы и воспитательниц, которым вверялось воспитание детей, зависело насколько хорошо и уютно будет воспитанницам в стенах училища. Воспитательницы должны были укоренить в душах учащихся, прежде всего, христианское отношение к ближнему, почтительное уважение к старшим, сердечность и искренность в отношениях, честность, аккуратность, любовь к труду.

Преподавательский состав определялся архиереем по представлению совета училища, как правило, из лиц духовных, реже из светских. В Курском епархиальном училище было 24 преподавателя и 12 воспитательниц, 3 помощницы воспитательниц; 4 учителя игры на рояле, 2 учителя игры на скрипке; церковный староста, эконо́м, писмоводитель, врач и фельдшер. Известны имена некоторых преподавателей. Историю и географию преподавал Иван Чеканов; арифметики и физику – Алексей Моисеев; русский язык и словесность – Василий Постников. Должность инспектора классов занимали протоиерей Василий Краснитский, священник Михаил Турхманов. Председателем училищного Совета был протоиерей Илья Дмитриевич Булгаков.

Инспектор классов посещал уроки преподавателей, контролировал успеваемость воспитанниц по классным журналам, просматривая письменные работы, посещал вечерние занятия воспитанниц. Через каждые два месяца инспектор классов представлял в Совет училища составленную по отметкам преподавателей ведомость об успеваемости воспитанниц. Ведомость рассматривалась в Совете при участии преподавателей и воспитательниц. При этом выяснялись причины неуспеваемости воспитанниц, принимались меры к их исправлению.

Материальное и бытовое содержание воспитанниц было самое простое. Их заранее приучали к скромной трудовой жизни. По мнению московского митрополита Филарета: «Воспитание их должно быть направлено к тому, чтобы дать девицам религиозно-нравственное и хозяйственное образование, но не уклонять их от простоты жизни, свойственной им по рождению и назначению... При помещении заведения должна быть устроена в нем церковь: прочее все, из бережливости должно быть просто, кроме самого необходимого приспособления к потребностям заведения. Воспитываемые девицы живут в малых комнатах и непросторно. Кто придет в такое заведение из подобных светских, тот не похвалит видимого, потому что найдет только чистоту и опрятность, а не занимательный и блистательный вид. Но это сообразно с положением воспитываемых, которые пришли сюда из тесных и скудных жилищ и в такие же, по всей вероятности, должны возвратиться. Блистательное жилище во время воспитания сделало бы для них неприятным их будущие жилища, простые и скудные».

Пожелание Владыки было полностью реализовано в жизни воспитанниц Курского епархиального училища. Сохранились отчеты ревизий, проведенных в училище 1890 г. и 1906 г. Проверяющие остались недовольны состоянием помещений. Главными недостатками были названы теснота, духота, беспорядок. При недостаточном содержании, не пользуясь прогулками в течение большей части учебного времени и проводя время в непрерывных почти занятиях, то уроками, то рукоделием, воспитанницы не могут отличаться крепким здоровьем. В большинстве они болезненные и исхудалые. Впрочем, особой вялости в них не замечается и страдающих малокровием немного». Ревизия 1906 г. обнаружила те же проблемы: «Спальные комнаты крайне неудобны, не гигиеничны, кровати в них стоят даже около окон, столовая тесная». Были замечены грязь и беспорядок в помещениях для приготовления и хранения пищи.

Стол у воспитанниц был самый скромный и незатейливый: чёрный хлеб, картофель, крупа гречневая, пшено, горох, огурцы; рыба и мясо бывали изредка, чай только для состоятельных воспитанниц. Во время поста трапеза становилась еще скромнее. В холодное время года воспитанницы были ограничены в прогулках, поскольку им не хватало теплой верхней одежды.

При недостаточном питании девочки часто болели. На верхнем этаже училища располагалась больница. Несмотря на то, что площадь больничного помещения была не маленькой, плохая планировка не позволяла эффективно использовать помещение. В Журнале заседания Учебного Комитета в 1890 году отмечалось: «Две просторные светлые комнаты на солнечной стороне оставлены пустыми. По другую же сторону в небольших комнатах в одно окно помещаются больные. В этих комнатах, занимаемых больными, чувствовалась духота. Больничное платье на больных было сильно поношено и не отличалось чистотой. Одежда на постелях были весьма стары и истёрты».

Помещение Курского епархиального училища полностью не удовлетворяли потребности епархии: сильно переполненные классы – 45-55 человек – и отсутствие параллельных отделений. В 1904/05 гг. впервые был набран 1-й параллельный класс, но он был единственный в истории училища до 1912 г. Не было возможности открыть 7-й дополнительный педагогический класс, вошедший в программу образования в большинстве училищ.

Курское духовенство осознавало необходимость расширения помещения училища. Только к 1906 г. удалось собрать необходимую сумму и в 1907 г. начать строительство нового здания, закончившего в 1912 г. Переезд в новое помещение позволил решить многие проблемы: были открыты параллельные отделения, дополнительные педагогические классы – седьмой и восьмой. В августе 1914 г. с началом войны училище уступило здание под военный эвакуационный госпиталь № 73.

В училище была своя библиотека и физический кабинет. Ревизия 1890 г. нашла, что «библиотека скудна книгами пригодными для чтения воспитанниц». Постепенно фонд удалось увеличить: в 1893/94 учебном году в библиотеке насчитывалось 764 названий в фундаментальной и 182 в ученической, а в 1905/1906 г. количество книг возросло до 2029 названий из 3352 экземпляров. Фонд библиотеки формировался по рекомендациям Учебного комитета. Списки книг, рекомендованных для духовных учебных заведений в качестве учебников, учебных пособий и приобретения в библиотеки, регулярно печатались в издаваемых Синодом «Церковных ведомостях». В примерном каталоге для средних учебных заведений, изданном в 1896 г., в 1-м отделе, книги религиозные, философские и исторические. Из 610 названий на книги религиозно-нравственного содержания приходилось 281 название, т.е. 46,1%. По отношению ко всему каталогу из 2517 названий книги религиозно-нравственного содержания составляли 11,2%.

Совет училища регулярно рассматривал и утверждал списки приобретаемых книг и приборов для физического кабинета. Покупались книги не только религиозно-нравственные, но и сочинения А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.К. Толстого. В библиотеке имелись сочинения под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского «Россия: Полное географическое описание нашего Отечества», «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Очерки по истории русской культуры» П.Н.Милюкова, «Очерки истории смуты в Москве» С.Ф. Платонова. Большую часть книг, полезных для чтения, составлял подарок владыки Сергия. В училищную библиотеку 157 книг пожертвовал директор Курской мужской гимназии Д.Г. Жаворонков.

Из периодических изданий в библиотеку выписывали: «Христианское Чтение», «Церковный Вестник», «Церковные Ведомости», «Русский Паломник», «Русская Школа», «Родник», «Нива», «Семейные Вечера для старшего возраста». Для воспитанниц младших классов предназначены иллюстрированные журналы: «Детский отдых», «Мир Божий», «Природа и люди», «Игрушечка».

История курского епархиального училища является яркой страницей в истории женского образования России и отражает рудности в его развития. Одним из главных недостатков было отсутствие финансирования из государственных средств. Учебные заведения оказались в большой зависимости от различных объективных факторов. Несмотря на недостатки, учебные заведения. Курской епархии, сыграли значительную роль в культурной жизни провинциальной России. Возвращая идеальных «матушек», епархиальные училища исправно несли службу не только в интересах духовенства. Многие выпускницы, становились на школьную дорогу и проходили этот путь усердно и с честью, являясь самым подходящим и устойчивым элементом для сельских церковно-приходских и земских школ. По сообщению Епархиального наблюдателя, в 1905/6 учебном году в церковно-приходских школах Курской епархии работали 176 учительниц из числа выпускниц Курского епархиального училища. А по сообщению директора народных училищ Курской губернии, во вверенных ему светских учебных заведениях – еще 162 учительницы.

Курское епархиальное женское училище, за четыре десятилетия своего существования выросло из приюта для сирот в крупное учебное заведение и, выполняло общегосударственные задачи просвещения народа, внесло неоценимый вклад в культурное развитие Курского края.

Примечания:

1. Государственный Архив Курской области (ГАКО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 10. - Л. 5.
2. ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 15. - Лл. 14-15.
3. Ведомость об успехах и поведении учениц 1877-1878 гг. / ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5. - Лл. 12-20.
4. ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. - Л.8.
5. ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 14. - Л. 170.
6. ГАКО. Архив №4. Ф. 25. Оп. 1. Д. 14. – Л. 117.
7. ГАКО, Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. – Л. 7.
8. ГАКО. Архив № 33. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. - Л. 29.
9. Курские епархиальные ведомости. 1873. № 6.
10. Курские епархиальные ведомости. 1892. № 25.
11. Курские епархиальные ведомости. 1894. № 10.
12. Курские епархиальные ведомости. 1895. № 9.
13. Амоскин А.С. Епархиальное женское училище // Курск: Изд. центр «ЮМЭКС», 1997. – С. 129.
14. Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. №2. – С. 85–92.

Стронина О.Н. (Белгород)

**РОЛЬ ИМПЕРАТОРА ХУБИЛАЯ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ КИТАЯ
(ПО «КНИГЕ РАЗНООБРАЗИЯ МИРА» МАРКО ПОЛО)**

Ключевые слова: Китай, император, Христианизация, Марко Поло, Хубилай.

The key words: China, Emperor, Christianization, Marco Polo, Hubilay.

В первой половине XIII в. на горизонте мировой истории появилось новое государство, оказавшее воздействие на судьбы многих народов Азии и Европы, - Монгольская держава. Она стала завоевателем многих государств, в том числе и Китая.

Хубилай (1215-1294) (Хубилай-сэцэн-хаган) - внук Чингис-хана, на Западе стал известен благодаря Марко Поло под именем «Кублай-хан»; это имя произносилось также как «Кубилай», или «Кубла»¹.

Хубилай сыграл большую историческую роль в Азии. Вторжение монголов в начале XIII века в Китай уничтожило государство Цзинь. Вначале монголы захватили страны, окружавшие Южно-Сунскую империю — государство Дали (1252—1253), Тибет (1253). В 1258 г. монгольские войска под предводительством хана Хубилая с

разных сторон вторглись в Южный Китай. Хубилай, захватив ханский престол, в 1260 г. перенёс столицу из Каракорума на территорию Китая (сначала в Кайпин, а в 1264 г. в Чжунду - современный Пекин). Столицу южносунского государства Ханчжоу монголам удалось взять лишь в 1276 г. К 1280 г. весь Китай был завоёван, а Сунская империя - уничтожена.

Хубилай оказывал покровительство буддизму, который сделал в Китае громадные успехи, а равно буддийским проповедникам, которые пользовались большим почётом и значительными льготами. Опираясь на буддийских монахов, Хубилаю удалось полностью взять власть в свои руки.

Тяжёлый экономический, политический и национальный гнёт, установленный монгольскими феодалами во главе с Хубилаем, сдерживал развитие страны. Множество китайцев было обращено в рабство. Земледелие и торговля были подорваны. Не выполнялись необходимые работы по поддержанию ирригационных сооружений (дамб и каналов), что привело в 1334 г. к чудовищному наводнению и гибели нескольких сот тысяч человек.

Хан оказывал влияние и на культуру. Чтобы контролировать свой собственный образ в глазах подданных, монголы должны были добиться того, чтобы письменная история освещала в правильном свете историю монголов. Письменная история была не просто средством записи сведений; она служила инструментом, который должен был узаконить правящую династию и распространить пропаганду о ее завоеваниях и достижениях. Монголам письменная история помогла многое узнать о других народах. Хан Хубилай создал Национальное Историческое управление в 1260-х годах. В соответствии с китайскими традициями, хан приказал составить компиляцию полной истории Киданьских и Чжурчженских царств, а также династии Сун. Это был, наверное, самый объёмный проект по созданию сводной летописи в истории². На его реализацию ушло почти 80 лет. Информация должна была стать массовой в империи, и потому монголы обратились к книгопечатанию. Всеобщая грамотность существенно возросла во время правления монголов, и объём литературного материала вырос пропорционально. В 1269 г. хан Хубилай основал типографию, где печатались правительственные решения³. В его время публиковались в Китае священные тексты, романы, брошюры на темы сельского хозяйства, альманахи, законы, истории, медицинские трактаты, новые математические теории, песни, поэзия на разных языках. Во всех своих свершениях, будь то политика религиозной терпимости, создание универсального алфавита, система почтовых станций или печать альманахов, денег, астрономических схем, Хубилай проявлял универсализм. Поскольку монголы собственной развитой культуры не имели, они были готовы принимать и объединять все другие. У них не было и собственных культурных предпочтений, поэтому император принимал вполне прагматические, а не идеологические решения. Он искал самые эффективные изобретения и методы, а когда находил, распространял по территории всей империи⁴. Его ничуть не волновало, совпадает ли их астрономия с каноном, придерживаются ли его писцы классических принципов первых китайских мандаринов, и одобряют ли мусульманские имамы их скульптуру и живопись⁵. Хубилай обрел власть создать новые международные стандарты в области технологии, сельского хозяйства и научного знания, которое заменило склонности или культурные предубеждения любой одиночной цивилизации, и таким образом, он нарушил монополию на мысль, которой веками обладали местные элиты.

Хубилай во время своего правления в Китае смог соединить на одной территории широкий пласт культурных начал. Под его четким руководством исторический процесс и этногенез проходили безболезненно. Хубилай как талантливый император понимал, что ему необходимо поощрять культурное многообразие страны, а не искоренять его.

В Китае в это время возникла непривычная, новая форма саморазвития под властью монголов. Хубилай выполнял физическую, психическую, интеллектуальную и ду-

ховную работу поистине огромных объёмов и сложности для создания нового образа Китайской империи. В отличие от многих предшествующих ему правителей он выполнял свою работу целенаправленно.

Хубилай в самый разгар войны искал исповедание, которое не было бы ему враждебно⁶. Он его обрел в католицизме, но архиепископ Китая Джованни Монтекорвино, расправившись с несторианцами, не сумел найти способов борьбы с буддистами. Католическая епархия в Китае зачахла, а ханы Чингисиды стали буддистами.

Хубилай за время своего правления несколько раз менял религию, принимая последовательно манихейство, бон, несторианское христианство и, наконец, синкретический буддизм. Но при всех переменах он оставался самим собой и сохранил демонологию, бывшую подлинным мировоззрением его народа⁷. Обучаясь у священников и лам таинствам иных культов, он сохранил привычные верования, отвечавшие сознанию и потребностям племен, привыкших существовать за счет войны и грабежа.

Это не должно вызывать удивления благодаря обилию этнографических направлений. На Кавказе и Корсике кровавая месть великолепно уживалась с христианством, а в Испании самыми набожными католиками были пиренейские контрабандисты. Но всем этим воинственным народам была нужна не философия, а религия.

Эта особенность связана с восточным менталитетом. Если каждый основатель школы или направления в Европе начинает с отрицания предшествовавших концепций и критики их, более или менее жесткой, то в Центральной Азии было наоборот. Отвергаемое учение не отрицалось, а просто объявлялось низшей ступенью познания или совершенства. Так, по легенде, к Будде Шакьямуни пришла старушка и сказала: "Учитель, ты проповедуешь какое-то новое учение, а я привыкла почитать Индру. Я верю тебе, но можно ли мне продолжать молиться Индре?" Будда ответил: "Да, матушка, молись Индре, это тоже приведет тебя к спасению". Эта легенда приводится как пример того, что скудный разум не может воспринять высот Учения, но людям с образованием и способностями свободомыслие категорически воспрещалось. Например, когда китайский монах Сюань Цзан прибыл к индийскому царю Харше, ревностному буддисту, тот решил в честь высокого гостя устроить диспут с инакомыслящими, которых в VII веке в Индии было много. Царь обнародовал такой призыв: "Все желающие будут допущены к спору, но те, которые оскорбят китайского ученого, будут казнены; тем, кто с ним не согласится, будет отрезан язык, а тем, кто его одобрит, ничего не будет". Диспут не состоялся из-за неявки оппонентов.

Христианские проповедники принесли в XIII веке в Китай медицинскую помощь, искусство, что вполне естественно на данном этапе исторического развития, особенно когда страна долгое время изнывала от внутренних войн, проповедь мира могла сыграть положительную роль.

Хубилай разрешил свободомыслие, тем самым ослабив буддийскую верхушку, а введя новое направление в идеологии - христианство - он искусственно создал течение, к которому стал обращаться его народ. Это течение не могло стать настолько сильным, чтобы хоть как-то умалить авторитет императора. Также все существующие в Китае течения начинают перестраиваться и в небольшой степени включать в себя христианскую идеологию.

Хубилай укрепляя свою власть, вносит вклад в становление христианства на Востоке. Католическая миссия играла второстепенную роль в развитии цивилизации Китая. С католиками обращались скорее как с «любителями» мудрости, а «профессионалами» все же оставались буддисты. В XIII веке буддизм потерял ведущие позиции при дворе императора, и часть этой ниши занял католицизм.

Примечания:

1. Мункуев Н.П. *Китайский источник о первых монгольских ханах*. М., 1985 – С. 271.

2. *Всемирная история*. Редактор Л. Котельникова, Р. Наследова, М. Полтавский. М., 1957. Т. 3. – С. 527.

3. *Иллюстрированная всемирная история: с древнейших времен до XVII века. Энциклопедия / Пер. с англ. М., 1999. – С. 271.*
4. *Советская историческая энциклопедия Т. 15. Глав. ред. Е. М. Жуков. М, 1968. – С. 682.*
5. *История Китая с древнейших времен до наших дней / под ред. Л.В. Симоновской. М., 1974. – С. 121.*
6. *Книга Марко Поло. М., 1956. – С. 46-47, 281.*
7. *Гумилев Л.Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степных племен Евразии в средние века // Народы Азии и Африки, 1969, № 3. – С. 21.*

Терещенко Е.А. (Чернигов)

ДІТОНАРОДЖЕННЯ У СЕЛЯНСЬКІЙ КУЛЬТУРІ ХІХ СТОЛІТТЯ (ПРАГМАТИЧНИЙ ТА РЕЛІГІЙНИЙ АСПЕКТИ)

Ключові слова: Чернігівська губернія, селянство, дітонародження, шлюбність, сезонність, контроль народжуваності.

The key words: Chernihiv province, peasantry, childbirth, nuptiality, seasonality, birth control.

У сучасній історичній науці вивчення проблем сімейних стосунків та становища жінки в родині набуває все більшої актуальності. У зарубіжній історіографії вже чимало досліджень, присвячених цій темі, в останні роки все активніше розробляють цю проблематику і російські науковці. А от у вітчизняній історичній науці цій проблемі, на жаль, все ще приділяється недостатньо уваги. Існуючі на сьогодні дослідження здебільшого виконуються в рамках етнографічної науки і використовують здебільшого саме етнографічні та фольклорні джерела¹, в той час як величезний комплекс документальних матеріалів, які проливають світло на міжособистісні стосунки всередині селянської родини залишається поза увагою дослідників. Одним із актуальних питань історії повсякденності є вивчення проблем, пов'язаних із народженням та вихованням дітей, ставленням до них. Для традиційної селянської культури, як української, так і російської, була характерною велика кількість дітей у родині. Усталеною є думка, що жінка народжувала протягом всього дітородного періоду, який, втім, враховуючи важкі умови життя та праці, міг завершитися вже в сорокарічному віці, тобто за 5–7 років до настання менопаузи². Російський дослідник С.Д. Морозов зазначає, що селянській культурі були невідомі способи свідомого обмеження кількості дітей у шлюбі, контрацептивні та абортивні засоби³. Однак, на нашу думку, це твердження є надто узагальненим, щоб екстраполювати його на всю Російську імперію.

У даній статті ми спробуємо розглянути проблему дітонародження в українській та російській селянській культурі ХІХ століття з прагматичного та релігійного боку, з'ясувати, які фактори впливали на народжуваність у селянському середовищі. Окрему увагу ми зокрема приділимо свідомому контролю над народжуваністю у селянському середовищі та народним засобам контрацепції. Як уже зазначалося, спеціальних досліджень з даної проблематики у вітчизняній історіографії практично нема. Серед існуючих робіт останніх років можемо назвати монографію львівської дослідниці Оксани Кісь „Жінка в традиційній українській культурі”. Поміж російських дослідників слід відзначити Ігоря Кона, який приділяє чимало уваги вивченню історії сексуальності в Росії⁴. Слід також зауважити, що багатий фактичний матеріал дають і етнографічні розвідки, виконані українськими та російськими етнографами у ХІХ та на початку ХХ століття. З-поміж них виділяється ґрунтовна праця Марка Грушевського „Дитина у звичаях та віруваннях українського народу”, написану на початку ХХ століття і нещодавно перевидану⁵. Певна частина цієї роботи присвячена ставленню до народження дітей у селянському середовищі.

Говорячи про вивчення народних засобів контрацепції, зазначимо, що вивчення цього питання варто проводити на міждисциплінарному рівні, залучаючи не лише етнографічні матеріали, а і дані медицини. Таку можливість вбачали ще дослідники рубежу XIX–XX ст. Так, відомий антрополог Юліан Талько-Гринцевич у своєму „Народном акушерстве в Южной Руси”, яке було опубліковане в „Земском враче”, зазначає, що, на жаль, ті дані народної медицини, які відомі широкому загалу, зібрані етнографами, а не лікарями, і це збіднює отримані відомості. Адже неспеціалісти ставилися до цього лише як до чергових народних байок, в той час як лікарі змогли б проаналізувати ефективність народних засобів з точки зору медицини. У другій половині XIX ст. саме лікарі наголошували на необхідності збирання і вивчення засобів народної медицини. Зокрема, з такою ініціативою виступив відомий лікар, професор Георгій Рейн, склавши спеціальний питальник „Вопросы для собирания сведений о русском народном акушерстве”, в рамках якого дослідниками збиралися дані про народну медицину різних регіонів України і Росії⁶. Саме в цих матеріалах ми і знаходимо відомості про засоби контрацепції.

Що ж стосується документальних джерел з вивчення дітонародження у середовищі сільського населення, то ми, зокрема, використовували дані метричних книг з Чернігівської духовної консисторії, які містяться у фонді № 679 Державного архіву Чернігівської області⁷. На жаль, однією з проблем є погана збереженість цього виду документів у Чернігівському архіві, тому дані далеко не по всіх населених пунктах губернії є доступними.

Наше дослідження може бути віднесене до таких, які виконані в парадигмі мікроісторії (використані документальні матеріали лише по Чернігівській губернії), однак застосування порівнянь та паралелей з іншими губерніями Російської імперії дозволить у майбутньому в процесі накопичення документального матеріалу розширити рамки дослідження.

Звертаючись до вивчення проблеми дітонародження у селянському середовищі, нас, перш за все, буде цікавити, які саме чинники впливали на підвищення та спад народжуваності протягом року. Гіпотеза про тісний зв'язок сезонності шлюбів та сезонності народжень була висунута ще у вісімдесятих роках XIX ст. лікарем Сергієм Єршовим, який вивчав смертність немовлят серед російського та татарського населення Свіязького повіту. За цією теорією, осінній максимум шлюбів призводить до літнього максимуму народжень. А оскільки літній період є найбільш несприятливим для виживання немовлят, це призводить до зростання рівня дитячої смертності серед православного населення. Цю гіпотезу вирішили перевірити сучасні російські вчені, дослідження проводилися за підтримки Національного інституту демографічних досліджень Франції. Вони проаналізували дані метричних книг Вихинської вотчини Шереметьєвих, що знаходилася поблизу Москви. До вотчини входило три села, населення її в перші половині XIX ст. складало від 1000 до 1500 чоловік, аналізувалися дані з 1815 по 1851 рік. Проаналізувавши сезонність шлюбів та народжень, дослідники прийшли до висновку, що гіпотеза Єршова справедлива далеко не завжди. Якщо сезонність шлюбів дійсно мала яскраво виражений пік в осінні місяці, то і сезонність народжень для території Вихинської вотчини також припадає на осінь, як період, найбільш сприятливий для виживання немовлят. Якщо сезонність шлюбів чітко обумовлювалася релігійними нормами (під час постів та великих релігійних свят вінчання були заборонені), то сезонність народжуваності, очевидно обумовлювалася іншими факторами. Між тим, дослідники зазначають, що отримані ними дані без належної перевірки не слід екстраполювати на решту територій, оскільки фактори, що впливали на формування селянської сім'ї є неоднорідними⁸.

Для порівняння ми звернулися до аналізу метричних книг різних сіл Чернігівської губернії, які містяться у фонді духовної консисторії. Однак, велика кількість метричних книг пошкоджена, а деякі збереглися лише частково. Для того, щоб мати ці-

тку картину, до уваги бралися лише ті метричні книги, які містять повні дані про шлюби і народження за кожен місяць.

Розглянемо спочатку динаміку шлюбної активності. Для цього ми проаналізували дані про сезонність шлюбів у дев'яти селах різних повітів Чернігівської губернії з 1801 по 1836 роки. Вибір таких хронологічних меж зумовлений не лише часовими рамками нашого дослідження, а і збереженістю документів.

Перш за все, зазначимо, що на території чернігівських сіл найбільша кількість шлюбів припадає не на осінь, як у вищезгаданому російському регіоні, а на січень. (Див. таблиця 1).

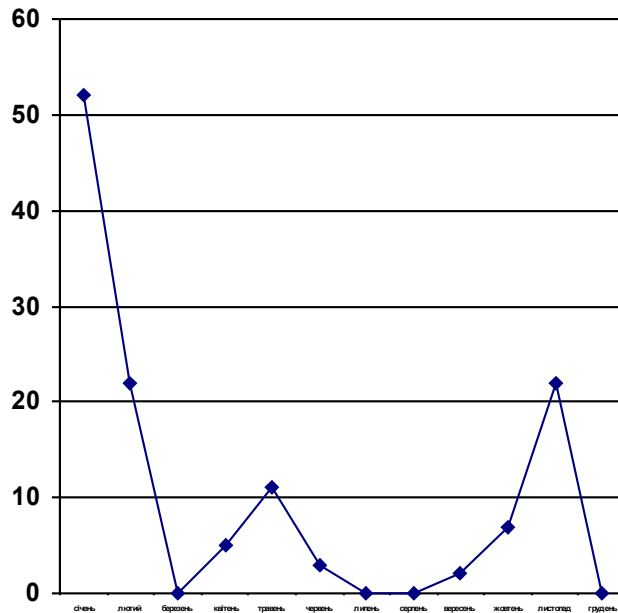
Таблиця 1.

Сезонний розподіл шлюбів серед сільського населення Чернігівської губернії

місяці	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12
населені пункти												
с. Рудьківка (Козелецький повіт)	4	-	-	1	1	-	-	-	-	2	1	-
с. Кобижча (Козелецький повіт)	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
с. Нові Боровичі (Городнянський повіт)	7	14	-	-	2	1	-	-	2	-	2	-
с. Чернявки (Кролевецький повіт)	4	7	-	1	1	-	-	-	-	-	3	-
с. Гаврилова Слобода (Н.-Сіверський повіт)	1	1	-	-	-	2	-	-	-	1	1	-
с. Лучковичі (Стародубський повіт)	7	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-
с. Савинок (Сосницький повіт)	10	-	-	1	3	-	-	-	-	-	11	-
с. Охрамеєвичі (Сосницький повіт)	8	-	-	-	1	-	-	-	-	2	-	-
с. Слободки (Сосницький повіт)	6	-	-	2	1	-	-	-	-	-	4	-
загальна кількість шлюбів	52	22	0	5	11	3	0	0	2	7	22	0

Накресливши графік за результатами отриманих даних, можемо наочно прослідкувати періоди підвищення та спаду шлюбної активності (Див. мал.1).

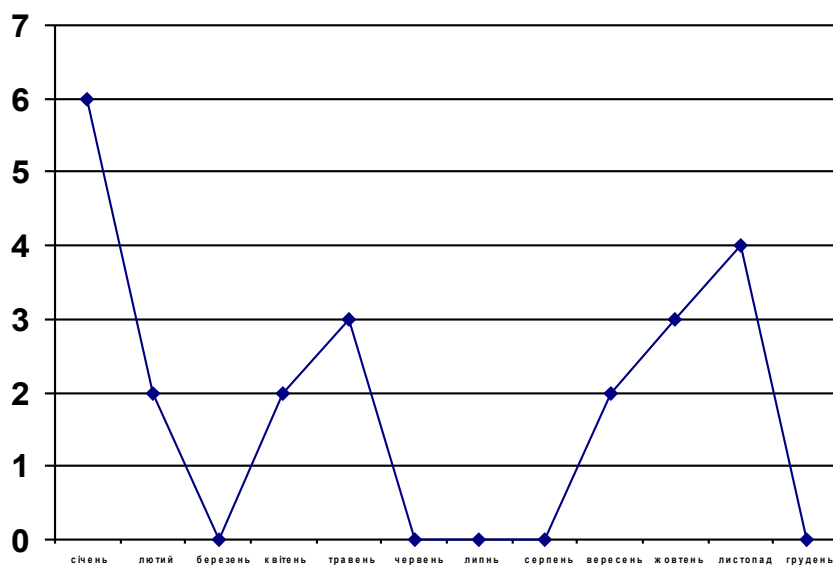
Мал.1 Динаміка шлюбної активності сільського населення Чернігівської губернії

Сезонність шлюбів обумовлювалася різними чинниками, як релігійними, так і суто практичними. Якщо велика кількість шлюбів у січні – лютому пов’язана із завершенням Різдвяного посту, то осінній підйом є характерним для багатьох територій Російської імперії і пов’язаний із завершенням польових робіт, також, очевидно, селяни поспішали зіграти весілля до початку Різдвяного посту. Літнє ж зменшення кількості шлюбів обумовлене суто практичними міркуваннями. Адже у найгарячішу для селян пору збору врожаю справляти весілля було просто недоречно. Деякі етнографи припустили, що влітку здебільшого одружувалися удівці, щоб не залишитися без зайвої робочої сили у робочу пору⁹. Однак, проаналізувавши динаміку повторних шлюбів у вищезазначених селах губернії, ми бачимо повну відсутність літніх шлюбів. Деяке підвищення спостерігаємо лише у травні (Див. мал. 2). У зазначений період нами виявлено 22 випадки повторних шлюбів.

Мал. 2.

Динаміка повторних шлюбів серед сільського населення Чернігівської губернії

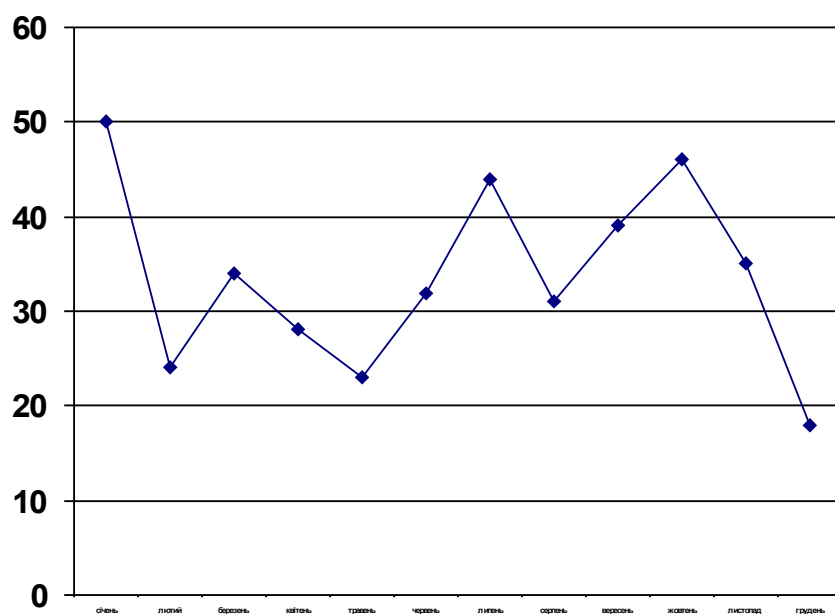
Тепер розглянемо сезонну динаміку народжуваності в селах Чернігівської губернії та її взаємозв'язок із сезонністю шлюбів. Цього разу повні дані ми маємо лише по шести селах із вищенаведених, в інших наявні значні або незначні пропуски. (Також зауважимо, що при розрахунках ми не брали до уваги позашлюбних дітей, оскільки на час їхнього народження не впливали ні релігійні, ні практичні чинники).

Таблиця 2. Сезонний розподіл кількості народжень серед сільського населення Чернігівської губернії (січень – грудень)

місяці	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12
населені пункти												
с. Нові Боровичі (Городнянський повіт)	23	7	11	5	5	13	11	10	14	16	7	9
с. Гаврилова Слобода (Н.-Сіверський повіт)	4	4	3	4	2	2	3	4	4	6	2	1
с. Лучковичі (Стародубський повіт)	1	4	2	1	1	0	1	3	2	6	2	2
с. Савинок (Сосницький повіт)	9	5	12	14	8	10	16	7	12	12	10	4
с. Охrameєвичі (Сосницький повіт)	10	4	3	2	1	5	8	5	3	3	6	0
с. Слободки (Сосницький повіт)	3	0	3	2	6	2	5	2	4	3	8	2
загальна кількість народжень	50	24	34	28	23	32	44	31	39	46	35	18

За наведеними в таблиці даними накреслимо графік, що ілюструватиме періоди спаду та зростання народжуваності. (Див. мал. 3)

*Мал. 3.
Сезонна динаміка рівня народжуваності серед сільського населення Чернігівської губернії*

Як бачимо, протягом квітня – травня спостерігаємо спад народжуваності, це, очевидно, обумовлене не лише малою кількістю літніх шлюбів, а також і тим, що інтимне життя всередині селянських родин в період тяжких літніх робіт, очевидно, практично припинялося. Як влучно зауважила російський етнограф О.П. Семенова-Тян-Шанська „Отъевшийся осенью „Иван”... всегда неумерен, а „Иван” голодный в рабочую пору, например, собственно не живёт с женой”¹⁰.

На сезонність народжуваності впливали і релігійні чинники. Відсутність шлюбної активності в період Великого посту (у березні – квітні) зумовлює певний спад народжуваності у листопаді та її мінімум у грудні. Це свідчить про те, що у період Великого посту селяни все-таки обмежували інтимні стосунки, як того вимагала церква. Етнограф Сергій Максимов писав, що і самі селянки особливо ретельно стежать за дотриманням цього звичаю своїми односельцями. Якщо їхні „розрахунки” доводили, що подружжя „зогрішило” під час посту, то такій парі було не уникнути санкцій з боку священика і насмішок сусідів¹¹. Жовтневий пік народжуваності зумовлений максимумом шлюбів у січні – лютому. Зростання народжуваності у липні зумовлене листопадним максимумом шлюбів. Таким чином, простежуємо яскраво виражений зв’язок між сезонністю шлюбів та народжень.

З вищенаведених даних ми робимо висновок, що в селах Чернігівської губернії річний максимум шлюбів таки зумовлював річний максимум народжень. Але, разом із тим, прагматичні та релігійні фактори також вносили свої корективи у формування селянської сім’ї.

Ще одним питанням, яке ми збираємося розглянути в даній статті є питання про наявність свідомого контролю над народжуваністю у селянському середовищі та бажаність або небажаність появи великої кількості дітей.

Традиційною аксіомою вже стало твердження, що основним призначенням селянської жінки було народження дітей. Як писав новгородський священик Ф.В. Гіляровський: „Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить”¹². Це твердження виключає можливість наявності у селян будь-якого свідомого контролю над народжуваністю. Однак, попри те, що велика кількість дітей, в першу чергу хлопчиків, була вигідна самим селянам, а велика кількість робочих рук забезпечувала добробут у господарстві. Але ставлення до частих народжень далеко не завжди було однозначним і залежало в першу чергу від матеріальних статків родини. Про це зокрема говорить і Марко Грушевський. Інколи навіть багатші сусіди дорікали таким родинам, що вони заробляти не навчилися, а дітей народжують і пускають їх по світу, а інколи і сама мати або ж родичі нарікали на велику кількість ротів, які треба годувати¹³.

За статистичними даними Російського Географічного товариства, середня кількість дітей у селянській родині на першу половину XIX століття складала 4–5 чоловік¹⁴. Якби жінка народжувала протягом всього дітородного періоду ця цифра мала б бути ледь не вдвічі більшою. Але свої корективи вносив і високий рівень дитячої смертності, і велика кількість випадків смерті жінок при пологах.

В рамках розгляду питання про наявність чи відсутність свідомого контролю над народжуваністю у селянському середовищі, ми вирішили звернутися до розгляду народних засобів контрацепції та їхньої ефективності. Зауважимо, що запобігання вагітності, а також абортівні засоби використовувалися здебільшого дівчатами, вдовами та солдатками, і лише зрідка заміжніми жінками¹⁵. Це свідчить про те, що такий контроль над народжуваністю був обумовлений не стільки прагматичними намірами у формуванні сім’ї, а ще й страхом суспільного осуду в разі народження позашлюбної дитини. Однак, слід зазначити, що аборти та умисне викликання викидня вважалися у селянському середовищі дуже великим гріхом. Не зважаючи на це, абортівних засобів в аналах народної медицини значно більше, ніж контрацептивних. Але в той же час „спеціалісток”-знахарок, які надавали подібні послуги, у селі зневажали. Наприклад, в

деяких повітах Орловської губернії, вважали, що навіть вбити таку людину не гріх „все одно, що з городу вирвати дурну траву”. Дівчина, про яку ставало відомо, що та умисне зробила викидень, практично не має шансів вийти заміж, на відміну навіть від покритки¹⁶.

В даній статті ми розглянемо лише засоби запобігання вагітності. Їх можна розділити на дві групи: до першої віднесемо умовно медикаментозні засоби, а до другої – магічні. Засобів першої групи вдалося виявити зовсім небагато. Зокрема, для запобігання вагітності, дівчата на Київщині під час місячних пили відвар материнки (душиці, *Ogianum vulgare*)¹⁷. Також з метою відвернути вагітність, під час місячних пили білила (*Cerussa alba*). Вірили, що вживаючи такі „ліки”, жінка втрачає можливість завагітніти до наступної менструації, якщо ж не випити їх хоч раз, можливість завагітніти повертається¹⁸.

Щодо ефективності таких засобів сучасні лікарі висловлюють великі сумніви. Наприклад, відвар материнки не має ніяких контрацептивних властивостей. Щоправда, він сприяє зменшенню кровотечі під час менструацій. Можливо, саме ці властивості і були невірно витлумачені в народній медицині. Що ж стосується контрацептивних властивостей білил, то сучасні лікарі зазначають, що в народній медицині такі засоби колись застосовувалися для створення кислого середовища, яке знищує сперматозоїди. Для цього у піхву могли вводити тампони з розчином оцту, а також і свинцеві білила, проте, ефективність пиття такого засобу є сумнівною¹⁹.

Тепер розглянемо суто магічні засоби запобігання вагітності. Деякі з них побудовані за принципом контагіозної магії (за класифікацією Джеймса Фрезера)²⁰. Дії, що проводяться з предметом чи частинами тіла (волоссям, кров'ю), мають вплинути на їхнього власника. Часто магічні дії виконувалися із менструальною кров'ю жінки. Наприклад, на Київщині жінка, яка не хотіла мати дітей, повинна була випрати сорочку зі слідами місячних, а воду вилити у жарко натоплену піч²¹. В Орловській губернії менструальну кров слід було зібрати у пляшку та закопати в землю, за деякими свідченнями обов'язково під пічним стовпом. Доки пляшка буде в землі – доти у жінки не буде дітей, якщо її відкопати – відразу ж підуть і діти. З тією ж метою із сорочки вирізали плями менструальної крові і спалювали тканину на вогні, інколи попел випивали з водою²².

На Київщині вірили, щоб не мати дітей, потрібно сорочку зі слідами інтимної близькості кинути в пічку. Згідно повір'я, жінка тоді назавжди стає неплідною. І про неї кажуть, що вона „дітей своїх на вогні спалила”²³.

Деякі контрацептивні засоби можна віднести і до імітативної магії. Так, щоб не завагітніти, жінки їли з хлібом шерсть ялової корови чи вівці. До таких засобів зокрема вдавалися селянки Орловської та Калузької губерній²⁴. Яловою називали худобу, яка ще не давала приплоду, тож тут яскраво простежується принцип імітації – неплідна корова чи вівця може зробити і жінку неплідною.

Всі наведені нами засоби контрацепції застосовувалися виключно жінками, згадок про народні засоби чоловічої контрацепції нами наразі не виявлено.

Що ж стосується застосування контрацептивних засобів заміжніми жінками, то окрім вже згадуваних засобів, у народі міцно трималася впевненість, що поки жінка годує груддю, вона не зможе завагітніти. Тому селянки, часто годували дітей до двох, трьох років і навіть більше²⁵. Втім, сучасна медицина вважає, що цей засіб дієвий далеко не завжди, і стовідсоткової гарантії зовсім не дає.

Таким чином, підводячи підсумки, можемо зауважити, що у селянській традиції все-таки існували певні засоби контролю народжуваності, але часто вони були побудовані на суто магічних діях, а отже, не мали результату. Ті ж засоби, які умовно можна вважати медикаментозними, з точки зору сучасної медицини теж були малоефективними. Відповідно, можемо зробити висновок, що така галузь народної медицини як контрацепція була значно міфологізованою.

Що ж стосується тих категорій жінок, які вдавалися до народної контрацепції, до них в першу чергу відносилися ті, для кого народження дітей могло викликати суспільну ізоляцію та осуд: дівчата, вдови, солдатки. Щодо заміжніх жінок, то їхнє бажання обмежити народжуваність, найімовірніше, залежало від матеріальних статків родини, про що вже йшлося вище.

Загалом же у селянському середовищі ми спостерігається тенденція до сезонності народжень, яка з одного боку була обумовлена сезонністю шлюбів та релігійними заборонами, а з іншого – особливостями господарської діяльності. Враховуючи низьку ефективність народних засобів контрацепції, можемо припустити, що контроль над народжуваністю, очевидно, в разі потреби полягав лише в обмеженні статевих стосунків. Втім, і це явище все-таки було незначним.

Наголосимо, що дані висновки ми робили спираючись на обмежену територію окремої губернії і для того, щоб зробити загальні висновки необхідно накопичити значну кількість матеріалу з різних територій, врахувавши їхні історичні, релігійні та господарські особливості.

Примечания:

1. Кісь О. Жінка в традиційній українській культурі. Львів, 2008.
2. Морозов С.Д. Демографическое поведение сельского населения европейской России (конец XIX – нач. XX в.) // Социологические исследования. 1999. № 7. – С. 102.
3. Там само. – С. 100.
4. Кон И. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. – М., 1997.
5. Грушевський М. Дитина у звичаях і віруваннях українського народу. К., 2006.
6. Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины // «А се грехи злые смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов и богословов XIX – начала XX века. – Книга 2. М., 2004. – С. 298–320.
7. Державний архів Чернігівської області. Ф. 679. „Черниговская духовная консистория”. Спр. 701, 786, 1045, 1152, 1153, 1156, 1356, 1385, 1575.
8. Авдеев А. и др. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Российский демографический журнал. 2002. №1. – С. 35–45.
9. Семёнова-Тян-Шанская О.П. Жизнь „Ивана” // «А се грехи...». – С. 644.
10. Там само. – С. 685.
11. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. – С. 377.
12. Цит. за: Морозов С.Д. Вказ. праця. – С. 101.
13. Грушевський М. Вказ. праця. – С. 204–205.
14. Рашин А.Г. Население России за сто лет (1811–1913). Статистические очерки. М., 1956. – С. 182.
15. Попов Г.И. Роды // «А се грехи злые смертные...». – С. 403.
16. Там само. – С. 406.
17. Талько-Грынцевич Ю.Д. Народное акушерство в Южной Руси // «А се грехи злые смертные...». – С. 335.
18. Там само. – С. 335.
19. За цю консультацію при написанні статті автор висловлює подяку завідувачу акушерським відділенням Чернігівського пологового будинку Лисенку Івану Григоровичу.
20. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. – С. 19.
21. Талько-Грынцевич Ю.Д. Вказ. праця. – С. 334.
22. Попов Г.И. Вказ. праця. – С. 404.
23. Талько-Грынцевич Ю.Д. Вказ. праця. – С. 335.
24. Попов Г.И. Вказ. праця. – С. 404.
25. Там само. – С. 336.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1937 гг.) В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ TIMES)

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939, пропаганда, консервативная пресса, информационная война.

The key words: The Civil war in Spain of 1936-1939, propaganda, conservative press, information war.

Гражданская война в Испании 1936-39 гг., быстро потеряв внутреннее наполнение, получила широкий международный резонанс. Она послужила причиной и самого масштабного до Второй мировой войны столкновения пропагандистских машин стран Европы. В статье предпринята попытка проанализировать образ гражданской войны в Испании в печатной пропаганде консервативного крыла британской прессы на примере еженедельника «Таймс» (*Times*). В контексте информационной войны как целостного феномена изучены характерные особенности и механизмы ее функционирования на начальном этапе Испанской войны (июль 1936 - начало 1937 гг.).

Уже через 6 дней после начала Гражданской войны в Испании очередной номер *Times* вышел с тревожными заголовками: «Гражданская война в Испании», «Монархический мятеж», «Мятежники захватили Марокко». Весьма сдержанно автор одной из статей отзывался о противоборствующих сторонах: «Чисто республиканский режим в Испании, установленный в результате победы левых на общих выборах в феврале, борется за жизнь против широко разветвленного военного мятежа, открыто именующего себя монархическим. Исход борьбы еще неизвестен»¹.

Примечательно, что испанские события сразу определялись как «гражданская война». Заслуживает внимания тот факт, что Испании первоначально была уделена лишь небольшая заметка (хотя в будущем новости с фронтов гражданской войны обычно занимали несколько колонок, и часто, всю шестую страницу, посвященную внешнеполитическим событиям). Важнейшим фактором, катализировавшим вооруженное гражданское противостояние, *Times* определяла «монархический мятеж» (хотя напрямую мятежники в развязывании Гражданской войны не обвинялись). Сообщалось о боях в Мадриде, Ла Линеа, о «тяжёлой борьбе» в Кадисе, Сарагосе, Малаге. Помимо информации о судьбе британских подданных в Испании публиковались отрывки из официального правительственного сообщения о боях за Севилью и интервью генерала Франко, в которой сообщалось о «всеобщем объединении в борьбе за сохранение Испании» и о том, что правительственные войска «безжалостно бомбили беззащитных женщин и детей в городах и деревнях»².

Поднявшие восстание войска назывались авторами *Times* на первых порах «повстанцами, мятежниками», а законное правительство - «Центральным правительством республики». Заметки носили в основном информативный характер, впервые знакомя британского читателя с официальной позицией в отношении противоборствующих сторон. Так как эта линия окончательно не сформировалась, тон в статье выдержан более чем осторожный³. Следует отметить, что «повстанцы» (неверно определяемые, как исключительно монархисты) изначально в глазах читателей ставились на одну доску с законным правительством. Газета, никого открыто не обвиняя, и не поддерживая, старалась поддерживать «нейтральную» трактовку стремительно развивавшихся в Испании событий, претендуя тем самым на объективность. Вторил «Таймс» и «Ньюс Кроникл». 29 июля было опубликовано интервью Франко в еженедельнике «Ньюс Кроникл», в котором генерал заявил, что он готов идти на Мадрид, даже в случае, если придётся уничтожить половину населения Испании⁴.

К концу июля 1936 г. *Times* уже более полно информировала читателя о событиях в Испании (им посвящалась целая страница). Помещалась фотография (образец наглядной пропаганды!) с подписью «Революция в Испании». Имелась также карта, правда, небольшого масштаба, без указания положения противоборствующих сторон и линий фронтов (что позволяло использовать эффект гиперболизации – замалчивания крупных побед и превознесения незначительных). Названия большого числа заметок были выдержаны в антиреспубликанском духе: «Горящие церкви», «Бомбардировка Альхесираса»⁵. Рисовалась картина общенародного бедствия в Испании, разгоравшегося пламени Гражданской войны. Подобного рода статейные «шапки» преобладали и на страницах других номеров *Times* во второй половине 1936 г.: «Убийство сестёр милосердия», «Экстремисты у власти», «Красная власть в Барселоне», «2 испанских наследных принца убиты»⁶.

Характер информации, представленной на страницах издания, также позволяет сделать вывод о постепенной «демонизации» правительства Народного фронта, планомерно осуществлявшейся авторами и редакторами *Times*. В номера включались сообщения о жестоких расправах республиканских властей с пленными мятежниками, казнях священников, незаконных арестах, расстрелах людей из вспомогательных и медицинских частей армии противника. Также писалось о нежелании части испанских дипломатов продолжать свою непосредственную деятельность в ряде государств от имени Республики, публиковались их заявления в поддержку националистов, что создавало иллюзию недостаточной легитимности находящегося у власти правительства. Пример типичной заметки о происходящем в Испании: «30 медсестёр-доминиканок жестоко убиты солдатами Революционного комитета на окраине Барселоны... Лишь шестерых впоследствии доставили в Барселону и похоронили на монастырском кладбище»⁷. О жестокостях противостоящих республиканцам войск не упоминалось вообще. Одновременно создавался психологический образ «успешности» мятежников в боевых действиях. Вот названия статей: «Два маленьких острова захвачены» (о событиях на о. Ибиса), «Разрушение Алькасара. Героическая оборона» (о сопротивлении мятежного гарнизона республиканским частям), «4 тысячи рифских тореадоров прибыли» (о высадке в Испании марокканцев)⁸.

Историк Р. Кукет, говоря о манипуляциях в предвоенные годы со «свободной» прессой в Британии, отмечал: «Правительства 1931-37 гг. имели возможность работать с поразительной техникой внедрения в общественное сознание информации с помощью прессы, и когда Невиль Чемберлен стал премьер-министром в 1937 г., он унаследовал систему влияния на массы, с которой народы других стран Европы были уже хорошо знакомы»⁹.

Расширение конфликта в Испании британской печатью была встречено однозначно отрицательно. Гражданская война в Испании изменила, тем не менее, расстановку сил на европейской политической арене и подтолкнула британское правительство к поиску новой системы взаимоотношений с ведущими странами Европы. *Times* осторожно информировала (в небольших по объёму заметкам) о посылке 2 немецких кораблей в Испанию, 18 итальянских самолётов для мятежников. В этом же номере сохранилась информация о «плодотворных переговорах с итальянским правительством (24-25 июля) во благо всеобщего мира». Сообщая о разрыве португало-испанских отношений и признании профашистской Португалией правительства Франко, *Times* помещала информацию о «дружественном англо-португальском альянсе»¹⁰.

Первое упоминание о «британских симпатиях» к французским предложениям о нейтралитете (т.н. «невмешательстве» в дела Испании) появилось в номере *Times* от 6 августа 1936 г. Сложная дипломатическая борьба, разгоравшаяся вокруг будущего Соглашения о невмешательстве (и в созданном затем Комитете по невмешательству), подтолкнула редакцию в осторожных выражениях поддержать правительственную точку

зрения. Претендуя на объективность, издание помещало также информацию о начинавшей принимать определённые формы итало-германской помощи мятежникам.

Часть лейбористских и либеральных изданий не поддержала правительственный курс на невмешательство. «Ньюс Кроникл» отмечал, что «нейтралитет» в высшей степени неудовлетворителен и неприемлем. Более сдержанно писала «Дейли вик» (*Daily Week*): «Политика британского правительства, направленная на «взаимопонимание с силами фашизма», в частности, в вопросе присоединения фашистских держав к Соглашению о невмешательстве в испанские дела, являлась актом стабилизации ситуации, но в ущерб демократическим принципам¹¹.

Статьи в *Times* «Британия и Италия: средиземноморское соглашение», «Комитет по невмешательству» (начало 1937 г.) и подобные им содержали уже более определённую информацию относительно «нейтралитета» – активно пропагандировалась необходимость функционирования КПН, как международного органа по контролю за ситуацией в Испании, существование которого было обусловлено «всеобщей заинтересованностью в том, чтобы испанский конфликт не приобрёл масштабы европейского»¹². В то время, как нарушения соглашения о невмешательстве со стороны Италии и Германии только констатировались (часто вообще без каких-либо комментариев), поставки СССР республиканцам резко критиковались: «Советское правительство и его представители нарушают все возможные договорённости Соглашения о невмешательстве, а также правила и процедуру рассмотрения конкретных случаев в Комитете, не говоря уже о доказанных нарушениях Соглашения со стороны СССР». Похожая тональность присутствовала и в заметке «Оружие из Мексики», где сообщалось о значительных военных поставках для Республики из этой страны.¹³

С началом фашистского мятежа в Испании, переросшего в Гражданскую войну, перед Великобританией встала задача оправдания политики «невмешательства» в дела Испании. По этому поводу исследователь британской печати А. Фостерс отмечал: «Некоторые исследователи британской внешней политики 30-х гг. склонны сопротивляться искушению интерпретировать ту роль, которую играла «Таймс» в течение этого десятилетия в поддержке проводимой на официальном уровне политике умиротворения. Сходное пренебрежение ролью «Таймс» на этой второй фазе следования политике умиротворения в Европе развеивается благодаря ряду неопровержимых фактов».¹⁴

В Великобритании пропаганда приурочивалась, как правило, к конкретным фактам в испанской войне в отличие от государств с фашистскими режимами, но велась целенаправленно, что превращало про-правительственный печатный орган *Times* в «рупор политики умиротворения». Уже в начале августа 1936 г. английское руководство и дипломатия выражали опасение создания враждебных идеологических блоков в Европе в связи с событиями в Испании. Резко отрицательное отношение британской прессы к расширению конфликта по-разному отражалось на интерпретации фактов интернационализации фашистскими государствами и СССР. Если первые критиковались весьма сдержанно, то в отношении Советского Союза применялся ряд пропагандистских приёмов и уловок: от «будничного рассказа», «смещения акцентов» до «гиперболизации» степени советского участия в конфликте, частичной «демонизации» власти «красных» (правительства Народного фронта) в Испании, «информационного голода». Играя на эффекте «симпатия-антипатия», британской печатной пропаганде через «Таймс» и другие ведущие официозы удалось в определенной мере сформировать у рядового обывателя негативный образ легитимного испанского республиканского правительства, отождествляя его с коммунистами, представляя антиподом всего демократического и, главное – угрозой Европе в случае победы Республики. Можно согласиться с В.В. Малай в том, что с помощью пропаганды был существенно смещен ракурс восприятия происходящего в Испании¹⁵.

Формы и методы печатной пропаганды, которые были апробированы на начальном этапе гражданской войны в Испании, применялись и в ходе её дальнейшего разви-

тия. Впоследствии опыт информационной войны в Испании был использован как в ходе Второй мировой войны, так и в ходе «холодной войны».

Примечания:

1. Майский И.М. *Испанские тетради*. М., 1962. - С. 15.
2. *Times*. 1936. 23 Jul.
3. *Ibid*.
4. Пожарская С.П. *Республиканцы и франкисты во время Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.*: сб. ст. *Война и общество в XX в. Кн. 2*. М., 2008. - С. 152.
5. *Times*. 1936. 30 Jul.
6. *Times*. 1936. 6 Aug.
7. *Ibid*. 22 Oct.
8. *Ibid*. 24 Sept.
9. Cockett R. *Twilight of Truth*. New York. 1989. - P.3.
10. *Times*. 1936. 29 Oct.
11. *Inprecorr*. 1936. 22 Aug.
12. *Times*. 1937. 7 Jan.
13. *Ibid*. 1936. 22 Oct.
14. Foster A. *The Times and Appeasement . The Second Phase*. Ed. Laquer *The Second World War: Essays in Military and Political History*. L., 1982. - P. 275.
15. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. и англо-итальянская пропагандистская борьба// Актуальные проблемы прошлого и современности в общественно-гуманитарных науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 19-29 апреля 2007 г. Вит. гос. ун-т. - С. 323-325

Чумаченко М.А. (Харьков)

А.Ф. КОНИ – ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

Ключевые слова: судебная психология, юридическая этика.

The key words: forensic psychology, judicial ethics.

Анатолию Федоровичу Кони не без оснований принадлежит видное место в истории русской культуры второй половины XIX – начала XX века. Известный юрист, крупный ученый в области права, виртуоз ораторского искусства, прирожденный литератор и педагог, неутомимый общественный деятель, таким, по выражению члена Харьковского Юридического общества А. Левенстима, его знала вся мыслящая Россия¹. Обладая огромным талантом, разносторонним умом, данными глубокого мыслителя, художественным чутьем и завидным сочетанием дара речи и изобразительности, он все мощные силы интеллекта обратил в упорную и долготлетнюю работу, направленную к проведению в жизнь и осуществлению высоких нравственных и общественных идеалов². Не случайно в числе друзей А.Ф. Кони были И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов, И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.Ф. Писемский, многие другие выдающиеся писатели, журналисты, актеры, передовые общественные деятели. Его имя было известно не только на территории Российской империи, но и за ее пределами благодаря процессу В.И. Засулич на котором он председательствовал. Для европейской общественности в к. 70-х гг. XIX в. процесс первой русской террористки стал главной политической сенсацией³. Западная пресса спешила осветить это событие, отметить основных действующих лиц этого процесса, в числе которых находился Анатолий Федорович⁴.

Актуальность изучения данной темы достаточно обоснована, так как на сегодняшний день одной из приоритетных задач нашего государства является совершенствование судебной системы, устранение коррупции среди судебных деятелей, внедрение новых модернизированных методов в область юриспруденции. Для этого необхо-

димо использовать не только новейшие разработки в области судопроизводства, но и опыт прошлого, в частности деятельность выдающихся юристов, среди которых особое место занимает А.Ф. Кони.

Высокий научный уровень, реализм и актуальность его теоретических работ и публичных выступлений, последовательное соблюдение принципов справедливости и гуманности в долголетней практике как прокурора, так и судьи завоевали ему огромный авторитет в Российской империи. В своих работах А.Ф. Кони уделял значительное внимание вопросам криминального права и процесса, судебной этики, являлся одним из основателей судебной психологии на российских просторах. Его труды в этой отрасли не утратили актуальности и на сегодняшний день.

В середине XIX в. когда в обществе происходили прогрессивные изменения в социально-экономической сферах, происходило динамическое развитие исследований в области общей психологии, а психология оформилась в самостоятельную науку. На этом фоне начали появляться и исследования психологических проблем касающихся борьбы с преступностью. В юридических кругах России становятся известными работы по этим проблемам Фридриха, Вульфена, Кауфмана, Гросса, Штерна, Бине, Клапереда, Листа, Липмана и других иностранных, преимущественно немецких, авторов. В России этими вопросами занимались Нечаев, Гольдовский, Завадский, Елистратов, Владимир⁵ и другие. Основное внимание в этих работах сосредотачивалось на психологии преступников, допросе и показаниях свидетелей⁶. При этом метафизическое рассмотрение искусственно отделенных психологических процессов приводил исследователей к односторонним и повторяющимся результатам. Например, Штерн и его последователи, изучая психологию показаний свидетелей, игнорировали связь с отдельными психологическими актами, отрывая их от индивидуальных особенностей и, базируясь на этом, говорили о полной ненадежности показаний свидетелей как источника доказательств.

Научные работы и публицистические выступления А.Ф. Кони, в которых рассматриваются вопросы судебной психологии, качественно отличаются от работ других авторов его времени, так как он, обобщая свой практический опыт, подходит к изучению жизненных явлений, научных проблем с диалектических позиций, рассматривая каждое явление как определенное звено в цепочке событий реального мира⁷. Анатолий Федорович требует конкретного, индивидуального подхода к оценке каждого явления и возможного использования тех или иных знаний и методов, подчеркивает необходимость учитывать конкретные условия, место и время происшествя. С этих позиций он критикует выводы представителей экспериментальной психологии, в частности Штерна, относительно вероятности показания свидетелей, показывая глубокое отличие принятия в условиях эксперимента какой-то картинке «с изображением спокойной и неяркой сцены с обыденной жизни» и обстоятельства, связанного «с необычным событием, которое нарушает мирный уклад жизни и притом не сцене, а в реальной жизни», и зная, что причастность свидетелей «к обстоятельству, в которых проявилась динамика преступления, вызывает особое сосредоточение внимания, которое запечатлел в памяти образы и звуки особенно ярко. Этого не может достичь ни одна картина»⁸.

Разрабатывая теоретические основы судебной психологии, А.Ф. Кони обратил внимание на наработки западных экспертов в области судопроизводства. В своем труде «Юридические поминки и о новых течениях в уголовном процессе Италии и Германии»⁹, он отмечал: «Быть может в предложениях западных юристов и законодателей найдутся ценные указания и для нас; быть может, в методе, которым они их проводят в жизнь, окажутся разумные предостережения»¹⁰.

Изучая психологические явления, Анатолий Федорович Кони рассматривал их не как один раз и навсегда данные, неизменные, а как такие, которые прибывают в постоянном движении, в развитии. Исследуя в своих произведениях и речах, например личность обвиняемого, он анализировал психологию его поведения до и во время преступления, в ходе расследования и судебного рассмотрения дела. Это давало ему воз-

возможность всесторонне и правильно оценить психологический облик подсудимого, потерпевшего, свидетелей, учитывая внутреннюю борьбу, которая происходила у них, вмешаться в этот конфликт, чтобы обеспечить победу позитивных побуждений в интересах установления истины в деле.

Благодаря такому подходу А. Кони к изучению психологических явлений, его произведения по вопросам судебной психологии сохраняют жизненность и актуальность и в наше время. Наиболее значительными среди них являются: «Память и внимание», «Приемы и задачи прокуратуры», «Самоубийство в законе и жизни».

Судопроизводство характеризуется системностью и сложным внутренним укладом отдельных его слагаемых. Помимо формального ведения дела, касающегося оформления документации, содержания заключенного, поиск свидетелей, есть сторона, связанная с рассмотрением психологических явлений касающихся каждого отдельного дела. Одному из таких аспектов посвящена работа Анатолия Федоровича Кони «Память и внимание»¹¹, в которой он очертил основные моменты, касающиеся сбора доказательств, и в частности свидетельских показаний. Он отмечал: «С движением человечества вперед, главную цену приобретают формальные, предустановленные доказательства. Система этих доказательств, сводящая задачу судьи к механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее определены – знаменует период связанности внутреннего убеждения судьи»¹². В этом труде как особый вид доказательства Кони выделял свидетельские показания. «Как всякое доказательство, - подчеркивал он, - оно должно быть добыто в таком виде и в такой обстановке, которые устраняли бы мысль о получении его вымогательством»¹³. Автор считает недопустимым личное насилие со стороны органов правосудия или нравственное воздействие как особый вид психического принуждения. Он наводит примеры психического воздействия: «возбуждение страха, надежд или желаний получить выгоду...; угрозы, обольщение и обещания...; душевное томление или искусственно вызываемые усталость и осознание беспомощности»¹⁴. Допрос, по мнению Кони, должен производиться с соблюдением четко определенных приемов и не допускать стремление добиться того или иного результата показания. Отдельное внимание Анатолий Федорович уделял личности свидетеля, так как в нем самом «могут заключаться элементы, отклоняющие и искажающие его строго фактический источник»¹⁵. В труде наведены категории людей, дача свидетельских показаний которых может быть расценена как несоответствующая истине: друзья, родственники, и те, кто «при даче показаний может стать в тягостное и неразрешимое противоречие со своим служебным или общественным долгом»¹⁶. Новаторство работы Анатолия Федоровича Кони заключалось в том, что наряду с формальным сбором свидетельских показаний, он говорит о необходимости учитывать факторы, касающиеся непосредственно человека, дающего свидетельские показания: пол, возраст, физические недостатки, поведение, память, внимание, способности мышления, темперамент.

Развитие института прокуратуры с момента его образования в 1864 г. и до 20-х гг. XX века отмечалось как негативными, так и положительными чертами. Среди последних можно отметить «предоставление обвиняемой стороне права возбуждения преследования против должностных лиц местных и центральных учреждений, не парализуемых, как в прежние времена, средостением в виде согласия начальства», возможность прокурора «отказываться от поддержки обвинения в суде, когда оно не подтверждается данными судебного следствия»¹⁷ и др. Но как отмечает Анатолий Федорович в своем труде «Приемы и задачи прокуратуры»¹⁸ «в судебной практике важны указания не только на то, что имеет право и обязан делать прокурор, но и на то, как он должен это делать. Иными словами важно развитие правильного сознания нравственных требований от поведения прокурора, выражающихся в его приемах и поставленной им себе задаче». Используя свой восьмилетний опыт работы в рядах прокурорского надзора, а также десять лет службы на посту обер-прокурора Уголовного Кассационного депар-

тамента Правительствующего сената он подробно изложил не только функциональные основы деятельности института прокуратуры, но и те морально-этические и психологические аспекты, которыми должен оперировать прокурор. Прокурор не должен обвинять, во что бы то ни стало и допускать «близорукую или ослепленную односторонность». В речи прокурора не должно быть развязности или насмешек над подсудимым. Кони вспоминает случай, когда один из товарищей прокурора, рассказав об исходе дела, которое он поддерживал, заявил ему: «Ну, хоть я и проиграл, но зато ему (подсудимому) всю морду сапогом вымазал»¹⁹. Анатолий Федорович тут же устранил этого судебного деятеля от выступлений в качестве обвинителя на суде.

Особого такта требовал Анатолий Федорович Кони от прокурора в отношении к суду и к своему процессуальному противнику – защитнику. Он выступал против каких бы то ни было выпадов и личных оскорблений защитника, против обобщения отдельных недостатков адвокатуры и огульного охаивания ее деятельности²⁰. «Было бы, однако, в высшей степени несправедливо, - отмечал Кони, - обобщать эти случаи и поддерживать на основании такого обобщения неблагоприятный и нередко даже враждебный взгляд на такую необходимую жизненную принадлежность состязательного процесса, как защита»²¹.

Анатолий Федорович осуждал практику, появившуюся в середине восьмидесятых годов XIX в., когда лицо, в отношении которого было собрано достаточно доказательств, для того чтобы быть поставленным в положение обвиняемого, на протяжении почти всего предварительного следствия оставалось в качестве подозреваемого, чем грубо нарушалось право обвиняемого на защиту. «Следователем и прокуратурой, - писал А. Кони, - в этих случаях руководило желание достигнуть успеха обвинения лишением заподозренного возможности защищаться, молчаливо и беспомощно видя и чувствуя, как куется против него целая цепь улики и доказательств, своевременно опровергнуть, или иначе осветить которое, он лишен возможности»²².

Заслуживает внимания еще одна рекомендация, содержащаяся в «Приемах и задачах прокуратуры». Речь идет об использовании в обвинительной речи на суде признания подсудимого. «При обвинениях на суде, - указывал Кони, - и я, и некоторые из моих товарищей старались не опираться на собственное сознание подсудимого, даже сделанное на суде, и строить свою речь, как бы сознания вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, - от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь в меньшем, чем то, в чем его обвиняют...»²³.

Судебный деятель в своей практике часто сталкивается с противоречивыми, неоднозначными и трагическими случаями, такими как самоубийство. Работа А.Ф. Кони «Самоубийство в законе и жизни»²⁴ представляет собой исследование такого явления как суицид, отношение к нему со времен царствования Алексея Михайловича и до начала XX в., приводит социальные и личные причины самоубийств.

Основное внимание в своих произведениях Кони уделял психологии судебной деятельности, судей, прокуроров, адвокатов, а также свидетелей, обвиняемых, потерпевших и их показаний.

Подчеркивая специфику судебной деятельности, Анатолий Федорович указывал на то, что «суд не механизм и не отвлечение от жизни, а живой и восприимчивый организм, приходящий в самое непосредственное и богатое разнообразными последствиями столкновение с явлениями общежития»²⁵. Как одной из главных фигур на доске правосудия – личности судьи Анатолий Федорович уделил особое внимание. «Как бы не были хороши ни правила деятельности, - подчеркивает он, - они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»²⁶. Наделяя судью властными полномочиями,веряя ему «частицу своей власти» государство «ждет от судьи обдуманного приговора, а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом»²⁷. Все это требует «напряжения душевных сил судьи для по-

иска истины», ему противопоказан такой недостаток как, как «лень ума, отказывающегося проникать в глубь вещей и пробивать себе дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностных противоречий», так как в суде «достоверность вырабатывается из правдоподобности и добывается последовательным устранением возникающих сомнений», чтобы «в конце концов, не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово «виновен» или «нет»²⁸. Абстрагируясь от этого, А.Ф. Кони считал, что судья должен знать не только право и судебную практику, а и жизнь, должен быть глубоко и широко образованным человеком, знать историю, психологию, искусство, философию, литературу. Примером такого судьи был он сам.

Анатолий Федорович также считал, что к судье необходимо предъявлять высокие требования не только в понятии знания и умения, но и в понятии его характера, чтобы он мог противостоять влиятельным просьбам, уговорам и внушениям, давлению окружения и голосу «общественных страстей», который выступает иногда под видом «общественного мнения». Ему также необходима наблюдательность, умение оценивать подробности²⁹.

Отдельное внимание Кони уделял нормам поведения судьи по отношению к людям, с которыми он призван иметь дело. Он подчеркивал, что судебный деятель никогда не должен забывать, что объектом его действий «является, прежде всего, человек, который имеет неотъемлемое право на уважение к его человеческому достоинству»³⁰, что судья должен искренне пытаться «не только казаться, но и быть справедливым»³¹, бороться с раздражительностью, воспитывать свою волю, умение владеть собой. Кони указывал на необходимость, чтобы «в выполнении форм и обрядов, которыми сопровождается отправление правосудия, вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа. Здесь этические требования сливаются с эстетическими...»³² Он указывал на необходимость «целостности в характере действий судебного деятеля во всех фазисах и на всех ступенях его работы и даже в частной его жизни», «стойкости его в законной борьбе во имя правосудия и за правосудие», на недопустимость у него «рисовки, самолюбования, одностороннего увлечения своими талантами, с принесение человека в жертву картине и т.п.»³³.

Анатолий Федорович Кони дает судьи конкретные рекомендации, которые касаются правильного отношения к подсудимым, потерпевшим, свидетелям, с тем, чтобы учитывать их психологическое состояние, облегчить им затруднительное положение в суде. «Судья не должен забывать, - отмечает он, - что *подсудимый* почти никогда не находится в спокойном состоянии. Естественное волнение после долгих, тяжелых недель и месяцев ожидания, иногда в полном одиночестве тюремного заключения, страх перед приговором, стыд за себя и за близких и раздражающее чувство выставленности «напоказ» перед холодно-любопытными взорами публики, - все это действует подавляющим или болезненно возбуждающим образом на сидящего на скамье подсудимых. Начальственный, отрывистый тон может еще больше запугать или взволновать его. Спокойное к нему отношение, внимание к его объяснениям, полное отсутствие иронии или насмешки..., а иногда и слово одобрения входят в нравственную обязанность судьи... Не меньшего внимания заслуживает и положение *потерпевшего*, иногда оскорбленного в своих лучших чувствах и в своих законных правах... Наконец, и не затронутые лично делом свидетели требуют уважения к своей личности. Они несут случайную повинность, всегда более или менее тягостную; большинство из них теряется в необычной, торжественной обстановке суда; стороны – обвинитель и защитник – склонны иногда к бесцеремонному отношению к свидетелю, к предложению ненужных ему вопросов, щекотливых и обидных по форме, а по своему косвенному смыслу вопросов. Одни свидетели под влиянием этого раздражаются и, чувствуя, что их ловят на словах, становятся грубы и принимают вызывающий тон, - большинство же теряются и нравственно страдают. Нужно зорко за настроением свидетелей... Председатель нравственно обязан

давать свидетелю чувствовать, что он, свидетель, не одинок, не отдан на жертву и что у него есть бдительный защитник и охранитель»³⁴.

Анатолию Федоровичу принадлежит известное выражение: «прокурор – говорящий публично судья», так как он должен оценить и взвесить все доказательства в их совокупности, как обвинительные, так и оправдательные, не преувеличивая значение ни первых, ни вторых. Все это он должен сделать «в связном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого грустного долга, без пафоса, негодования и преследования какой-либо цели, кроме правосудия...»³⁵. Прокурор является судебным оратором и должен уметь владеть словом. «Слово – одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя. Оно способно увлекать за собой самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора – обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения, не поддаваясь соблазну красивой формы или видимой логичности своих построений и не заботясь о способах увлечь кого-либо своей речью. Он должен не забывать совет Фауста Вагнера: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собой»³⁶.

Основными, лучшими чертами обвинителя А.Ф. Кони считал «спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая к возбуждению страстей, и искажению данных дела..., полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и способе держать себя на суде..., простота языка, свободная от вычурности или громких и «жалких» слов...»³⁷.

Анатолий Федорович в своих работах очертил и лексическое содержание, которым должна быть наполнена речь прокурора. Он отмечал, что недопустимо использование эпитетов с целью насмеяться над подсудимым, или сравнений, касающихся его внешности или его прошлого, которое не имеет отношения к рассматриваемому делу. Кони утверждал, что говорящий публично судья «должен быть силен в доводах, а не в эпитетах»³⁸. Не всегда целесообразно использование юмора в описании дела, поскольку совершенное преступление – является личностной либо же общественной трагедией, и только в некоторых случаях ирония может быть уместной там, где она имеет своим источником неправдивые показания подсудимого и свидетелей, направленные на то, чтобы избежать наказания, может быть хорошим способом для яркого и образного обличения обмана.

Анатолий Федорович требовал от обвинителей определенного такта и выдержки относительно их процессуальных противников, в частности защитника. Прокурор, по мнению Кони, не должен забывать, что у обеих сторон одна цель – содействовать суду с обеих точек зрения установлению истины. Выполняя свои профессиональные обязанности, используя свой интеллектуальный и нравственный потенциал, ни один из этих столпов судебной системы не должен забывать об уважении к противостоящей стороне.

Защита – является служение обществу, но адвокат должен быть «не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия, а другом, советником человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен или все не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют»³⁹. В основе правоохранительной охраны общества, как и в защите особы от несправедливого обвинения должны лежать способы и приемы, которые не противоречат морали. А.Ф. Кони решительно осуждал тех адвокатов, которые защиту преступника превращали в оправдание преступления, «искусно извращая нравственную перспективу дела...», а интересы правосудия приносили «в жертву эгоистическому желанию возбудить шумное внимание к своему имени – и человека, а иногда и целое учреждение пытается обратить в средство для личных целей»⁴⁰.

Ссылаясь на наблюдения и личный опыт, Анатолий Федорович сформулировал три требования, следуя которым обвинитель и защитник смогут освоить ораторское искусство: «необходимо знать предмет, о котором говоришь, точно и в подробностях...; необходимо знать родной язык и уметь использовать его гибкость, богатством и своеобразными оборотами, причем, обычно к этому знанию относится знакомство с богатствами отечественной литературы... Наконец,... не следует врать... Наличие лжи почти всегда чувствуется слушателями и отбирает в публичного выступления его силу и убедительность»⁴¹. Своих выступлений А.Ф. Кони никогда не писал, так как «убедился, что судебное следствие предоставляет такие жизненные краски и так смещает цент тяжести изложения, что даже вовсе несколько слов выступления, приготовленных заранее, оказываются совсем не той увертюрой... с которой должно было бы начаться выступление», и что он «всегда чувствовал, что заранее написанное выступление должно мешать оратору, связывать свободу распоряжения материалом и волновать мыслью о том, что что-то им забыто или упущено»⁴².

Большую научную ценность имеет очерк «История развития уголовно-процессуального законодательства в России». Законы о судопроизводстве, подчеркивал А.Ф. Кони, помимо своего назначения регламентировать осуществление правосудия, имеют историческое, политическое и этическое значение.

Метко и образно характеризует Анатолий Федорович старый дореформенный суд, в котором торжествовало «своеобразное правосудие, среди органов которого подчас власть без образования затопляла собою небольшие островки образования без власти»⁴³. Волокита и исключительная медлительность при рассмотрении дел являлись неизменными спутниками этого суда⁴⁴. В работе приводится яркий пример крайне долгого судебного разбирательства: дело о краже из московского уездного казначейства медной монеты, возникшее в 1844 г., было закончено лишь в 1865 г., то есть через 21 год. Таких дел было немало.

Обличающие строки посвятил А.Ф. Кони временам, когда «сознание надо добыть во что бы то ни стало, - не убеждением, так страхом, не страхом, так мукою»⁴⁵, когда судьи допытывались правды посредством изощренных пыток, когда суд находился в плену заранее предустановленных, формальных доказательств с их «присяжными» и «бесприсяжными» свидетельскими показаниями, с превосходством показаний знатного перед незнатным, духовного перед светским, мужчины перед женщиной, ученого перед неученым.

А. Кони обратил внимание и на уровень развития правовой науки и счел его крайне низким. «Вопиющие недостатки такого порядка вещей, - писал он, - долгое время не привлекали к себе внимание законодателя и мало интересовали науку, которая, брезгливо отворачиваясь от действительности, уходила в глубь веков, изошряясь в исследованиях о кунах и вирах по Русской Правде, или раболепно пела дифирамбы нашему судопроизводству»⁴⁶. И если и делались отдельные попытки хотя бы комментировать действующее законодательство, то они наталкивались на противодействие цензуры. В очерке приводится приговор с «Практическим руководством к русскому уголовному судопроизводству», написанным Н.И. Стояновским в 1850 г. и признанным цензурой излишним по мотиву: «Что если в его руководстве приведено то, что изложено в Своде законов, то к чему оно? А если в нем содержится то, чего нет в своде, то оно бесполезно, а следовательно и ненужно...»⁴⁷

Весьма тщательно показаны в этой работе дискуссии, имевшие место в то время по вопросам введения суда присяжных, допущения защиты обвиняемых на предварительном следствии и гласности при производстве предварительного следствия. А.Ф. Кони сочувственно относится к мнению, что «такая гласность представляется самым действительным средством в смысле ограждения лица, подвергшегося преследованию, от злоупотреблений и увлечений следователя», она нужна и «для устранения несправедливых нареканий на добросовестных следователей и для предупреждения возмож-

ного голословного отказа подсудимых от сделанного ими признания преступления». Что же касается допущения защиты на предварительное следствие, то оно «одинаково полезное не только для привлеченного, но и для самого следователя»⁴⁸.

Важный с этической точки зрения момент при исполнении судебных обязанностей арест лица, подозреваемого в совершении преступления. В своей работе Анатолий Федорович отмечает: «Арест есть лишение свободы – величайшего блага каждого гражданина, распоряжение которым нельзя предоставить единоличному мировому судье, способному, как всякий человек, увлекаться страстями, и пристрастиями. В случае несправедливости этого наказания уже невозможно вознаградить сделанное им зло. Арест есть вычет из жизни, пополнить который не в состоянии никакая сила человеческая. Представлять такое безвозвратное неисправимое наказание произволу одного судьи – нет никакой возможности. Распоряжение им может быть предоставлено только суду коллегиальному, но никак не одному судье. Гражданская свобода – такое великое право, которое должно быть ограждено самыми действительными гарантиями»⁴⁹. Таким образом, подсудимый для Анатолия Федоровича не отдельное звено функционирования судебной системы, а личность, для которой первостепенное значение имеет гарантирование ее гражданских прав. В своей работе «Судебная реформа и суд присяжных» он констатирует факт о том, что с реформирование судопроизводства на место теории формальных доказательств пришла свободная оценка доказательств, доминирующие роли заняли начала гласности, устности, непосредственности и состязательности. Появился суд присяжных. «Живой человек, - писал Кони, - вызван ими во всех стадиях процесса пред лицо суда и в решительные моменты окончательного обсуждения его вины поставлен в условия свободного состязания»⁵⁰.

Демократические принципы правосудия хорошо раскрыты А.Ф. Кони в работе «Заключительные прения сторон в уголовном процессе». Автор указывает на то, что состязательное начало в процессе выдвигает необходимых помощников судьи в исследовании истины – обвинителя и защитника, совокупными усилиями которых освещаются противоположные стороны дела. Анатолий Федорович подчеркивал прежде всего нравственные обязанности прокурора-обвинителя, призванного с одинаковой чуткостью и усердием ограждать «интересы общества и человеческое достоинство личности»⁵¹. «Мерилом дозвоительности приемов судоговорения, - писал он, - должно служить то соображение, что цель не может оправдывать средства и что высокая задача правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должна быть достигаема способами, не идущими вразрез с нравственным чувством»⁵².

Интерес представляют и суждения А.Ф. Кони о характере, содержании и предмете прений сторон. По его мнению, прения – самая живая, подвижная, изменчивая в содержании и объеме часть судебного состязания. Прения не должны касаться вопросов, не имеющих никакого отношения к делу, но вместе с тем они, по мнению юриста, могут касаться обстоятельств, не бывших предметом судебного следствия (например, вопроса о применении уголовного закона, меры наказания, указаний на общеизвестные истины, не требующие судебных доказательств и т.д.). Касаясь вопроса об обременительности для суда участия в деле нескольких защитников на стороне одного подсудимого, Анатолий Федорович, замечает, что соображения практического удобства не должны приниматься во внимание и что численное неравенство сил не имеет никакого значения, важно лишь их качество. «Рассматриваемые с точки зрения таланта и знания, - писал он, - несколько заурядных защитников не могут составить надлежащего противовеса одному талантливому обвинителю, а три или четыре рядовых прокурора не идут в сравнение с одним богато одаренным защитником, горячим словом которого, движет глубокое внутреннее убеждение»⁵³.

Практическое воплощение методов психологического анализа, очерченных в ряде трудов Анатолия Федоровича, можно увидеть в его обвинительных речах, произ-

несенных в окружных судах и сенате, председательских резюме и заключениях, данных в качестве обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Правительствующего сената. Именно тонкий психологический анализ речей этого выдающегося юриста при изяществе и образности языка, пластичности определений, возвышает их до степени литературно-художественных произведений. Сохраняя постоянно характер строгой деловитости, эти речи в то же время представляют собой ряд мастерски нарисованных психологических портретов, которые живой панорамой проходят перед глазами читателя⁵⁴.

Примечания:

1. Левенстим А.А. А.Ф. Кони. Очерк его общественной и политической деятельности. Харьков: Типография и Литография Н.В. Петрова, 1903. – С. 4.
2. Хмельницкий И.А. А.Ф. Кони – государственный и общественный деятель (опыт хроники) // Известия Одесского библиографического общества при Императорском новороссийском университете. № 5-6. 1915. – С. 267.
3. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. – С. 244.
4. Valbert M.G. Le proces de Vera Zassoulitch // Revue des deux Mondes». V. 27. 1878. – P. 216.
5. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Законоведение, 1910.
6. Михеенко М.М., Шульга О.Ф. Питання судової психології у працях А.Ф. Коні (До 130-річчя з дня народження) // Проблеми правознавства. Міжвід. наук. збірник. Вип. 29. 1974. – С. 128.
7. Михеенко М.М., Шульга О.Ф. Указ. праця. – С. 128.
8. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая л-ра, 1967. – С. 81-82.
9. Кони А.Ф. Юридические поминки и о новых течениях в уголовном процессе Италии и Германии. Сообщение в юридическом обществе 10 декабря 1894 г. // Библиотека Житомирского министерства юстиции. – С. 95-124.
10. Кони А.Ф. Указ. соч. – С. 95.
11. Кони А.Ф. Память и внимание. Из воспоминаний судебного деятеля. – СПб.: Полярная Звезда, 1922.
12. Кони А.Ф. Указ. соч. – С. 12.
13. Там же. – С. 13.
14. Там же. – С. 13.
15. Там же. – С. 14.
16. Там же. – С. 14.
17. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля). Петроград: Изд-во П.П. Сойкина, 1923. – С. 5.
18. Кони А.Ф. Указ. соч. – С. 6.
19. Перлов И.Д. Правовые воззрения А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая л-ра, 1967. – С. 21.
20. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая л-ра, 1967. — С. 134.
21. Кони А.Ф. Указ. соч. – С. 121-127.
22. Кони А.Ф. Указ. соч. – С. 136.
23. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. М.: Право и Жизнь, 1923.
24. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая л-ра, 1967. — С. 34.
25. Там же. – С. 34.
26. Там же. – С. 39.
27. Там же. – С. 39-40.
28. Там же. – С. 41-47.
29. Там же. – С. 51.
30. Там же. – С. 54.
31. Там же. – С. 56.
32. Там же. – С. 58-59.
33. Там же. – С. 54-56.
34. Там же. – С. 62-125.
35. Там же. – С. 124-125.
36. Там же. – С. 61.
37. Там же. – С. 126-136..
38. Там же. – С. 132.
39. Там же. – С. 65-66.
40. Там же. – С. 142-143.
41. Там же. – С. 152-153.
42. Там же. – С. 322.

43. Перлов И.Д. Указ. соч. – С. 13.
 44. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая л-ра, 1967. – С. 323-324.
 45. Там же. – С. 325.
 46. Там же. – С. 326.
 47. Там же. – С. 327-328.
 48. Там же. – С. 342.
 49. Там же. – С. 205.
 50. Там же. – С. 356.
 51. Там же. – С. 360.
 52. Там же. – С. 369.
 53. Там же. – С. 369.
 54. Прокурор – художник. А.Ф. Кони. Судебные речи 1868-1888 гг. Обвинительные речи. Руководящие напутствия присяжным. Кассационные заключения // Неделя. № 12. 1888. – С. 388.

Шабанова А.А. (Белгород)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Белгородчина, город, миграция, промышленность, урбанизация.
The key words: Belgorodia, city, migration, industry, urbanization.

Социокультурные, демографические, экономические факторы развития русского города определяли и оказывали влияние на повседневную жизнь городского населения. Что представляли собой города рассматриваемого региона, сколько их было, какова была численность городского населения, каково было их социокультурное и экономическое развитие? Без ответов на эти вопросы трудно представить себе уклад повседневной жизни городского населения, и тем более, понять ее эволюцию. Ведь данная сфера – повседневность, быт – включает в себя деятельность людей, связанную с удовлетворением потребностей в пище, одежде, жилище, поддержания здоровья, и деятельность, связанную с освоением духовных благ, культуры, с общением, отдыхом, развлечениями¹.

Города являлись центрами административной, судебной, военной, религиозной власти, центрами социокультурной и торгово-промышленной деятельности. Здесь концентрировались и получали дальнейшее развитие разные виды общественной деятельности, складывался специфический уклад общественной жизни. Административный статус и экономический потенциал городов изучаемого региона в основном сформировались во второй XVIII столетия. Административный статус города (столичный, губернский, уездный город) во многом определял возможность его благоустройства, развитие инфраструктуры, наполненность общественно-культурной среды. В XIX веке границы современной Белгородской области включали в себя территорию пяти уездов Курской губернии (Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Новооскольский, Старооскольский уезды) и два уезда Воронежской губернии (Бирюченский и Валуйский), часть волостей других уездов Курской и Воронежской губернии. Официальными центрами уездов, входивших в Белгородский край в XIX веке (и взятые в основу нашего исследования), являлись такие города: Белгород, Грайворон, Короча, Новый Оскол, Старый Оскол, Бирюч, Валуйки, особый статус имел заштатный город Хотмыжск.

Отмена крепостного права, распад патриархального уклада привел к большим социально-экономическим сдвигам, стиранию сословных перегородок, дал мощный толчок развитию буржуазных отношений, торгово-промышленной деятельности. Особенно отчетливо эти процессы проявились в городах. В пореформенное время влияние города на социально-экономическую и культурную жизнь региона, несомненно, усиливалось, происходил рост городского населения. Так население городов Российской Им-

перии возросло с 6,1 млн. человек в 1863 г. до 16,8 млн. человек в 1897 г.². В городах Курской губернии (куда также входили города Белгород, Грайворон, Короча, Новый Оскол, Старый Оскол) в 1861 г. проживало 113 055 человек, а в 1897 г. количество городского населения достигло 221 527 человек, его доля в составе всего населения губернии выросла с 6,1% до 9,3% жителя³.

Городское население Белгородского края согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г. составляло 88 616 человек, 7,4 % от общей численности населения региона (1 203 307 человек)⁴. Горожане составляло небольшой процент, но их численность постоянно росла. По темпам роста численности населения особенно выделялись города Белгород, Новый Оскол, Старый Оскол. Так, население Белгорода с 1861 по 1897 г. увеличилось 2,2 раза, с 11 930 до 26 518 человек⁵, население Нового Оскола увеличилось в 5,9 раза, Старого Оскола – в 2,1 раза⁶. Самым большим по численности населения на протяжении всего пореформенного периода оставался Белгород.

Рост городского населения в России XIX веке факт достаточно известный в отечественной историографии. Но следует обратить внимание на то, что источником пополнения населения города был не его естественный прирост, а миграционные процессы, уход крестьян на заработки, на постоянное место жительства в город⁷. Пореформенное отходничество крестьян способствовало увеличению жителей городов более чем в 2 раза⁸.

Миграция рабочей силы играла значимую роль, являлась важным социально-экономическим фактором. Демографические процессы не только определяли уровень трудоспособного населения, но и оказывал влияние на становление и изменение повседневной жизни горожан. Так, увеличение числа жителей городов влекло за собой вовлечение их в типично городскую жизнь, связанную с профессиональным характером занятий, образом поведения, общественным и домашним бытом.

Динамично развивающаяся городская материальная и отчасти духовная культура начинала служить и для сельского населения, и для крестьян, ушедших на заработки в города, образцом для подражания. Но в России наряду с, несомненно, существовавшим влиянием города на общественно-экономическую и культурную жизнь воздействия деревни на город складывалось достаточно сильно. В современной литературе существует даже такое понятие, как «окрестьянивание» городского населения. Оно проявлялось в традиционных для деревни хозяйственных занятиях, в домашнем быту, в повседневности⁹. Поскольку Белгородчина являлась типично аграрным регионом, подавляющее большинство горожан трудилось в области экономики. Промышленное производство в Белгородском крае характеризовалось наличием всех основных стадий его исторического развития – домашние и кустарные промыслы, ремесло и мануфактуры, машинное производство.

Вплоть до конца XIX века в промышленном отношении для городских центров было характерно преобладание мелкого производства, представленного главным образом ремесленниками. Ремесленное производство обслуживало самые разнообразные потребности, среди которых наиболее развитыми были: плотницкое, сапожное, каменное, штукатурное, печное, скорняжное, кузнечное, башмачное, слесарное, бондарное и другие ремесла. В пореформенный период промыслы и ремесла претерпели значительные изменения – произошел их количественный рост и более широкое распространение, с другой стороны – техническое усовершенствование, перерастание в более крупное производство, в мастерские, которые являлись предприятиями мануфактурного типа.

По сравнению с ремесленным производством, обеспечивающим в основном нужды рынков, мануфактурное и фабрично-заводская промышленность позволяли наладить производство и сбыт более высококачественных изделий за пределы Курской и Воронежской губерний. В конце XIX в. после появления железнодорожного транспорта

и более дешевых товаров фабрично-заводской промышленности кустарные промыслы приходят в упадок.

Фабрично-заводская промышленность Белгородского края занималась преимущественно переработкой сельскохозяйственной продукции и обработкой минеральных веществ (кирпичные заводы). В последней четверти XIX в. наметился процесс организации модернизированных промышленных производств в новых для городской фабрично-заводской промышленности отраслях: машиностроительной, химической. За пореформенный период (к 1900 г.) число предприятий в целом по Курской губернии увеличилась в 2 раза, а выработка продукции – в 5 раз, на одного работающего почти в 8 раз¹⁰. Необходимо отметить, что по числу предприятий и работающих на них города занимали второе место после сельских поселений; даже обрабатывающая промышленность, не говоря уже о добывающей, в исследуемый период большей степени размещалась в сельской местности. К концу XIX в. преобладающими фабриками и заводами городской промышленности были небольшие предприятия, сосредоточенные в Грайвороне и Новом Осколе.

Таким образом, относительно крупная промышленность переживала процесс перехода от мануфактурной к машинной стадии производства, который сопровождался широким сокращением малых заведений постепенном упадком части крупной промышленности при стабильном развитии средних предприятий.

Важным социально-экономическим фактором, обуславливающим повседневную жизнь населения городов, наряду с сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью, была торговля. Торговая сеть городских центров Белгородского края в исследуемый период складывалась из непериодической (развозно-разносной), периодической (ярмарочной, базарной) и постоянной (стационарной) торговли. Низшей формой торговли являлась развозно-разносная, которая имела случайный, непериодический характер, вследствие чего потребитель никогда не мог точно на нее рассчитывать. Данная форма торговли осуществлялась странствующими торговцами (передвижная торговля), торговыми посредниками, одни из которых занимались скупкой сельскохозяйственных товаров, другие – продажей промышленных изделий. К концу XIX в. наблюдается снижение масштабов передвижной торговли, что связано с развитием стационарной торговли и улучшением путей сообщения¹¹.

В дореформенный период важной формой товарного обращения была ярмарочная торговля. Базары и ярмарки были во всех городах и крупных населенных пунктах. Сравнительно небольшое расстояния до крупных ярмарок, имевших значение региональных или всероссийских торжищ – Коренной под Курском, Харьковской, Киевской позволяли населению Белгородчины сбывать на них свою продукцию. После 1861 г. важной группой, отправляемых из городов товаров, были пенька, конопляное семя и масло. Преобладающей торговлей в городах Белгороде, Грайвороне, Короче, Новом Осколе была хлебная торговля и торговля скотом. Наибольшей коммерческой деятельностью отличались Белгород и Старый Оскол. После проведения железных дорог, многие города Белгородского края становятся важными торгово-транспортными центрами общероссийского значения, обеспечивая товарной продукцией не только население региона, но и поставляя ее за пределы Курской и Воронежской губернии в столичные города, близлежащий Харьков, промышленные центры Юга России.

К концу XIX века постоянная торговля заняла главное место в городском товарообороте. Стали открываться магазины, лавки, трактиры, харчевни, чайные и т.п. Соответственно появлялись новые профессии, росло количество занятых в сфере обслуживания. К 1897 г. число занятых горожан Курской губернии составляло 16%, что в 8 раз больше занятых на городских «заводах» и «фабриках» (около 2%)¹².

Включения человека в трудовую деятельность, занятость представляет собой одну из важнейших характеристик эффективности экономической системы. Занятость населения составляет необходимое условие для воспроизводства, от нее зависит уро-

вень и качество жизни людей. Занятость следует рассматривать как общественные отношения обеспечения населения не только рабочими местами (т.е. позиция производства и накопления), но и обеспечения человека необходимыми средствами существования (т.е. в связи с формированием и использованием фонда потребителя). Сфера занятости населения городов во второй половине XIX в. была весьма разнообразной. В отличие от деревни (где в середине XIX в. и раньше доминировало сельское хозяйство), в городе ни одна отрасль занятости не была преобладающей.

Рассматривая профессиональную структуру населения Курской губернии, следует обратить внимание на то, что по состоянию на 1861 г. в городской экономике было занято 39,7% населения. Главным занятием горожан являлась торговля – 12,7%, особенно в уездных и заштатных городах – 15,2%. Второе место приходилось на занятость в промышленном производстве – 9,7%, в котором преобладало ремесло – 5,1%. Третье место удерживало земледелие – 9,2%¹³.

Процесс урбанизации курских городов к концу XIX в. существенно изменил профессиональную структуру горожан. Отраслевая структура городского населения стала более разнообразной. Произошло резкое увеличение экономических занятий до 71,1%; в уездных городах в городской экономике трудилось 74,7%, а в заштатных городах – 92,8%, что напоминало занятость сельского населения. В структуре экономических занятий к концу XIX века на первое место вышла промышленность – 21,1% (в уездных городах – 20,9%, в заштатных – 14,5%). В неземледельческих занятиях экономического характера торговля переместилась на второе место – 16,1% занятых. Интересным фактом выступает двукратное возрастание численности горожан, занятых сельским хозяйством – 20,7% – в уездных городах сельское хозяйство кормило 23,7% жителей – что обусловлено включением в период переписи 1897 г. в состав городов пригородных слобод и значительной миграцией крестьян из окрестных сел. Однако это не умаляет значение земледелия в жизни жителей курских городов.

Таблица 1. Отраслевая структура занятости самодеятельного населения белгородских городов Курской губернии в 1897 г. (без учета членов семьи)¹⁴.

Отрасль занятости	Белгород		Грайворон		Короча		Новый Оскол		Старый Оскол		Всего	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	чел	%
1.Сельское хоз-во*	618	53	411	40	542	95	91	8	446	248	2552	10,2
2.Промышлен- ность	2139	759	345	92	462	103	191	54	1243	282	5670	22,8
3.Транспорт, связь, почта	707	7	17	-	14	-	20	1	287	35	1088	4,4
4.Строительст- во**	575	-	84	3	56	-	82	-	752	-	1552	6,4
5.Торговля***	1048	263	156	36	445	51	114	10	834	96	3053	12,3
6.Финансы, страхование	19	-	4	-	2	-	-	-	8	-	33	0,13
7.Сфера обслуживания	850	1321	155	268	182	381	104	229	433	698	4621	18,5
8.Здравоохранение	54	19	10	6	28	7	19	7	30	17	197	0,8
9.Учебная и воспитательная деятельность	89	38	12	15	33	14	9	14	40	23	287	1,15
10.Наука, литература, искусство	23	6	1	-	4	-	-	-	21	3	58	0,23
11.Администрация, суд, полиция	262	1	109	-	127	-	72	-	133	-	704	2,8
12.Вооруженные силы	1373	1	34	-	39	-	38	-	43	-	1528	6,1
13.Религиозная служба	105	551	20	-	25	8	13	5	53	18	798	3,2
14.Прочие отрасли	729	758	131	91	260	170	99	89	74	375	2776	11,1
Итого	8591	3777	1489	551	2219	829	852	417	4397	1795	24917	100

* Включая пчеловодство, лесное хозяйство, рыболовство и охоту. ** Включая жилищно-коммунальное хозяйство. *** Включая общественное питание.

Группа занятий по переписи населения из таблицы распределены между отраслями следующим образом: № 17-21 – сельское хозяйство, № 22-37, 39, 40 – промышленность, № 41-45 – транспорт, связь, № 38 – строительство, № 47-59, 61 – торговля, № 46 – финансы, страхование, № 13, 60, 62, 64 – сфера обслуживания, № 11-12 – здравоохранение, № 9 – учебная и воспитательная деятельность, 10 – наука, литература, искусство № 1-3 – администрация, суд, № 4 – вооруженные силы, № 5-8 – религиозная служба, № 14, 15, 16, 63, 65 – прочие отрасли (включая заключенных, лиц, не имеющих определенного рода занятий и т.д.).

Удельный вес внеэкономической деятельности в городах Курской губернии составлял 11,2%, в уездных городах – 8,8%; ее распространенность имела прямую зависимость от административной значимости города. Внеэкономические занятия распределялась почти поровну между социокультурной деятельностью (4%), административной службой (3,5%) и военной (3,7%), особенностью последней был временный состав занятых¹⁵. Особый интерес представляет отраслевая структура занятости городского населения Белгородского края, составленная по материалам переписи 1897 г. по Курской губернии (см. Таблицу). К сожалению, мы не располагаем такими данными по городам Валуйки и Бирюч в силу их отсутствия в переписи по Воронежской губернии.

В основных сферах труда – промышленность, торговля, земледелие – процент занятых горожан Белгородского края составил 56% самодеятельного населения.

Наибольшее количество населения трудились в промышленной сфере – 22,8%. В сфере торговли было занято 12,3%. Только 10,2% городского населения были заняты сельским хозяйством. Важную роль приобрела сфера услуг (гостиницы и клубы, банки и парикмахерские, домовая прислуга и т.п.), дававшая работу 18,5% городского населения, причем эта отрасль наиболее привлекала женщин из всех других областей занятий. Армия поглощала 6,1% населения. Остальные работники были заняты в различных отраслях – от финансов до проституции.

Производственная деятельность населения, занятость как составная часть общественного производства, неразрывно связаны с повседневной жизнью. Ведь деятельность людей, ее содержание и направленность, является главной синтезирующей характеристикой быта. Принадлежность к той или иной профессии, а также сословию, определяли культурный уровень, материальный достаток, количество свободного от работы времени. В результате отдельные группы населения имели свои привычные формы досуга и развлечений, свои привычный образ жизни. Так же и быт горожанина мог оказать влияние на производственную деятельность. К примеру, в зависимости от имущественного (и социального) положения основной части населения определенного района города, появлялись кабаки, трактиры или рестораны.

Таким образом, социально-экономические процессы и уклад повседневной жизни взаимообусловлены. Социокультурные, демографические, экономические факторы развития города определяли, формировали и изменяли повседневную жизнь городского населения, его быт и традиции. В свою очередь, образ жизни населения мог оказать влияние на социально-экономическую структуру.

Примечания:

1. Быт // *Российская социологическая энциклопедия* / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 52-53.
2. *История России (XIX – начало XX века)* / Под редакцией И.А. Федосова. М.: Высшая школа, 1981. – С. 168.
3. Терещенко А.А. Динамика численности населения провинциальных городских центров в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX века. // *Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 275-летию образования Белгородской губернии*. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – С. 73.
4. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Курская губерния*. – СПб: Изд. Центрального Статистического комитета МВД (под ред. Н.А. Тройницкого), 1904; *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Воронежская губерния*. – СПб: Изд. Центрального Статистического комитета МВД, 1904 г.
5. Терещенко А.А. *Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века*. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 115.
6. Терещенко А.А. Динамика численности населения провинциальных городских центров в Центральном Черноземье... – С. 74, 76.
7. Кошман Л. В. *Город и городская жизнь в России столетия: Социальные и культурные аспекты* / Л.В. Кошман. М.: РОССПЭН, 2008. – С. 173.
8. Рындзюнский П.Г. *Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России)*. М.: Наука, 1983. – С. 212.
9. Кошман Л. В. *Город и городская жизнь в России столетия...* – С. 176.
10. Тройно Ф.П. *Очерки социально-экономического развития Белгородчины (конец XVIII в. – 1917 год)*. Белгород, 1993. – С. 93.
11. *Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии)* / Под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 163.
12. Терещенко А.А. *Социально-экономическое развитие провинциального города...* – С. 49.
13. Терещенко А.А. *Профессиональная структура населения городов Курской губернии второй половины XIX – начала XX века*. // *Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы региональной конференции по истории демографии и истории географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925-1994)*. Воронеж: Центр возрождения Черноземного края, 2000. – С. 54-55.

14. Таблица составлена по - Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Курская губерния. СПб: Изд. Центрального Статистического комитета МВД (под ред. Н. А. Тройницкого), 1904. – С. 176-181.

15. Терещенко А.А. Профессиональная структура населения городов Курской губернии... – С. 54-55.

Шалыгина Д.Л. (Харьков)

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ОБРАЗА ВРАГА И ГЕРОЯ В ПРОПАГАНДИСТСКИХ ПЛАКАТАХ СССР ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: пропагандистский плакат, образ врага, образ героя, контент-анализ.
Key words: propaganda poster, enemy image, heroic image, content-analysis.

Плакатная пропаганда во Второй мировой войне приобрела невиданный ранее размах. Ни в одном из предыдущих военных конфликтов пропагандистские плакаты не использовались так активно. Эта война в целом обернулась расцветом самых различных пропагандистских технологий, и среди них – наглядная пропаганда. Плакатная пропаганда стала частью широкомасштабной идеологической войны, не менее важной по сравнению с боевыми действиями, которые велись на фронтах.

Современный исследователь пропаганды Второй мировой войны Э. Родс, говоря о функциях плаката, отмечает следующее: «Впечатления от наглядных материалов чрезвычайно сильные, люди, например, могут забыть газетную статью, но не картинку, особенно если она часто попадает на глаза и посыл её ясен. В этом отношении у плаката были определенные преимущества перед другими формами пропаганды. Брошюрку или газету можно отбросить, не читая; радио можно выключить; политические митинги можно не посещать так же, как и кино. Но все в своё время ходят по улицам. Лозунг нельзя проигнорировать»¹. Действительно, если прохожий увернется от этого плаката, за углом он снова встретится с ним.

Актуальность проблемы обусловила высокий интерес к ней профессиональных исследователей и публицистов. На сегодняшний день существует ряд специальных исследований, посвящённых изучению плакатной пропаганды времён Второй мировой войны в целом², и образам героя и врага в плакатах в частности³. В этих исследованиях намечены общие черты портретов врага и героя в пропагандистских плакатах. Но описывая образы, исследователи, как правило, оперируют оценками «чаще/реже», «больше/меньше» и т.д. Строгое количественное описание объекта исследования было бы более объективным и точным по сравнению со словесным.

Данное исследование, посвященное изучению образов героя и врага в советских времён Второй мировой войны, основано на применении контент-анализа, который, по выражению Б.Н. Миронова, «...не отменяет традиционный, классический анализ документов, он просто дополняет его количественным анализом, который придает анализу большую глубину, его результатам – большую объективность, выводам исследования – большую достоверность»⁴.

Источниковая база исследования представлена опубликованными⁵ и неопубликованными плакатами из фонда Харьковского Исторического музея. Из собранной автором коллекции пропагандистских плакатов, были отобраны те, в которых центральное место занимает образ героя или врага. В результате была создана база данных из 150 плакатов.

Среди обработанных плакатов образов врага почти вдвое меньше чем образов героя (56 и 94 соответственно).

Технически, анализ плакатов осуществлялся при помощи СУБД MS Access. База данных включила 24 поля, которые условно можно разделить на две группы по функ-

циям: служебные, в которых записана информация о плакате (художник, место, год издания и т.д.) и семантические (композиция образов, реалистичность, вектор и т.д.).

Для начала следовало бы уточнить, какие образы считать образами героя и врага соответственно. Герой на пропагандистском плакате – фигура практически всегда мужского пола, обладающая позитивным смыслом и идентифицируемая с той воюющей стороной, которая и издает данный плакат. Герой в большинстве случаев боец, воин (солдат армии, партизан, народный мститель и т.д.), хотя может быть и работником тыла. Герой может выступать в роли защитника, освободителя, мстителя, мученика или просто победителя.

Определяя понятие «враг», социолог Г.И. Козырев дает следующее определение: «враг» – это актер (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств»⁶. Следовательно, «образ врага» – это качественная (оценочная) характеристика «врага», которая складывается в общественном сознании или формируется органами пропаганды.

Образ врага под названием «немецкий фашизм» был создан в СССР в 1930-е годы, однако он оставался в большей степени формальным и неопределенным⁷. С началом военных событий появляется настоящий реальный оккупант Родины.

Первое что бросается в глаза при попытке проанализировать образ врага в советских плакатах это то, что художники не изображают противника страшным монстром, а гораздо чаще высмеивают его. При обработке собранных плакатов это наблюдение подтвердилось, так как 39 из 56 образов врагов карикатурные и 15 – аллегоричные, т.е. такие, которые представляют врага в виде какого-либо животного (волка, крысы, орла, осьминога, клыкастого хищника и чаще всего – змеи). Наиболее известные плакаты-карикатуры выполнялись такими советскими художниками как Кукрыниксы, Б. Ефимов, В. Дени, Б. Соколов-Скала. Особенно такой тип образа был распространен в «окнах ТАСС» и был связан еще с традициями Первой мировой войны. В тот период появляются карикатуры на немецких солдат, и особенно на кайзера Франца-Вильгельма, выполненные в стиле русского лубка.

Для советского образа врага в плакатах характерно изображение конкретного политического персонажа, а не абстрактного врага-фашиста. Конкретный образ А. Гитлера представлен в абсолютном большинстве советских плакатов, изображающих врага (30 из 56). На втором месте по популярности – образ Й. Геббельса, который также изрядно полюбился советским карикатуристам. Кроме того встречаются образы Б. Муссолини, М. Хорти, И. Антонеску, П. Лавалья, но такие плакаты единичны. Для плакатной пропаганды характерно использование немногих, но хорошо знакомых общей массе населения образов, которое вовсе не было искушено в вопросах международной политики. Остальные фашистские и нацистские лидеры высмеивались советскими художниками на страницах пропагандистских брошюр, книг, газет, но не плакатов. В плакатной пропаганде А. Гитлер практически обладал своего рода монополией.

Образ героя в советских плакатах в 94 % случаев реалистичен. Остальные образы (их всего несколько) выполнены в карикатурном стиле, напоминающие героев более поздних советских мультиплицированных фильмов, или с помощью аллегии. На плакатах СССР в 72 случаях из 94 герой – советский боец шаблонного типа и без особых знаков отличия, чаще всего пехотинец, впрочем, изображали также и моряков, танкистов, лётчиков, кавалеристов, однако намного реже. То есть основным героическим образом был солдат Красной Армии. И хотя встречаются образы партизан, богатырей, героических женщин, самоотверженных работников тыла, – таких образов единицы.

Для советских плакатов характерно использование эффекта асинхронности времени. В наглядной пропаганде, использующей образ героя, асинхронность времени в направлении прошлое-настоящее встречается в 13% случаев. Советские пропагандисты во многих видах пропаганды активно использовали исторические образы богатыря, ка-

зака, воина-революционера периода гражданской войны, а также таких исторических персонажей, как Александр Невский, Суворов, Чапаев и т.д. Плакатная пропаганда, наряду с кинопропагандой, играла важную роль в развитии тенденции использования популярных исторических образов и концепции «Отечественной» войны. Некоторые исследователи считают, что эта тенденция имела закономерные предпосылки. Например, В. Гусева в своей статье «Традиции лубка и народной живописи в украинских плакатах советского периода» утверждает, что образ богатыря, который так часто встречается на плакатах периода войны, берет свое начало в популярном в народной живописи образе Георгия-Змееборца⁸.

Что касается национальной стороны советского плакатного героя, то тут практически нет никаких отступлений от четко заданной схемы: шаблонность, ординарность, универсальность. В советской военной пропаганде почти отсутствуют даже намеки на присутствие в Красной армии воинов любых других национальностей, кроме русской. Исключение может составлять, например, плакат с титулом «Навеки вместе», где бок о бок стоят украинский казак и русский боярин, объединенные общей историей Киевской Руси. Но такой пример говорит только об еще одном случае использования исторической ретроспективы для единения советских людей, а не о восхвалении воинов разных национальностей. Впрочем, это было вполне закономерно для плакатной пропаганды, учитывая общую тенденцию к унитарности, объединению и избеганию любых разъединяющих советский народ лозунгов.

Таким образом, историческая ретроспектива активно использовалась при создании или усилении образа героя в советских плакатах. Однако художники в меньшей степени пользовались этим приемом для образа врага. Плакаты Советского Союза сравнивали нынешних врагов (А. Гитлера, или использовался собирательный образ немца) с Наполеоном или Францом-Вильгельмом II.

Анализ динамики выпуска советских плакатов с использованием исторической ретроспективы показал интересную тенденцию: большего всего таких плакатов было выпущено в 1941 г. Они сравнивают А. Гитлера с Наполеоном, предвещая немецкому вождю аналогичную горькую участь. Центральная идея такова: «немцы вскоре обязательно будут разбиты, а как же иначе, ведь мы их на протяжении всей истории «били и бить будем». Однако такой образ врага уже реже встречается на плакатах 1942 г., когда ситуация оказывается критической для Красной армии. Но победа под Сталинградом дала новое дыхание фантазии художников, количество таких плакатов в 1943 г. увеличивается, а Сталинград объявляется в плакатной пропаганде окончательной победой в «историческом русско-немецком противостоянии». Новым сюжетом для плакатов становится проведение аналогий между победой Красной армии под Сталинградом и наиболее яркими битвами в истории России. После 1943 г. использование такого метода исторической ретроспективы становится не актуальным, так как в советском плакате все большую роль играло ожидание победы: наглядная пропаганда отображала теперь только современных героев и современные победы, потребности в обращении внимания реципиента на подвиги прошлого уже не было.

Еще одной характеристикой плакатных образов, которая была рассмотрена в ходе исследования, была их композиция, то есть статичность (изображение в состоянии покоя), динамичность (изображение в движении) или экспрессивность (обращение непосредственно к зрителю). Среди советских и героических, и вражеских образов абсолютно преобладают динамические образы. При этом и «враги», и «герои» изображены в движении в 70 % случаев. Статичные образы более самоуверенны в эффективности своего влияния на реципиента, чем динамические. Последние несут большую смысловую и агитационную нагрузку. Динамика изображения задает рассказ, создает сюжет.

Динамика образа имеет несколько функций, которых естественно лишены статичные образы. Важным признаком является направление движения во времени (вектор): устремленность в будущее или в прошлое. Направление слева снизу в правый

верхний угол или хотя бы просто слева на право – это будущее. Направление справа налево, справа сверху налево вниз – это прошлое. Итак, вектор образа задает темпоральное направление плакатного сюжета. Среди советских образов героя чаще всего встречаются направленные прямо (23%), влево (27,5%) и вправо (42,5%). Как мы видим, последний вектор преобладает среди всех других. С точки зрения общей риторики пропагандистского плаката это не логично, но на самом деле такой тенденции существует достаточно простое объяснение. Главная идея советской пропаганды 1941-1945 гг. – борьба за мир, освобождение Отечества; ради осуществления этой цели врагов следовало выгнать за пределы родины на Запад, поэтому оружие советских солдат так часто направлено налево, то есть в сторону, откуда наступал враг. С 1943 г., когда СССР переходит в наступательный период, на советских плакатах появляются лозунги «На Запад!», и такое направление справа налево получает еще одно значение: теперь советские воины не только защищают свою Родину, но и освобождают захваченные оккупантами территории (не только свои, но и других европейских государств). Советский солдат теперь выступает в роли не только защитника, но и освободителя.

Ту же мысль можно проследить, изучая плакаты с изображением «врага». При проведении исследования было выяснено, что большая часть (42 %) советских образов врага направлены справа налево. Это говорит об идее изгнания оккупанта, ликвидации опасности, стремлении вернуть довоенное состояние. В титлах плакатов идея сформулирована так: «Вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их за пределы нашей Родины!».

Местоположение образа в пространстве плаката также было достаточно важно. Визуальные фигуры и персонажи, расположенные слева, в структуре сообщения являются более важными, они выражают начало не только во временном смысле, но и в смысле причины. Расположенные слева персонажи и фигуры являются также субъектами в логическом смысле, они отождествляют сложившийся Status Quo. В противоположность им, визуал, расположенный справа выступает как завершение, венец дела. По отношению к визуалу, расположенному слева, он выражает цель движения, эволюции, или же результат этого движения⁹. Особо выделяется образ, находящийся в центре. Он либо собирает вокруг себя все внимание и определенно становится самым важным персонажем на плакате, либо вообще заполняет собой все пространство плаката. В таком случае плакат может стать менее информативным, однако, более запоминающимся.

Образы героев на советских плакатах в подавляющем большинстве случаев находятся в центре пространства (58 из 94 образов соответственно). Таким образом, «герой» обращает на себя основное внимание зрителя.

Советский образ врага, как правило, не нес эмоционального компонента «угрозы», скорее наоборот, никчемность (трусость, слабость) фигуры врага выставлялась на посмешище¹⁰. Поэтому художники могли позволить себе использовать пространственную структуру плаката для более эффективного донесения сообщения, не сосредотачиваясь на центральном поле. Хотя образы врага в советских плакатах, расположенные в центре относительно преобладают (28%), часто встречаются образы, расположенные слева (24%), справа и внизу (по 14 %). С точки зрения семантики пропагандистского плаката визуал, расположенный слева, является не только субъектом сообщения, но и причиной, событием, предшествующим во времени тому, что происходит в центре и справа. В большинстве случаев, когда образ врага находился не в центре, этот плакат содержал также образ героя, противодействующий врагу. Таким образом, если «враг», находящийся слева выступает как данность, то образ бойца, который находится справа относительно «врага», выступает как цель и итог движения, как завершение события. Такой эффект использования эстетических средств придавал плакатному сообщению больше конкретности.

Последний аспект, который был исследован, имеет также большое значение для восприятия пропагандистского плаката реципиентом. Исследование плаката требует

анализа не основных образов, но и фона, который часто выполняет вспомогательную функцию по отношению к главному визуалу, подчеркивает его роль, задает сюжет или наоборот, забирает на себя часть внимания.

Для 1/3 советских плакатов с изображением героя характерно отсутствие фона, на 1/5 всех собранных «героических» плакатов в качестве фона изображалась различная боевая техника. Также часто фоном, на котором художник изображал героя, была символика (советские флаги, герб и т.д.), здания города, которые легко узнать (здание Госпрома в Харькове, колокольня в Киевской Лавре, Кремль и т.д.), советские бойцы, враги, разрушения, которые сотворили оккупанты, мирные жители.

Что касается образа врага, то на 46 из 56 плакатов фон отсутствовал. Это связано с распространенным жанром карикатуры в плакатах с изображением негативного образа. Наглядная пропаганда, использовавшая карикатуру для создания образа врага, сосредотачивала все внимание зрителя на основной фигуре, поэтому дополнительные образы на заднем плане не были характерны для таких плакатов.

Таким образом, проведенное исследование образов героя и врага в советской плакатной пропаганде, позволило охарактеризовать их с точки зрения идеологии, сюжетов, персонажей, стилистики и риторики.

Типичный образ советского героя выглядел так: советский воин мужского пола, солдат Красной Армии; размещённый в центре плаката; изображённый в динамике, как правило, по направлению справа налево; реалистичный; образ пропорционален остальным объектам на плакате; без фона или с боевой техникой на фоне. Образ врага выполнен в карикатурном жанре или аллегоричный; персонифицируется в лице А. Гитлера; расположенный в центре или слева; динамический, направленный справа налево; образ пропорционален остальным объектам на плакате; без фона.

Примечания:

1. Родс Э. *Пропаганда. Плакаты, карикатуры кинофильмы Второй мировой войны 1939-1945*. М., 2008. – С. 22.
2. Вашик К. *Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате* // *Родина*. 2002. № 10; *Образ врага*. М., 2005; Родс Э. *Пропаганда. Плакаты, карикатуры кинофильмы Второй мировой войны 1939-1945*. М., 2008; Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования*. – 2008 и т. д.
3. Вашик К. *Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате* // *Родина*. 2002. № 10. – С. 16.
4. Миронов Б.Н. *История в цифрах*. Л., 1991. – С. 28.
5. *Кукрыниксы. Графика 1941-1945*. М., 2006; Родс Э. *Пропаганда. Плакаты, карикатуры кинофильмы Второй мировой войны 1939-1945*. М., 2008; *Пропагандистские плакаты и открытки [Электронный документ. Режим доступа: <http://poster.genstab.ru/>] и др.*
6. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования*. 2008. № 1.
7. Вашик К. *Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате* // *Родина*. 2002. № 10. – С. 16.
8. Гусева В. *Традиции лубка и народной живописи в украинских плакатах советского пери ода*. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.mau-nau.org.ua/kong/Odesa/Book2/Ari09.htm>]. Доступ 08.01.2009 г.
9. Басков О. *Идеологическое оружие (поэтика и идеология агитплаката)*. [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.dere.com.ua/library/baskov/01shtm/>].
10. Вашик К. *Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате* // *Родина*. 2002. № 10. – С. 17.

Шенцов М.Е. (Белгород)

ХТОНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЛИГИИ ОРФИКОВ

Ключевые слова: орфизм, орфическая религия, пифагорейцы, хтонические элементы, мифологические традиции, мистерии, метемпсихоз, индоевропейцы, Фракия.

The key words: Orphism, Orphic religion, the Pythagoreans, chthonic elements, mythological traditions, mysteries, metempsychosis, Indo-Europeans, Thrace.

На сегодняшний день в научной литературе орфической религии посвящено множество исследований. Проблематика, связанная с орфизмом, рассматривается в фундаментальных трудах М. Нильсона, Т. Гомперца, А. Дитериха, Р. Грейвса, А. Фола и ряда других исследователей. Среди отечественных исследователей достаточно упомянуть работы Вяч. Иванова, П.П. Блонского, Н.И. Новосадского, А.Н. Чанышева, В.В. Латышева, А.Ф. Лосева, Б.Б. Виц-Маргулес, А.С. Русяевой, Л.Я. Жмудя, А.К. Шапошникова и др. Однако некоторые аспекты истории орфизма остаются недостаточно исследованными. В частности, несмотря на значительное количество исследований, посвященных орфизму, остается недостаточно освещенным вопрос об истоках хтонических культов в орфической религии. Таким образом, цель данной работы – определить источники формирования хтонических элементов орфической религии, т.е. необходимо установить происхождение как представлений о посмертном пути человеческой души, так и дионисийских верований в орфизме.

По данной проблематике в трудах большинства исследователей фигурирует точка зрения, согласно которой, орфическое учение о загробной жизни является, в сравнении с гомеровской религией, явлением новым и во многом прогрессивным. Так, В.В. Латышев считает, что в первое время своего существования, хтонические представления орфиков являлись новым веянием в эллинской мысли. Подобные идеи были восприняты многими мыслящими людьми, разочаровавшимися в старых верованиях¹. М. Нильсон также справедливо отмечает, что орфическое учение о душе в значительной степени отличается от аналогичных представлений в гомеровской религии. По мнению М. Нильсона, именно орфические представления о бессмертной, отличной от могилы-тела (σῆμα-σώμα) душе впоследствии нашли отражение в народном сознании².

Кроме того, Т. Гомперц считает, что ключевые орфические доктрины развивались под мощнейшим влиянием пифагорейства. Учение о душе и ее посмертной участи – метемпсихозе – также возникло под воздействием пифагорейства, воспринявшего подобные концепции из индийской традиции. Оно являлось новшеством, внесшим раскол и приведшим к гибели всего эллинского мирозерцания³. Действительно, большинство исследователей орфизма отмечают в данном учении немалое количество общих моментов с индийским брахманизмом⁴. Однако, на сегодняшний день историкам неизвестны свидетельства о возможных контактах Пифагора с носителями брахманистской духовной традиции на территории державы Ахеменидов. О влиянии на Пифагора восточных традиций неоплатоник Ямвлих в своем трактате «Жизнь Пифагора» пишет, будто мыслитель лично встречался с магами: «Двадцать два года провел он в Египте в его святынях, занимаясь наблюдением звездного неба, геометрией и постигая не урывками и не поверхностно все таинства богов, пока, взятый в плен воинами Камбиса, не был уведен в Вавилон. Там он охотно общался с магами, отвечавшими ему вниманием, и, научившись у них самому главному в их учении, и овладев в совершенстве наукой о природе богов, и окончательно освоив, кроме того, науку о числах, музыку и другие предметы, и проведя таким образом еще двенадцать лет, вернулся на Самос в возрасте приблизительно пятидесяти шести лет» (Ямвлих. Жизнь Пифагора. IV, 19)⁵. Христианский писатель Ипполит сохранил сведения о контактах Пифагора с Заратуштрой: «Диодор из Эретрии и Аристоксен-музыковед говорят, что Пифагор посетил Халдея Зарату [= Зороастра], а тот изложил ему учение, согласно которому есть две изначальные причины вещей: отец и мать, отец – свет, мать – тьма, части света – горячее, сухое, легкое, быстрое; части тьмы – холодное, влажное, тяжелое, медленное; из них, из женского и мужского начала, состоит весь космос» (Ипполит. Опровержение всех ересей, I, 2)⁶. К тому же, религии Индии были распространены лишь в восточных сатрапиях Иранского царства, в которых Пифагор просто не мог находиться. Важно также отме-

туть, что представления о реинкарнации были присущи не только индийской и, в некоторой степени, египетской, но и доримской кельтской традиции. Это подтверждается сообщениями античных авторов (Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. VI, 14). Кстати, и в IV в. н.э. Аммиан Марцеллин, описывая кельтов, указывал, что «с презрением относясь к земному, они провозгласили бессмертие души» (Аммиан Марцеллин. Римская история. XV, 98). По мнению Е.Э. Носенко, представления о реинкарнации довольно широко представлены в ирландской традиции⁷. Человек может вновь и вновь под тем же именем родиться в разных телах, не сохраняя воспоминаний об этом.

Кроме того, следует отметить гипотезу болгарского историка А. Фола. Исследователь считает, что задолго до проникновения на территорию Эллады, орфизм существовал во Фракии в виде сложной и развитой солярно-хтонической идеологии еще до контакта с пифагорейской традицией. В основе орфического учения лежит следующая космологическая модель: Богиня-мать создает Вселенную, породив сына Солнце. Кроме того, важным аспектом данного учения являются представления о сакральном царь-жреце, совершаемом жертвоприношения, направлены на достижение бессмертия⁸.

Необходимо также отметить концепцию А.К. Шапошникова, согласно которой влияние шло в соответствии с обратным вектором: еще в молодости Пифагор был посвящен в орфические таинства. Именно из орфического учения философ позаимствовал многие концепции, легшие в основу пифагорейства⁹.

Рассматривая данную проблематику, необходимо также упомянуть еще такой важный аспект как влияние египетской культуры. Так, известный российский антиковед Вяч. Иванов считает, что для соединения разрозненных народных культов в рамках общей идеологии, орфики опирались на традицию таинств Осириса¹⁰. Об этом также свидетельствует древнегреческий историк Геродот (Геродот. История. Книга II. 4, 64, 81, 122, 123). Кроме того, об отождествлении Диониса с Осирисом и общих религиозных представлениях Древней Эллады и Египта свидетельствует Плутарх (Плутарх. Исида и Осирис. 12, 13, 34,35, 61, 62). Проблему египетского влияния на орфизм затрагивает в своих работах А.К. Шапошников. Автор упоминает о многочисленных церемониальных и этических заимствованиях из египетских мистерий. Кроме того, именно из Египта Орфей якобы первым принес в Элладу учение о богах, жертвоприношениях и благочестии¹¹. С подобной точкой зрения трудно не согласиться. Однако, по мнению С.Я. Лурье, идея метемпсихоза, присущая орфизму, в египетской религии либо отсутствовала, либо находилась в зачаточном состоянии¹². К тому же, само египетское учение о воскресении мертвых в некоторых аспектах разнится с орфическими представлениями. Для египтян очень важным является сохранение физического тела (др.-егип. Сах), в котором должны воссоединиться Ка – совокупность психических ощущений живо человека, индивидуальность умершего и Ба – душа-проявление, сущность человека, его «жизненная сила»¹³. Согласно же орфическому учению, конечная цель каждой отдельной души – очищение от вредного телесного титанического элемента, возвращение души в первоначальное блаженное бестелесное состояние¹⁴.

Рассмотрев ключевые концепции исследователей орфизма, можно предположить, что хтонические элементы религии орфиков не могли быть заимствованы непосредственно из Индии. Со стороны египетской религии на балканские культы мощнейшее влияние оказывалось еще в эпоху Минойской цивилизации¹⁵. Однако, помимо общих моментов, в учении о душе существуют не менее значимые и разительные отличия. По мнению А.К. Шапошникова, на формировании как эллинской, так и египетской цивилизации, оказала сильное влияние праиндоевропейская культурная традиция¹⁶. Таким образом, в данной проблематике можно говорить о существенном идеологическом влиянии на различные мистериальные культы Эллады, но не на хтонические элементы орфической религии.

Таким образом, для ответа на поставленный вопрос следует обратиться не к религиозно-философскому, а к мифологическому аспекту орфического учения. Для нача-

ла следует обратиться к особенности мышления первобытного человека эпохи мифотворчества. При рассмотрении данного вопроса следует особо отметить, что мышление первобытного человека имело три особенности. По мнению О.М. Фрейденберг, оно конкретно, нерасчлененно и образно¹⁷. Первобытное мышление основано на мифологических образах, на известной системе представлений. Оно не основывалось на отвлеченных понятиях. Кроме того, нерасчлененность мышления порождала такие явления, как тождество разнородных предметов; в языке первобытного человека противоположные явления часто назывались одним и тем же словом¹⁸. Мышление носило пространственный конкретный характер. Каждая вещь воспринималась лишь чувственно. Образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязательно. Можно также сказать, что для первобытного сознания один предмет и есть другой; поэтому здесь нет места для переносности значения с одного предмета на другой.

Исходя из подобного понимания первобытного мышления, следует рассмотреть понимание рождения и смерти в культах умирающих и воскресающих богов. По мнению Фрейденберг, то, что мы называем смертью, у первобытного человека являлось чем-то таким, что соответствует нашему жизненному плану. Мифотворческое сознание конструирует мир на том свете и смерть принимает за план жизни¹⁹. Так, у египтян умерший был светилом, солнцем, а гроб считался небом и матерью умершего. У человека, который умирал, отныне не было ничего общего с земной жизнью. Однако, он продолжал жить, имея мать и отца – Нут и Осириса. В представлениях мифотворческой эпохи человек отождествлялся со светом, со светочем; под смертью понимался заход в ночное странствие, под жизнью – восход и свечение. В римской традиции существительное *pater*, отец, однако глагол *pareo* значит являться. Близким к этим терминам является глагол *parento*, приносить жертву умершему, якобы произошедший от того, что отец совершал заупокойное жертвоприношение. Говоря нашим календарным языком, во второй половине февраля в Риме праздновались Паренталии. Это были празднества мертвых. Считалось, что из земли выходили и скитались души умерших. Во времена Паренталий на могиле поливались мед и вино; приносились яйца, соль, хлеб. Особенности Паренталий было то, что в эти дни считался открытым *mundus pater* – мир отцов. Однако термин *mundus* означал не только «мир», вселенная, но и «яма», земля. Дни открытых преисподней были не только днями открытия двери в мир мертвых, но и весенних рождений космоса²⁰. Могилы украшались розами и фиалками. Таким образом, в мифологических представлениях неодушевленный и одушевленный миры отождествлены. Могила – это преисподняя и утроба, рождающая новую жизнь, дающая ей начало. Кроме того, это священное место, символизм которого принадлежал горе, керну, кургану. Пещера также являлась не только обителью смерти, но и возрождения²¹.

Следует также отметить, что с точки зрения мышления эпохи мифотворчества, именно умерший человек являлся богом. Покойник именовался «блаженный бог» (*δαίμων*). Бог – мертвец оживающий, умерший в функции рождения. Кроме того, бог – это смерть, ставшая жизнью, преисподняя в значении неба, ночной мрак, преображенный в день²².

Кроме того, в контексте хтонических представлений орфической религии необходимо рассмотреть мифологические концепции души. В связи с представлениями о душе следует обратиться к концепции гения – двойника человека, природы, вещи, их второй сущности. В латинском языке основу *gen* можно сопоставить с вариантной основой *gem*. *Geminus* означает двойник, парный, полностью схожий близнец; *gemo* – отдыхать. В греческом языке оба эти образа выражены еще более ярко. Так, *ψυχή* означает жизнь и душа по признаку такого же дыхания. Термин *ἕτερος* означает другой, один из двух. В смысловом отношении греческому соответствует латинское *alter* от *altus*, что означает «высокий», «глубокий» (небо – земля)²³. Для человека эпохи мифотворчества тотем смерти есть тотем жизни. В греческой традиции гений есть то же, что и душа, но душа в значении «жизни», как второго аспекта смерти. У античных народов

души живут на том свете, в преисподней. Платон показывает рождение души где-то в царстве, соответствующем преисподней-небу (Платон. Федон. 107 D). Отсюда души отправляются в жизнь, а затем вновь возвращаются в преисподнюю, где им присуждена двоякая участь: либо ход вверх, либо в преисподнюю, во мрак. Подобные представления философа имеют сугубо мифологические корни. Аналогичные хтонические представления присущи и орфизму. Попав в земное бытие, душа постоянно мечется, стремится вернуться обратно в блаженный мир смерти-рождения. Таким образом, орфические представления о душе и о спасении в слиянии с единым божеством могли сформироваться не под влиянием брахманистских или египетских представлений, хотя полностью подобное влияние исключать не следует. Орфические представления о душе и ее загробной участи, хотя во многом и отличаются от аналогичных гомеровских, все же берут свои истоки именно в некогда единой индоевропейской мифотрадиции.

Кроме того, в мифологических сюжетах содержатся представления, возможно, легшие в основу учения о метемпсихозе. Следует отметить, что еще в древнейших мифологических сюжетах существовало представление о душе, отделенной от тела. Представление о пребывающей вне тела душе часто встречается в древнегреческих и новогреческих народных сказках. Когда Мелеагру было семь лет, к его матери явились Мойры и сообщили ей, что ее сын умрет, когда сгорит дотла головня, которая в этот момент пылала в очаге. Мать выхватила головню из огня и спрятала ее в ларец. Но много лет спустя, разгневавшись на Мелеагра за то, что он убил своих братьев, она сожгла эту головню в огне, и ее сын скончался в корчах, как будто пламя жгло ему внутренности. На темени мегарского царя Ниса рос волос пурпурного или золотистого цвета; на роду ему было написано, что, если вырвать этот волос, царь умрет. Когда Мегару осаждали критяне, дочь Ниса, Скилла, воспылила любовью к их царю Миносу и вырвала из головы своего отца роковой волос. Тут он и скончался. Сила героя одной современной греческой народной сказки заключалась в трех золотистых волосках на его голове. Когда мать вырвана их, он стал слабым и робким и был убит врагом. Жизнь волшебника в другой греческой сказке зависит от трех голубей, находившихся в животе дикого вепря. Когда был убит первый голубь, волшебник заболел, когда убили второго, ему стало совсем худо, а когда не стало третьего голубя, он умер. В греческом народной сказке сила одного людоеда пребывает в трех певчих птицах, которые заключены в диком вепре. Герой убивает двух из этих птиц и, придя к дому людоеда, застаёт его в великих муках, распростертым на полу. Он показывает людоеду третью птицу, и тот умоляет героя отпустить ее или дать ему ее съесть. Но герой сворачивает птице шею, и людоед тотчас же умирает²⁴. Таким образом, можно предположить, что именно представления о душе, как о светоносном двойнике, при необходимости легко отделяемом от тела и переселяемом в другое тело, могут лежать в основе орфического учения о переселении душ.

Таким образом, рассмотрев основные концепции греческого орфизма, можно предположить, что орфические представления о душе, представленной в образе гения-двойника, не являлись результатом заимствования из индийской традиции, а возникли в результате переосмысления греческой мифотрадиции. Кроме того, орфическое учение о спасении, как о слиянии с верховным божеством также может являться не результатом заимствования из религиозных доктрин Древнего Египта, а развития мифологических представлений о душе-двойнике и единстве рождения-смерти. Говоря о египетском влиянии на орфическую религию, следует говорить, скорее, о воздействии на теологический, чем на хтонический аспект вероучения. Учение о метемпсихозе, свойственное также и различным кельтским культам, также могло возникнуть в результате переосмысления более ранних сюжетов народных сказок. Наличие значительного философского элемента в орфических мистериях вполне может являться следствием более поздних контактов орфиков с представителями пифагорейского союза на территории Южной Италии и распространения орфизма в данном регионе²⁵.

Примечания:

1. Латышев В.В. *Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности.* СПб., 1997. - С. 216–218.
2. Нильсон М. *Греческая народная религия.* СПб., 1998. - С. 158–160.
3. Гомперц Т. *Греческие мыслители.* Мн., 1999. - С. 108, 147–148.
4. Виц-Маргулес Б.Б. *Орфизм и орфики в Афинах в VI–IV вв. до н.э. // Среда, личность, общество.* М., 1992. - С. 53.
5. Ямвлих. *Жизнь Пифагора / Изд. подг. В.Б. Черниговский.* М., 1998. - С. 32–33.
6. *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А.В. Лебедев.* М., 1989. - С. 144.
7. Носенко Е.Э. *Представления кельтов о загробной жизни // Вестник древней истории.* 1990. № 3. - С. 106.
8. Фол А. *Политика и культура в Древна Тракия.* София, 1990. - С. 57–60.
9. Орфей. *Языческие таинства. Мистерии восхождения / Предисл., эзотерическое изложение мифологических сюжетов и эзотерические комментарии А.К. Шапошникова; поэтич. пер. И.А. Евсы.* М., 2001. - С. 23.
10. Иванов Вяч. *Дионис и прадионисийство.* СПб., 2000. - С. 183–184.
11. *Древнеегипетская книга мертвых. Слово устремленного к Свету / Пер, предисл. и коммент. А.К. Шапошникова.* М., 2007. - С. 367–368.
12. Виц-Маргулес Б.Б. *Орфизм и орфики в Афинах в VI–IV вв. до н.э.* - С. 52.
13. *Древнеегипетская книга мертвых.* М., 2007. - С. 14–16.
14. Чанышев А.Н. *Эгейская префилософия.* М., 1970. - С. 128.
15. Суриков И.Е. *Древняя Греция: история и культура.* М., 2003. С. 27; Хаммонд Н. *История Древней Греции.* М., 2008. - С. 33–34.
16. *Древнеегипетская книга мертвых.* М., 2007. - С. 366–367.
17. Фрейденберг О.М. *Миф и литература античности.* Екатеринбург, 2008. - С. 27.
18. Там же. - С. 28.
19. Там же. - С. 43.
20. Там же. - С. 45.
21. Бенуас Л. *Знаки, символы и мифы.* М., 2006. - С. 91.
22. Фрейденберг О.М. *Миф и литература античности.* - С. 47.
23. Там же. - С. 52.
24. Фрэнгер Дж. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии.* М., 2005. - С. 700.
25. Латышев В.В. *Очерк греческих древностей. Ч. 2.* - С. 217.

Шермет О.М. (Харьков)

СТАНОВЛЕННЯ І РОЗВИТОК ХАРКІВСЬКОГО ТЕЛЕБАЧЕННЯ У 50-60-Х РР. ХХ СТОЛІТТЯ: ОСНОВНІ ЕТАПИ, ОСОБЛИВОСТІ, ПРОБЛЕМИ ТА НЕДОЛІКИ

Ключевые слова: харьковское телевидение, Харьковская телестудия, Харьковский телецентр, телевизор, передвижная телестанция, телевизионные передачи; гражданско-политические, хроникальные, научно-документальные, художественные рубрики.

Key words: Harkiv's television, Harkiv's TV studio, Harkiv's TV center, TV set, travelling TV station, broadcasts; civil-political, chronical, scientific-documental, artistical headings.

Зародження телебачення як одного з найвпливовіших засобів масової комунікації (від англ. «mass communication» - «масове спілкування» за допомогою технічного споряддя) сягає коренями першої чверті ХХ століття. «Два найвизначніші винаходи в історії: книгодрукарство, що посадило нас за книги, та телебачення, що відірвало нас від них», - цей афоризм тонко відобразив значення телебачення в суспільно-культурному житті як явища суто специфічного, феноменального й неординарного для повсякдення ХХ сторіччя¹.

Перший, підготовчий етап історії телебачення на Харківщині почався з появи ідеї «далекобачення», осмислення його можливостей та переваг. Деякі радіолюбители міста вже у 30-ті роки ХХ століття розпочали пошуки в напрямку збирання власних

саморобних телевізійних приймачів та здійснення можливості приймати московські дослідні передачі з 1 жовтня 1931 р. Велика Вітчизняна війна на довгі роки завадила втіленню їх мрії. Повоєнне десятиріччя знаменувалося широким суспільним рухом за створення в Харкові власного телецентру².

Дослідження проблеми історії розвитку харківського телебачення у 50-60-ті роки являє великий інтерес через можливість простежити основні тенденції його запровадження, поширення, принципів роботи, творчих пошуків, популяризації та інших особливостей на місцевому, слобідському ґрунті. Актуальність теми даного дослідження полягає у тому, що повернення науковців і спеціалістів до витоків харківського телебачення (телестудія міста у цей час стає однією з найпотужніших та найвпливовіших не тільки в УРСР, після Києва³, а й у всьому Радянському Союзі) дозволить винести перспективи його розвитку в майбутньому як важливої складової ланки всеукраїнського телебачення.

Зазначена проблематика знайшла побічне відображення у вітчизняній історіографії. Перші небагаточисельні дослідження з історії харківського телебачення з'являються лише з кінця 1990-х років, де воно розглядається як важлива ланка української телевізійної системи. Проте серйозних академічних праць з цієї тематики досі майже немає. Серед окремих науково-популярних видань з історії розвитку телебачення в Харкові варто відзначити дослідження Л.Ф. Бортникова та В.І. Семененка «История развития средств связи на Харьковщине. Т. 1. Радио и телевидение»⁴, що вийшло у 2002 р. Окремо зупиняючись на процесах його радіотехнічного удосконалення, дослідники водночас мало уваги приділяють аналізу «споживчого попиту» телевізійних програм, їх різновидам та спрямованості.

У загальних рисах специфіка розвитку харківського телебачення 50-60-х років розглядається у науково-популярному виданні «Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра», що було видано в Києві у 2006 р.⁵ Однак це дослідження є значно менш інформативним та аналітичним, аніж попереднє через значну зосередженість уваги на сучасному стані розвитку загальноукраїнської телевізійної мережі.

Таким чином, на сьогоднішній день немає жодного комплексного дослідження, присвяченого історії розвитку харківського телебачення у 1950-1960-ті роки, основним етапам його становлення, ролі в повсякденному житті мешканців міста. Тому метою статті є багатогранне дослідження даного культурно-суспільного феномену з огляду на його вплив, значення на слобідському ґрунті. Даний хронологічний вимір проблеми обраний як такий, коли відбувається прискорення часткових модернізаційних процесів, десталінізація в суспільному житті, «відлига» в ідеологічній сфері суспільства.

Джерельною базою дослідження виступають архівні документи (наприклад, фонду Харківської студії телебачення), статті з тогочасних харківських і московських періодичних видань (газета «Красное знамя»⁶, журнал «Прапор»⁷, журнал «Радіо»⁸), харківських⁹ та загальнорадянських видань, збірників статей, брошур тощо.

Початок 1950-х років знаменувався важливою для харків'ян подією – створенням власної телевізійної студії. В.С. Вовченко, один з «батьків» харківського телебачення, член радіоклубу, згадує: «У період відновлення зруйнованого народного господарства багато що робилося методом «народної будови» з використанням ентузіазму народу... У цих умовах і народилася ідея будівництва телецентру силами радіолюбителів та громадськості міста». Ця ідея була проголошена ним у жовтні 1947 р. на розширеному засіданні Ради Харківського радіоклубу¹⁰. «Батьками» і основними ініціаторами народження слобідського телебачення були також його почесні члени: А. Хромов, В. Рязанов, А. Буховцев, Ф. Маколов, В. Ісаєнко та інші¹¹. Окрім робітників підприємств міста, активну роль у будівництві телевізійного центру брало Харківське відділення науково-технічного товариства радіотехніки та електрозв'язку ім. О.С. Попова. Обком партії систематично інтересувався ходом робіт. У липні 1949 р. почалася збірка апаратури¹². Проте все ж будівництво спорядженого найновішою технікою телецентру,

на жаль, було не під силу групі любителів. Тому на початку 50-х років було вирішено обмежитися чіткістю зображення у 320 рядків при частотності зміни кадрів 50. Така потужність здатна була забезпечити радіус дії телевізійного центру у 10-12 км. З метою здешевлення встановлення апаратури, програма перших передач обмежувалася трансляванням кінофільмів¹³.

Першими отримали змогу дивитися передачі цього першого в СРСР любительського телецентру¹⁴ члени секції телебачення Харківського радіоклубу¹⁵. Слобідське телебачення, маючи добрий потенціал та умови для свого розвитку, надалі почало розвиватися бурхливими темпами. Вже у 1955 р. у помешканнях ще небагатьох мешканців міста спалахнули «блакитні екрани» телевізорів. Виникла й нова традиція – ходити в гості до сімей, де вже з'явилося це чудо техніки ХХ ст.¹⁶. У цей час торговельна мережа не встигала задовольняти попит на «КВН-49», «Зеніт» та інші тогочасні марки телеприймачів, а зона впевненого прийому вийшла за межі Харкова та його передмістя, її було розширено до 30-40 км¹⁷.

На січень 1957 р. у місті нараховувалося вже 36353 телеприймача (в т. ч. 910 телевізорів колективного користування, встановлених у гуртожитках, клубах, червоних кутках), що було досить значною цифрою, порівняно з їх кількістю у грудні 1955 р. – 16020. Передачі Харківської телестудії приймали жителі не тільки міста та області, а й Полтавської, Белгородської, Дніпропетровської і Сталінської областей. У цей час найпопулярнішими марками чорно-білих телеприймачів були телевізори «Рубін» (розмір зображення 360*270 мм) та «Знамя» (340*255 мм)¹⁸.

У 1957 р. до Харкова надійшла пересувна телевізійна станція (ПТС-52), що дозволило працівникам студії розширити «територію» об'єктів уваги «домашніх екранів». Це не тільки урізноманітніло характер передач, але й прискорило формування, спеціалізацію творчих колективів телецентру. А ще через рік місто отримало радіорелейний зв'язок з Москвою¹⁹.

У тому ж 1957 р. члени харківського радіоклубу закінчили роботу над першим на Україні аматорським трансляційним вузлом для передачі телевізійних програм по дротах (душа справи – інженер В.К. Ісаєнко). Перші дроти від трансляційного вузла були протягнуті через вул. Пушкінську до найбільшого в Харкові студентського гуртожитку «Гігант», а група студентів-радіоаматорів, його мешканці, власними силами виготовили декілька телеприймачів²⁰.

У кінці 50-х років (травень 1959 р.) телевізійна студія вже організовувала на підприємствах денні передачі у години обідніх перерв. Водночас на заводах, у робітничих гуртожитках побутував колективний прогляд денних телепрограм²¹. Тоді ж, у листопаді 1959 р., уперше в Харкові жителі мали змогу подивитися пряму трансляцію військового параду й демонстрацію на Червоній площі, що приймалася безпосередньо з Москви по радіорелейній лінії²².

60-ті роки в історії харківського телебачення знаменуються якісно новим етапом його розвитку – початком трансляції дослідних кольорових передач. Вже в 1969 р. у місті поступили в масове виробництво і продаж кольорові телеприймачі «Рубін-401-1» (діагональ 59 см) та «Рекорд-102» (діагональ 40 см)²³, проте через великі черги й досить велику собівартість аудиторія кольорового телебачення на кінець 1960-х років зростала досить повільно.

Протягом 50-60-х років місцеву «школу» телебачення пройшли багаточисельні та досить різношерсті творчі колективи. Ця тенденція мала місце і у загальнорадянських масштабах. Так, В.В. Єгоров, один з авторитетних керівників на московському телебаченні з середини 1960-х років, згадує: «...Колектив складався по більшості стихійно. На телебачення йшли і режисери-невдахи з театру, кіно, музичних і церковних установ, і журналісти-авантюристи, але більшість все-таки складала ентузіасти нової справи...»²⁴. Серед дикторів місцевого каналу звертали на себе увагу Н.М. Фатєєва – згодом відома радянська кіноактриса, З. Каткова. Витримали «розвідку боєм» звукоре-

жисер К. Колегаєв, режисери І.І. Синявіна, Г.Я. Матченко, І.Т. Даниленко, В.М. Осипянц, С.Я. Зелікін; старші редактори Т.П. Матченко та А.М. Каневський; кінооператори Д.Л. Муха, О.П. Магас.

З квітня 1959 р. Харківську телестудію беззмінно очолював Л.Л. Оприщенко, який у 1953 р. закінчив факультет журналістики Державного університету ім. М. Горького²⁵. У ході аналізу даних списку робітників студії телебачення з повними анкетними даними на 1968-1969 рр. виявляється наступна картина: на 1969 р. тут працювало 154 особи. З них 40 % фахівців мали повну вищу освіту, 8 % - неповну; 68 % відносили себе за національністю до українців, 48 % - до росіян, 8 % - до євреїв тощо²⁶.

Окремий інтерес являє собою «споживчий» бік передач харківського телебачення, їх тематичний «діапазон» у 1950-1960-ті роки. Так, початок регулярних місцевих передач датується 7 травня 1951 р., коли ввечері був показаний кінофільм «Олександр Попов»²⁷. Спочатку телепередачі транслювалися три години двічі на тиждень, але вже на 1961 р. телестудія міста працювала без вихідного дня по 6-8 годин на добу²⁸.

Тематика передач була досить традиційною на той час і складалася з громадсько-політичних, хронікальних, науково-документальних, художніх (концерти, телефільми, театральні вистави, власні постанови) та розважальних рубрик²⁹.

Основною метою громадсько-політичних передач на Харківському телебаченні у ці роки було адекватне та широкомасштабне висвітлення ходу семирічки (1959-1965рр.). Традиційними були кінонариси серії «Герої семирічки», цикли передач під рубриками «Літопис семирічки», «Щоденник змагання економічних районів», передачі «У лабораторіях учених», «Ідуть вперед комуністичні бригади» тощо. Досить популярними були агітплакати³⁰. На початку 60-х років частішають передачі, присвячені стану соціалістичних змагань у сільському господарстві (приблизно 2 передачі на тиждень, у т.ч. присвячені рубриці «У блокнот завідувача колгоспу», телевізійна школа майстерності тваринників, «Екран кукурудзозвода») ³¹. Сатирична хроніка була традиційно представлена «Кіновичком», що з'явився на екранах харків'ян у березні 1960 р. і був присвячений критиці місцевих «непорядків»³².

Основною проблемою телевізійних новин (ТН) була їх незакріпленість за певним часовим проміжком часу, про що свідчать матеріали летучок³³. До того ж у 60-ті роки існували певні недоліки постанов громадсько-політичних та хронікальних передач, що простежуються через архівні матеріали: «У хроніки все идет штамповано» (Т. Кравченко, жовтень 1961 р., книга протоколів летучки), «У нас уже вироботался шаблон в праздничных репортажах... Нужно больше искать интересных, ярких фактов, готовить тщательней. Мы очень тускло смотримся на фоне Москвы» (Т. Межов, листопад 1969 р.) тощо³⁴.

Харківська студія телебачення займалася виробництвом власних художніх, музикальних і хроніко-документальних телефільмів з 1959 р. За наступні 9 років було створено близько 60 озвучених стрічок, у т.ч. були відзначені дипломами, призами і преміями 17 робіт. Серед них варто відзначити 4 художніх фільми: «Ярина Чередник» (1960), «Райкины пленники» (1962, диплом І ст. Укр. комітету з радіомовлення і телебачення), «Твой друг гитара» (1968, диплом Союзу кінематографістів СРСР на фестивалі в Єревані; фільм-концерт), «Тореадоры из Васюковки» (1965, диплом Союзу кінематографістів СРСР; 1968, головний приз «Юність» на Міжнародному фестивалі дитячих та юнацьких фільмів у Мюнхені; реж. С. Зелікін, В. Осипянц; опер. А. Орлов)³⁵. Проте все ж таки переважна більшість телеробіт-призерів була присвячена хронікально-документальній тематиці (13), найвизначнішими з яких були фільми «Под сенью креста» (1961), «Великая сила» (1961), «Прогулка по Харькову» (1963, диплом Всесоюзного комітету з радіомовлення і телебачення за кращий фільм-репортаж; був показаний по Інтербаченню), «Для жизни» (1966, диплом ІІ ст. Союзу кінематографістів СРСР за кращий репортаж з місця події; грамота Міжнародного фестивалю телевізійних фільмів у Празі) тощо³⁶.

З 1958 по 1964 роки обсяги власних кінозйомок на Харківській телестудії зросли майже в 3 рази, у той час як на Київській – лише у 2 р.³⁷.

Зростала популярність передач художнього мовлення, особливо пряма трансляція вистав і концертів з театрів³⁸. Пересувна телевізійна станція дозволила робити передачі для молоді з великих концертних залів та майданчиків. Тут чимало вигадок, емоційної насиченості несли програми «КВВ» (з'явилася у 1961 р.)³⁹ та «Голубі вогники». Передача «Зайка-книгоноша» користувалася незмінним успіхом у маленьких харків'ян. Періодично виходив на екрани телевізійний піонерський журнал «Горн»⁴⁰. «Шкіряний м'яч» та «Телевізійне агентство Піонерія» (ТАП), «Клуб моєї книги» постійно виходили на центральне телебачення. З Харкова на Інтербачення транслювався «Веселий поїзд»⁴¹.

Поява харківського телебачення та його поступове впровадження в побут жителів міста справило справжній суспільно-культурний резонанс. Біля «домашніх екранів» збиралися сім'ями, приходили сусіди, знайомі. У побуті з'явився вираз: «пішли на телевізор»⁴². З цим феноменом пов'язані й багаточисельні анекдоти, наприклад, популярний анекдот 50-х років: «Телевізор КВН – Купив, Ввімкнув, Не працює»⁴³.

Таким чином, розвиток харківського телебачення протягом 1950-1960-х років знаменувався початковим етапом «кристалізації» його організаційних форм і структур, поступовим, але впевненим запровадженням у побут харків'ян, осмисленням його ролі у культурно-суспільному житті, функціональним розмежуванням з іншими на той час високорозвиненими видами мистецтва, його носіями – кіно, театром, оперою тощо. Цей динамічний етап розвитку харківського телебачення умовно завершується появою регулярних кольорових телепередач та зміною керівництва телестудії на початку 70-х років, що призвело до помітного творчого застою в цій галузі.

Основними недоліками харківського телемистецтва можна назвати: принцип партійності й шаблонності в основі підготовки передач⁴⁴; на перших порах помітна непрофесійність працівників і фахівців, відсутність досвіду; значне кількісне і якісне переважання громадсько-політичних передач над художніми випусками, російськомовних передач над україномовними⁴⁵; слабка розвиненість форм художніх передач⁴⁶; «рухливість» телевізійних програм у часовому вимірі, їхня незакріпленість за певним часом показу, нечітка періодичність⁴⁷; застарілість телеапаратури⁴⁸ тощо.

Дана проблематика потребує подальшого вивчення і аналізу через можливість комплексного бачення такого складного і водночас неординарного культурно-суспільного феномену, як поява харківського телебачення у 50-60-ті роки, не тільки на макро-, але і на мікроісторичному тлі протиріч хрущовської відлиги на Слобожанщині.

Примечания:

1. Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991. – С. 5; Семенов В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.1. Радио и телевидение / Под ред. С.И. Татарчука и А.М. Кадурина. Харьков, 2002. – С. 233-234.

2. Семенов В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.1. Радио и телевидение... - С. 240-241, 248-250.

3. Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра / Під ред. М.М. Карабанова. Киев, 2006. – С. 30.

4. Семенов В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.1. Радио и телевидение... - С. 288..

5. Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 38-45.

6. Миронюк В. Цветное телевидение в Харькове // Красное знамя. 1969. 24 авг. – С. 4; Открытие студии телевидения // Красное знамя. 1955. 20 марта. – С. 1.

7. Романенко В. Світло й тіні голубого екрана: Нотатки про телебачення // Прапор. 1961. № 4. – С. 77-83; Увага, починається тракт! // Прапор. 1957. № 6. – С. 125-126; Харківські телеаматори // Прапор. 1957. № 5. – С. 124-125.

8. Николаев Д. Построен радиолобителями: Харьковский телевизионный центр. 1950. № 7. – С. 8-9; Победа харьковских радиолобителей // Радио. 1951. № 5. – С. 22; Радиолобители готовятся к 9-й Всесоюзной радиовыставке // Радио. 1951. № 1. – С. 12-13; Харьковский малый телевизионный центр // Радио. 1951. № 1. – С. 47-48, 51.

9. *Говорит и показывает Харьков. М., 1961. – С. 35-77.*
10. *Семененко В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.І. Радио и телевидение... - С. 248-249.*
11. *Артеменко В.А. Харьковский радиотелецентр в датах и фактах (1921-1981 гг.) // Из истории энергетики, электроники и связи. 1982. Вып. 13. – С. 121; Победа харьковских радиолюбителей // Радио. 1951. № 5. – С. 22.*
12. *Николаев Д. Построен радиолюбителями: Харьковский телевизионный центр... - С. 8.*
13. *Харьковский малый телевизионный центр... – С. 47.*
14. *Артеменко В.А. Харьковский радиотелецентр в датах и фактах (1921-1981 гг.)... – С. 121.*
15. *Радиолюбители готовятся к 9-й Всесоюзной радиовыставке... – С. 12-13.*
16. *История міста Харкова ХХ століття / О.Н. Ярмиш, С.І. Посохов, А.І. Епштейн та ін.; Худож.-оформлювач І.В. Осипов. – Харьков, 2004. – С. 512.*
17. *Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 39.*
18. *Державний архів Харківської області (далі ДАХО). Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 17. Арк. 2, 3, 12.*
19. *Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 43.*
20. *Харківські телеаматори... – С. 124-125.*
21. *Культурная жизнь в СССР. 1951-1965: Хроника. М., 1979. – С. 365.*
22. *Артеменко В. А. Харьковский радиотелецентр в датах и фактах (1921-1981 гг.)... – С. 122.*
23. *Миронюк В. Цветное телевидение в Харькове... – С. 4.*
24. *Егоров В. В. Телевидение: Страницы истории. М., 2004. – С. 17.*
25. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр.154. Арк. 4-7, 9-10, 13; Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 40.*
26. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр.154. Арк. 4-18.*
27. *Семененко В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.І. Радио и телевидение... - С. 252.*
28. *Романенко В. Світло й тіні голубого екрана: Нотатки про телебачення... – С. 80.*
29. *Увага, починається тракт!.. – С. 125.*
30. *Говорит и показывает Харьков... – С. 36-41.*
31. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 35. Арк. 13-16.*
32. *Артинов М., Казневський М. Телебачення. Киев, 1962. – С. 31-32.*
33. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 8.*
34. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 38. Арк. 2; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 16, 19.*
35. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 124. Арк. 1; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 174. Арк. 4.*
36. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 124. Арк. 2.*
37. *Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 30.*
38. *Тамарин Б. Показ театральних спектаклей из телевизионной студии. М., 1960.*
39. *Аксельрод А., Муратов С., Яковлев М. Клуб веселых и находчивых. М., 1965; Егоров В.В. Телевидение: Страницы истории. М., 2004. – С. 100.*
40. *Говорит и показывает Харьков... – С. 67-68.*
41. *Українське телебачення: вчора, сьогодні, завтра... - С. 44.*
42. *Там же. – С. 39.*
43. *Семененко В.И., Бортников Л.Ф. История развития средств связи на Харьковщине. Т.І. Радио и телевидение... - С. 256.*
44. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 38. Арк. 2, 29; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 4, 16, 19; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. – С. 188-189.*
45. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 38. Арк. 25, 32-33; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 21.*
46. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 38. Арк. 20, 26-27; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 3.*
47. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 8.*
48. *ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 38. Арк. 2; ДАХО. Ф. Р. 5745. Оп. 3. Спр. 161. Арк. 15.*

Шижко Е. (Харьков)

НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ В СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТАХ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Л.И. БРЕЖНЕВА (1964–1982)

Ключевые слова: советские политические анекдоты, контент-анализ, семантический анализ, недоверие к власти, образы политических лидеров;

The key words: Soviet political anecdotes, content-analysis, semantic analysis, distrust in authorities, images of political leaders.

Специфика Советского Союза как тоталитарного государства стала причиной достаточного распространения в нем такого явления, как советские политические анекдоты¹. Политический анекдот – это жанр городского фольклора, короткий юмористический рассказ с неожиданным концом, который тем или иным образом касается сферы политики². Сегодня в исторической науке наблюдается интерес к привлечению новых исторических источников, таких, например, как советский политический анекдот. Политический анекдот является ценным историческим источником для исследования истории повседневности, урбанистики, исторической памяти народа, оценки событий, явлений, политических лидеров и т.д. До сих пор попытки использовать политический анекдот как исторический источник были немногочисленны. Поэтому научная новизна данной работы состоит в том, что политический анекдот был рассмотрен как исторический источник на основе обширного анекдотического материала с помощью специальных методов исследования.

Основу источниковой базы исследования составляют мемуары, сборники советских политических анекдотов, напечатанных во времена советской власти за границей и на территории СССР с согласия советского руководства, сборники, которые вышли в печать после 1991 г., материалы устной истории и др.

Советский политический анекдот – это массовый исторический источник, поэтому для его анализа целесообразно использовать специальные методы исследования таких источников. Нами был использован метод контент-анализа³, проведенного на основе реляционной базы данных «Советские политические анекдоты», в которую вошло 1975 анекдотов, и СУБД Ms Access. Также был применен метод семантического анализа путем построения теоретико-графовых моделей семантической структуры текстов политических анекдотов, которая состоит из объектов, связей между ними, действий объектов друг на друга⁴. В исследовании этого вида городского фольклора автором метод семантического анализа был применен впервые для определения идейной наполненности политических анекдотов. Методы датировки политических анекдотов следующие: привязка к какому-нибудь событию, дате или личности, метод аналогий и использование письменной фиксации политических анекдотов в источниках личного происхождения.

Было определено, что 27% всех советских политических анекдотов касаются периода 1964-1982 гг., либо возникают в этот период (из 1975 анекдотов – 585). Среди точно датированных анекдотов 40 % касаются периода правления Л.И. Брежнева (из 1250 анекдотов – 585). Такая популярность политического анекдота в период правления Л.И. Брежнева объясняется несколькими причинами. Во-первых, период правления Л.И. Брежнева относительно близок от современности, ведь чем ближе к нам период, тем больше анекдотов, которые передаются устным путем, до нас дошло. Во-вторых, выросла роль политического анекдота, как коммуникативной практики⁵, то есть с помощью анекдота все чаще передают актуальную информацию устным путем. В-третьих, были более благоприятные условия для распространения политических анекдотов, по сравнению с другими периодами. В период правления Л.И. Брежнева особенных преследований за распространение политических анекдотов не было, однако в обществе все еще относились с некоторой осторожностью к произведениям неподцензурной сатиры.

Контент-анализ был проведен по двум основным параметрам, условно названными «Проблематика» и «Персонаж». Третье место по количеству созданных политических анекдотов занимает недоверие к власти (после продовольственной проблемы и отношение со странами соцлагеря) – 6% из всех анекдотов периода правления Л.И. Брежнева. В соответствии с периодизацией распространения советских политических анекдотов и существования анекдотических традиций, которая отличается от традиционной периодизации истории СССР, можно выделить шесть периодов существования советских политических анекдотов. В соответствии с этой периодизацией мы можем

сравнить активность создания политических анекдотов, посвященных недоверию к власти, в разные периоды. Так, на протяжении первого периода (1917–1924 гг.) создается 20 анекдотов, посвященных обозначенной проблематике (15% среди всех советских политических анекдотов), на протяжении второго (1924–1937 гг.) – 21 анекдот (8%), на протяжении третьего (1937–1953 гг.) – 14 анекдотов (7%), на протяжении четвертого (1953–1964 гг.) – 24 анекдота (6%), на протяжении шестого (1982–1991 гг.) – 35 анекдотов (12%). То есть в период правления Л.И. Брежнева было создано 29% всех советских политических анекдотов, посвященных недоверию к власти. Однако, если взять количество этих анекдотов в процентном соотношении к части политических анекдотов на эту тематику по каждому периоду, то в период правления Л.И. Брежнева создается 11% всех анекдотов, посвященных этой проблематике. Это наименьшее количество анекдотов, посвященных недоверию власти, в сравнении с другими периодами. В процентном отношении количество созданных анекдотов на эту тематику уменьшается на протяжении пяти периодов. Это говорит о том, что недоверие к советской власти с 1917 г. по 1982 г. теряет свою актуальность и новизну, и к концу периода «Застоя» недоверие к власти было само собою разумеющееся.

Персонафикация недоверия к власти стала характерной особенностью отражения этой проблематики в советских политических анекдотах. Поэтому необходимо рассмотреть наиболее распространенных персонажей, связанных с недоверием к власти. Ими являются: Ленин (16% среди всех политических анекдотов, посвященных недоверию к власти в период правления Л.И. Брежнева), Брежнев – (13%), далее с одинаковым количеством (4%): Дзержинский, Маркс, коммунисты и партработники. Следом за ними идут (2%): американцы, Вовочка, Хрущев, Чапаев с Петькой, Энгельс.

В начале периода правления Л.И. Брежнева рядом с культом личности самого генсека, еще не сформированного окончательно, необходимым стал культ личности, который уже имел под собой идеологическую основу, ведь тоталитарный строй нуждался в этом. Культ личности И.В. Сталина был развенчан и дискредитирован, М.С. Хрущев был сброшен со своего политического олимпа и его возможный культ личности был также сведен к нулю, о чем свидетельствует ряд анекдотов. Один из самых характерных из них:

Брежнев гордился: «Хрущев развенчал культ Сталина после его смерти, а мы развенчали культ Хрущева при его жизни»⁶.

Потому официальная идеология возрождает культ личности великого теоретика коммунизма – В.И. Ленина⁷, причем довольно навязчиво и с использованием огромного количества штампов. В.И. Ленин подается официальной идеологией не как историческое лицо или государственный деятель, а как примитивный идол со стандартным набором: чрезмерная любовь к детям, сверхчеловеческие возможности, моральная чистота и т.п. Народная мысль отреагировала на это недоверием и сопротивлением навязанному культу личности и возникновению ряда анекдотов, в которых содержится гротескная пародия на официальную идеологию, то есть высмеивание характерных черт образа В.И. Ленина (глаза с прищуром, дефекты речи, небольшой рост, наделение Ленина гиперболизированными возможностями, добротой, гениальностью и т.д.). Анекдотическая традиция по отношению к В.И. Ленину почти кардинально изменяется со времен первого периода существования советских политических анекдотов (1917–1924 гг.). Если до этого В.И. Ленин изображался в анекдотах в основном как не совсем удачный последователь Маркса и Энгельса, или как государственный деятель, который запомнился своими громкими похоронами, то отныне ему посвящается огромное количество анекдотов, где со всех сторон осмеивается штампованная идеология. Один из самых характерных анекдотов этого периода:

Рабинович удивительно похож на Ленина. Его вызывают в КГБ и предлагают как-то изменить свою наружность, а то неудобно получается...

– Ну, допустим, батенька мой, – отвечает Рабинович, – богодку я сбегю. А идейки куда девать пгикажете? – и при этом хитро прищурился⁸.

Или:

– Давайте выпьем, Владимир Ильич!

– Нет, батенька, больше не пью. Помню, как-то в ангеле нализались, занесло нас на Финляндский вокзал, взобгался я на бгоневичок и такую ерунду нес – до сих пог газобгаться не можем!⁹

Однако популярность В.И. Ленина возрастает, о чем свидетельствует появление ряда анекдотов, в которых формируется образ великого теоретика коммунизма. Анекдотическая традиция наделяет В.И. Ленина всеми чертами, которые во многом противопоставляются чертам официального образа великого теоретика коммунизма, а именно: моральная деградация, мелочность, склонность к нецензурной ругани, жестокость и т.д. Например:

Крупская выступает перед пионерами:

– Дорогие дети! Всем известна доброта Ленина. Я вам расскажу такой случай. Однажды Ленин брился у шалаша в разливе, а мимо шел маленький мальчик. Ленин бритвочку точит, а сам на мальчика поглядывает. Вот Ленин побрился, кисточку вымыл, опять бритвочку точит, на мальчика поглядывает. Потом бритвочку вытер и положил в футлярчик. А ведь мог бы и полоснуть!¹⁰

Существует мнение¹¹, что в связи с развитием культа личности В.И. Ленина в идеологии, в анекдотической традиции появляется новый персонаж – Вовочка, которого историческая память народа наделила по своему желанию всеми чертами в дополнение к анекдотическому образу В.И. Ленина: сексуальная раскрепощенность, «сообразительность не по годам», антагонистичность официальной идеологии. То есть всем тем, что никак не соответствовало анекдотическому образу В.И. Ленина, каким бы ярким он не было. Поэтому создатели политических анекдотов наделяют всеми этими чертами не Владимира Ильича, а гротескного ребенка Вовочку. Из этого всего можно сделать вывод, что официальная идеология хоть и с недоверием к развитию культа личности В.И. Ленина, но воспринималась населением, при чем в народной памяти В.И. Ленин оставил о себе воспоминание как образца государственного лидера, который отличался от всех последующих подлинностью. Об этом свидетельствует то, что анекдотический В.И. Ленин «позволял» наделять себя всем тем, что ему приписали создатели политических анекдотов, а это значит, что образ В.И. Ленина изначально не вызывал отвращения и тем более страха.

Реакция на официальную идеологию коснулась и семьи В.И. Ленина и его ближайшего окружения. В анекдотах из этой серии имеют место супружеские измены В.И. Ленина и Н.К. Крупской (противоположность тому, что официальная идеология рисовала их образцом моральности), жестокость и преданность В.И. Ленину Ф.Э. Дзержинского (в некоторых анекдотах прослеживается преемственность, когда исключительно жестоким в одном анекдоте выступает Ф.Э. Дзержинский, а в другом случае в таком же анекдоте – И.В. Сталин). Образ Л.Д. Троцкого к периоду правления Л.И. Брежнева трансформируется следующим образом: от его соратника в 1917–1924 гг. до персонажа, который отныне вспоминается В.И. Лениным, как «политическая проститутка».

Недоверие к идеологии не относится к теоретикам коммунизма – К. Марксу и Ф. Энгельсу. Недоверие относится не к их концепции коммунизма, а к тому, к чему привели попытки применить ее в реальной жизни советским руководством, что привело к ее извращению. Например:

Карл Маркс захотел выступить в СССР по радио.

– Хучь вы и комунисиський основоположник, – сказал ему Брежнев, – я не могу единолично решить такой важный вопрос. У нас коллективное руководство.

– Я скажу только одну фразу! Сказать одну фразу Брежнев разрешил под свою ответственность. Маркс подошел к микрофону и прокричал:

– Пролетарии всех стран, простите меня!¹²

То есть, в период правления Л.И. Брежнева высмеиваются не реальные В.И. Ленин, его окружение и близкие, а штампованные официальной идеологией их искусственно созданные образы.

Особое место занимают политические анекдоты, посвященные 100-летию со дня рождения «вождя мировой революции». В 1970 г. агитация в пользу официальной идеологии достигает таких масштабов, что недоверие к власти и отвращение от официальной идеологии только подогрелось. Это стало причиной в появлении нового слова: «остоюбилело». Один из самых характерных анекдотов:

– Почему перед ленинским юбилеем уволили столько директоров предприятий?

– Перестарались. Скульптурная фабрика спроектировала фонтан "Ленинская струя"; мыловаренный завод выпустил мыло «По заветным ленинским местам»; парфюмерная фабрика – духи "Запах Ильича" и пудру "Ленинский прах"; фабрика детских игрушек – мавзоль с кнопкой: нажмешь – вылетает гробик со Сталиным; часовой завод – часы-броневичок с Лениным-кукушкой: каждый час влезает Ленин на броневичок, протирает руку и говорит: "Товагищи, гюлетагская геволуция, о котогой так долго мечтали большевики... ку-ку!"; трикотажная фабрика – бюстгальтеры "Горки Ленинские"; спиртоводочный завод – новую водку "Ленин в разливе"; кроватный завод – трехспальную кровать "Ленин всегда с нами"; мясокомбинат – колбасу, красную внутри с белым "100" из сала в разрезе; птицекомбинат – "Яйца Ильича" (куриные яички с портретом Ленина); в парке открыли стрелковый тир имени Фанни Каплан.

Но со временем развивается культ личности Л.И. Брежнева. В исторической памяти народа этот процесс остался скорее как стремление генсека к установлению культа личности и как подхалимство окружения к Л.И. Брежневу. Это стремление в политических анекдотах высмеивается как чрезмерное желание генсека наград и званий, попытка заменить труды В.И. Ленина своими трудами, причем достоверность содержания литературных трудов генсека подлежало сомнению. Прослеживается преемственность сюжетной линии в политических анекдотах от третьего периода (1937–1953 гг.) в анекдотах периода правления Л.И. Брежнева:

Объявлены три премии за лучший проект памятника Пушкину. Третью премию получил проект – Сталин читает Пушкина.

– Эта верна истарычески, – сказал Сталин, – но не верна палытычески: гдэ генэральная лыния?

Вторую премию получил проект – Пушкин читает Сталина.

– Эта верна палытычески, но не верна истарычески: ва врэмья Пушкина тава-рищ Сталин ешо нэ пысал книг.

Первую премию получил проект – Сталин читает Сталина¹³.

И аналогичный анекдот периода правления Л.И. Брежнева:

В связи с юбилеем А.С. Пушкина был объявлен конкурс на проект памятника великому поэту. Третью премию получил памятник: Пушкин, читающий книгу Брежнева¹⁴.

Вообще, анекдоты, посвященные недоверию к власти, где главным персонажем выступает Л.И. Брежнев, более характерны для второго периода (1974–1982 гг.) его правления. На протяжении периода его правления прослеживается трансформация образа генсека. Так, в группе анекдотов, созданных на протяжении первой половины периода, недоверие к власти касается в основном жизни стран соцлагеря и «дружеской» поддержке со стороны СССР. В этих анекдотах отображен образ Л.И. Брежнева, который избавлен колористических черт. Генсек выступает как жесткий политический деятель, который имеет реальную власть и которому в советских политических анекдотах открыто желают смерти.

В анекдотах второй половины периода «Застоя» (1974–1984 гг.) создается противоположный образ Л.И. Брежнева, который чаще всего связан с созданием культа личности генсека (8% от всех анекдотов этого периода) и с осмеянием тупости генсека (7% от всех анекдотов этого периода). В группе этих анекдотов отображена специфическая манера Л.И. Брежнева говорить, целоваться с политическими деятелями, особенности внешности и т.д. То есть Брежнев отныне все чаще изображается как комичный правитель, не достойный ненависти. Этот образ возникает на основе синтеза тематик (недоверие к идеологии, недоверие к советскому руководству, стремление Л.И. Брежнева к собственному культу личности и т.п.), усиленная ухудшением состоянием здоровья Л.И. Брежнева.

Под недоверие попали и героизованные официальной идеологией образы революционеров. В политических анекдотах отразились сомнения народа в целесообразности Октябрьского переворота. Например:

В Ленинграде возле зимнего идут съемки фильма об октябрьском перевороте. Большевики наступают, юнкера отстреливаются. Из глазющей толпы кричат:

– Родненькие! Держитесь до последнего!¹⁵

Образы революционеров в политических анекдотах персонифицировались в героях культового фильма «Чапаев». В анекдотах, где главными героями были Чапаев и Петька, пародируются штампованные образы героев революции путем их гиперболизации. Например, простота изображается как тупость, необразованность – как неотесанность, невнимание к своему внешнему виду – как неряшливость, доведенная до абсурда и т.д. Например:

– Не приняли меня в университет, Василий Иванович, на истории срезался. Спросили меня, кто такой Цезарь, а я возьми и ляпни, что это жеребец пятого эскадрона.

– Моя вина, Петька. Когда тебя не было, я его в седьмой перевел¹⁶.

Исходя из количества действий персонажа на другие объекты, и из его принадлежности к главному мотиву (или к главной модели семантической структуры, которая соответствует главному мотиву) вычисляется его сила действия в теоретико-графовой модели семантической структуры текста (в графе). Если силу действия всех объектов друг на друга в графе взять за 100 %, то сила действия объекта вычисляется по формуле: $F = 100(x/y)$, где F – сила действия объекта, x – количество действий объекта, направленную на другие объекты, y – общее количество связей в теоретико-графовой модели.

Подсчеты силы действия объектов друг на друга в графах показали, что средняя сила действия персонажа Л.И. Брежнева – приблизительно 26%, то есть довольно низкая (например, сила действия Сталина-персонажа – приблизительно 46%). Средняя сила действия образа Л.И. Брежнева в советских политических анекдотах в первой половине периода «Застоя» – приблизительно 30%, а во второй половине – приблизительно 22%. Это говорит о том, что в восприятии распространителей политических анекдотов Л.И. Брежнев имеет достаточно небольшую силу и авторитет.

Наиболее популярным видом теоретико-графовых моделей семантической структуры анекдотов, посвященной недоверию к власти, является модель, которую условно можно назвать «треугольником». Этот вид модели всегда является главным в семантической структуре текста. В анекдотах этой группы главный персонаж (чаще всего Л.И. Брежнев и В.И. Ленин) подменяет одно понятие другим, путает два понятия или два главных персонажа по-разному относятся к третьему персонажу, причем эти персонажи или понятия либо равнозначны, либо резко противоположны.

Таким образом, анализ советских политических анекдотов как исторического источника, показал, что недоверие к советской власти с 1917 г. по 1982 г. теряет свою актуальность и новизну, и к концу периода «Застоя» недоверие к власти было само собою разумеющееся. Персонификация недоверия к власти стала характерной особенностью отражения этой проблематики в советских политических анекдотах. В период правле-

ния Л.И. Брежнева высмеиваются не реальные В.И. Ленин, его окружение и близкие, а штампованные официальной идеологией их искусственно созданные образы. Недоверие относится не к концепции коммунизма, а к тому, к чему привели попытки применить ее в реальной жизни советским руководством, что привело к ее извращению. На протяжении рассматриваемого периода прослеживается трансформация образа Л.И. Брежнева в политических анекдотах: от имеющего реальную власть и силу политического деятеля, до комического правителя, не достойного ненависти.

Примечания:

1. Кабанов В. Источниковедение советского общества // Курс лекций. М., 1997. – С. 352.
2. Абдуллаева З. Об анекдоте // Искусство кино. М., 1993. № 2 – С. 82-86.
3. Манекин Р. Контент-анализ, как метод исторического исследования. Донецк, 1991.
4. Москин Н. Теоретико-графовые модели структуры фольклорных песен и методы их анализа // Квантативная история: историко-культурные исследования. Киев, 2000. – С. 280-300.
5. Ненько А. Политический анекдот как актуальная коммуникативная практика (на примере политических анекдотов периода событий «Оранжевой революции») // Вісн. харк. нац. універс. № 761. Соц. досл. Вип. 20. – С. 203.
6. Боров Ю.Б. XX век в преданиях и анекдотах: в 6 кн., кн. 3, 4. Харьков, Ростов на Дону, 1996. – С. 327.
7. Мельченко М. Анекдоты про Ленина. [Электронный документ. Режим доступа <http://www.polit.ru/analytics/2007/04/22/anekdoty.html>]
8. Киевская городская библиотека / Сост. М. Мошков. [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.lib.misto.Kiev.ua/hm/>].
9. Там же.
10. Там же.
11. Белоусов А. "Вовочка" // Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература: Сб. статей. М., 1996. – С. 166.
12. Киевская городская библиотека / Сост. М. Мошков. [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.lib.misto.Kiev.ua/hm/>].
13. Там же.
14. История СССР в анекдотах / Авт. и сост. М. Дубовский. Минск, 1991. – С. 182.
15. Лурье В. Жизнь, смерть и бессмертие Василия Чапаева // Независимая газета. 1991. 9 февраля. – С. 8.
16. Киевская городская библиотека / Сост. М. Мошков. [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.lib.misto.Kiev.ua/hm/>].

Щур А.В. (Белгород)

ВИНО КАК ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (ПО АФИНЕЮ ИЗ НАВКРАТИСА)

Ключевые слова: вино, древние греки, сорт, традиция, повседневная жизнь.

Key words: wine, Greeks, sort, tradition, daily life.

Древние греки были народом, чрезвычайно чувствительным к гармонии, красоте и порядку. Кроме того, они были народом историческим, с развитым историческим сознанием, и хранили в своей традиции различные варианты событий и их объяснения.

Огромное внимание в своей повседневной жизни и традиции греки уделяли вину и виноделию. Вино являлось неотъемлемой частью всех аспектов жизни древних греков. Вино представляло собой интеллектуальную часть трапезы, а еда являлась лишь ее материальным наполнением. Кроме того, нельзя забывать и о роли вина в античной культуре в целом, как о дионисийской стороне творчества (Ф. Ницше, В. Иванов).

Из письменных источников о вине как феномене античного образа жизни наиболее обширные сведения сохранились в крупном сочинении эрудита первых веков н.э. Афиней из египетского города Навкратиса.

Древнегреческий ритор и грамматик, живший на рубеже II–III вв. н.э., Афиней известен как автор книги «Пир мудрецов» («Дейпносифисты»), в которой описана во-

ображаемая беседа 30 ученых мужей, рассуждавших о нравах, общественной и частной жизни древних греков, о различных областях искусства, культуры, литературы и грамматики. Их беседа затрагивает и такой «божественный напиток», как вино.

Участники этой ученой компании делятся своими знаниями, предпочтениями в области вина. Они приходят к общему выводу о том, что «...старое вино не только приятнее на вкус, но и гораздо полезнее для здоровья. Ибо оно лучше помогает усвоению пищи, а будучи составленным из более тонких частиц, быстрее выводится из организма; кроме того, оно взбадривает тело, улучшает состав крови, благотворно влияет для кровотока, а также улучшает сон». В подтверждение этой мысли можно привести строки из стихов древних поэтов:

«Пиндар восхваляет
Старое вино и цветы новых песен¹.
Эвбул же пишет:
Не странно ли – всегда в чести у девушек
Вино постарше, а мужчина свеженький?»²

Древние греки искусно разбирались в сортах вин, а также в их вкусах. По этому поводу один из участников указанной компании мудрецов Гален рассказывал следующее: «...существует два сорта фалернского вина: сухой и сладковатый, последний приобретает свои особенности, когда во время сбора винограда дует южный ветер, в результате вино получается более темным. Сбор в безветренную погоду дает сухое вино желтого цвета. Два сорта имеет также альбанское вино: сладковатый и кислый; оба приобретают наилучший вкус после пятнадцатилетней выдержки. Соррентинское же вино начинает приобретать приятный вкус только после двадцати пяти лет выдержки: из-за бедности жиром и очень грубого осадка оно едва созревает даже за этот срок; Впрочем, и после этого оно по вкусу только для привыкших к нему...»

Такие подробные характеристики даны и форманскому вину, и тибуринскому, и лабиканскому, и буксентинскому, и каленскому и многим другим сортам вин.

Если говорить о названиях вин, то в античности они зависели от местности, где производили вино. Это было характерно как для Греции, так и для Рима.

«Амфид в следующих стихах хвалит вино из города Аканфа:³

- Угрюмец мрачный, говори, откуда ты?

- Аканфянин.

- О боги, получается,

Что ты, земляк, вина необычайного,

Решил характер уподобить имени

Отечества, отринув нравы светские.⁴

О вине из Коринфа Алексид упоминает как о терпком:⁵

Вино там завозное, ведь коринфское –

Была бы пытка сущая.⁶

Страттид же хвалит вино из Скиафа:⁷

Проходим рай: течет рекой скафийское

Напополам с водой, густое, темное.⁸

Селевк же отмечает, что в древности не было в обычае ни напиваться вином, ни переходить меру в других наслаждениях, если только это не было связано с почитанием богов. Отсюда произошли названия застоля и пира и пьянства: первое было названо так из предположения, что опьяняться следует, только славя богов, второе – потому что, собираясь за столом, в честь богов солили пищу – это ведь и есть «пир изобильный». И наконец, Аристотель говорит, что слово «напиваться» означает то, чем занимаются после жертвоприношения.

Кто божествам приносит жертвы малые,
Благочестивей в жертву приносящего
Быка громадного, -

говорит Еврипид у Афиней⁹. Этим он показывает, что значит «жертвоприношение».

«Также у Гомера:

От приношения жертвы не знаю я большой утехи,
Чем когда завладело веселие целой страной.¹⁰

И все еще процветающие празднества, сопровождающиеся традиционными мистериями, мы называем телетами, из-за того, что они связаны с большими тратами, ведь телет значит «тратиться». Алексид пишет:

Должны открыто жить богатые,
Чтоб от богов дары у них все видели:
Ведь если боги одаряют благами,
То ждут они за это благодарности.
Увидев, что одаренный скрывается,
Всех убеждает, что живет он в бедности
И недостойно участи свободного,
Дождутся боги случая удобного
И все подаренное быстро отберут».¹¹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что древние греки были одними из творцов, а также истинными ценителями благородного напитка, поскольку они считали, что вино обладает способностью наполнять душу истиной, пониманием и философским отношением к жизни. Все основные знания о вине, существующие и поныне в европейской культуре, восходят к античной греческой традиции.

Произведение же Афиней является для нас одним из важнейших письменных источников, зафиксировавших уже сложившуюся многовековую традицию незадолго до упадка и трансформации античного мира в средневековый.

Примечания:

1. Афиней. Пир мудрецов. М., 2003. - С. 37.
2. Там же.
3. *Fragmenta Comicorum Graecorum* / Ed. Кошк. II. 247.
4. Афиней. Пир мудрецов. - С. 44.
5. *Fragmenta Comicorum Graecorum*. II. 401.
6. Афиней. Пир мудрецов. - С. 44.
7. *Fragmenta Comicorum Graecorum*. I. 729.
8. Афиней. Пир мудрецов. - С. 45.
9. Там же. - С. 58.
10. Гомер. Одиссея. II. IX. 5.
11. Афиней. Пир мудрецов. - С. 59.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агарков Александр Федорович** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент И.Т. Шатохин.

2. **Богданов Дмитрий Евгеньевич** – студент I курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.С. Кулабухов (ignorabim@yandex.ru)

3. **Бостельманн Анна Александровна** – студентка VI курса заочного отделения исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доцент А.А. Дворецкая (anbostel@yahoo.de)

4. **Власов Алексей Николаевич** – студент V курса Липецкого государственного педагогического университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Л.И. Земцов.

5. **Вепренцева Татьяна Алексеевна** – кандидат исторических наук, доцент Тульского государственного университета (vt180678@yandex.ru).

6. **Воронько Андрей Александрович** – студент II курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.А. Сарапулкин.

7. **Долженков Игорь Александрович** – аспирант кафедры истории России Курского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.А. Терещенко (terecshenkoaa@mail.ru).

8. **Дьяконов Максим Владимирович** – магистрант II курса исторического факультета Курского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент А. Н. Курцев (obeliskkursk@mail.ru).

9. **Дюкарев Владимир Александрович** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Е.А. Семичева (djukarev.vl@mail.ru).

10. **Еремеев Павел Викторович** – студент III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Д.В. Журавлёв (eremeev-pavel-v@mail.ru).

11. **Котин Марк Андреевич** – студент V курса исторического факультета Таврического национального университета (г. Симферополь). Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.П. Власов (stepnoy-lupus@rambler.ru).

12. **Кочарян Сурен Гарникович** – аспирант кафедры истории Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.В. Калиниченко (skochar@mail.ru).

13. **Красникова Екатерина Александровна** – студентка IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Н.Н. Болгов (malaya555@yandex.ru).

14. **Кременев Дмитрий Михайлович** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент К.В. Козлов.

15. **Мишакин Денис Александрович** – студент III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: ассистент Л.С. Пोलовнева.

16. **Моргун Олег Владимирович** – студент I курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.И. Тумаков (omrgn@yandex.ru).

17. **Пастушенко Андрей Александрович** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор С.Б. Сорочан (arvern@yandex.ru).

18. **Петров Сергей Дмитриевич** – студент III курса исторического факультета Харьковского государственного университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Д.В. Журавлев (psd-kh@ukr.net).

19. **Половнева Людмила Александровна** – ассистент кафедры документоведения Белгородского государственного университета (polovneva@bsu.edu.ru).

20. **Пчелинов-Образумов Александр Александрович** – магистрант I курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.В. Малай (aleksandrpchelinov@yandex.ru).

21. **Родивилов Александр Александрович** – студент III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.С. Кулабухов (kulabuhov@bsu.edu.ru).

22. **Ростовцев Алексей Михайлович** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Г.И. Старченко (leoha@rambler.ru).

23. **Сбитнева Юлия Николаевна** – магистрант I курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Н.Н. Болгов (bolgov@bsu.edu.ru).

24. **Семенист Иван Васильевич** – магистрант исторического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Б.М. Гончар (budokan@mail.ru).

25. **Снежко Варвара Викторовна** – студентка IV курса заочного отделения исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Г.И. Старченко (starchenko@bsu.edu.ru).

26. **Стронина Ольга Николаевна** – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент А.И. Дудка (stroninka@yandex.ru).

27. **Терещенко Елена Анатольевна** – соискатель кафедры всемирной истории Черниговского государственного педагогического университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор К.М. Ячменихин (lorelea2006@yandex.ru).

28. **Фомичев Николай Николаевич** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.В. Малай (n-fo@yandex.ru).

29. **Чумаченко Марина Александровна** – студентка IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: кандидат исторических наук, профессор В.М. Духопельников.

30. **Шабанова Алеся Александровна** – старший научный сотрудник, заведующая отделом культурно-образовательной деятельности Белгородского государственного художественного музея. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент И.Т. Шатохин (shabanova.alesya@rambler.ru).

31. **Шалыгина Дарья Леонидовна** – студентка II курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.А. Куликов (smdashulya@yandex.ru).

32. **Шенцов Максим Евгеньевич** – студент IV курса социально-теологического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент А.Г. Чередниченко (Cherednichenko@bsu.edu.ru).

33. **Шеремет Елена Николаевна** – студентка III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.В. Калиниченко (5j-element@ukr.net).

34. **Шишко Екатерина** – студентка II курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.А. Куликов (smdashulya@yandex.ru).

35. **Щур Алена Владимировна** – студентка I курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Н.Н. Болгов (bolgov@bsu.edu.ru).

Подписано в печать 2.06.2009г.
бумага офсетная. Усл.п 43, 5
Тираж 150 экз. заказ 0412

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г.Белгород, ул. Б. Хмельницкого, 84, тел. (4722)31-40-18
Св-во 001071155 от 13.04.2005г